

Ник Вилгус

"Потрясти сахарное дерево"

Серия: Сахарное дерево (книга 1)

Автор: Ник Вилгус

Название на русском: Потрясти сахарное дерево

Серия: Сахарное дерево

Перевод: Amelie_Holman, rograd

Сверка: helenaposad

Редактор: Amelie_Holman

Оформление:

Eva_Ber

Аннотация

Мудрый, с искрометным юмором Вилли Кантрелл всем бросается в глаза. Будучи жителем Глубокого Юга, ему приходится держаться подальше от своих глубоко верующих соседей и семьи. Неудавшийся писатель на продовольственных талонах работает за минимальную зарплату и с трудом сводит концы с концами, чтобы оградить себя и своего глухого сына, Ноя, от прозябания на помойке.

У Ноя врожденные дефекты от метамфетаминовой зависимости его матери. Ноу видит насколько одинок его отец, поэтому старается помочь ему найти бойфренда, в то время как Вилли бьется изо всех сил, чтобы у сына сохранились отношения с его заключенной в тюрьме матерью, которая считает, что тумаки — лучшая пища для ребенка. Не удивительно, что когда мимо кассового аппарата Вилли проходит медбрать из Бостона Джексон Ледбеттер, зажигая его сахарное дерево, Ноу становится главной поддержкой для своего отца.

Джексон до одури влюбляется в чувство юмора Вилли. И хотя, сам Вилли представляет собой все лучшее, что можно найти в южанах, Джексон скрывает угрожающую его новоиспеченной семье тайну.

Когда Север встречается с Югом, возникает множество культурных недоразумений, но смеха и слез — не меньше. Поэтому, как говорят в Дикси, все в порядке.

Глава 1

Жара в городе

Был пятничный вечер в Тупело, штат Миссисипи, и я, как и остальные рыскающие в этой изнуряющей июньской жаре по Баллард Парку гомосеки, притворялся, что не являюсь одним из них, пока ничего не подозревающие мамочки и папочки играли со своими детьми, а обитающие в парке утки приставали к тем, кто оказался достаточно глуп для того, чтобы принести с собой еду.

Я бросил фрисби над свежепостриженным газоном и Ноу поймал его, с присущей ему выносливостью, отправив пас мне обратно одним рассчитанным движением запястья, что для девятилетнего мальчика, страдающего от явных последствий метамфетаминовой зависимости у его матери, немалый подвиг.

Он просиял от радости, увидев, как высоко мне пришлось подпрыгнуть, чтобы поймать его бросок. Он был не единственным, кто смотрел на меня. Я не особо стеснялся внимания, будучи загорелым, без рубашки, в свободных шортах и сандалиях. Мои русые волосы были убраны в хвост, а по спине стекали капли пота. Было бы проще написать на моей груди розовыми неоновыми чернилами "Сделай меня".

В следующий раз я провел бросок под таким углом, чтобы фрисби приземлился около одинокого на вид парня, который сидел под сахарным кленом, симулируя незаинтересованность.

Ной кинулся за игрушкой. Его волосы были дикой, необузданной массой блондинистых кудрей, кожа загорелая, а руки и ноги торчали из майки и шортов, как китайские палочки.

Фрисби упал неподалеку от молодого человека, который его и подобрал.

— Держи, пацан, — крикнул он, бросая фрисби Ною и посмотрев на меня, несмело улыбнулся.

Ной тоже посмотрел на меня, улыбаясь так, словно спрашивал: «*Ну, как тебе этот папочка?*»

Именно в этот момент из ниоткуда появился футбольный мяч.

— Эй! — окликнул парень, когда увидел, что мяч летит прямо в Ноя. — Осторожней, пацан!

Ной просто продолжал стоять, улыбаясь мне шкодной улыбкой.

Берегись! — повторил я неистовым жестом.

Слишком поздно.

Он повернулся как раз вовремя, чтобы мяч врезался ему в лицо и заставил растянуться на земле.

Я побежал по траве.

— Я пытался его предупредить, — сказал незнакомец, наклоняясь и присматриваясь к Ною. — Ты в порядке, пацан?

Ты в порядке? — прожестикулировал я.

— Ох, — простонал он не своим голосом.

— Он глухой, — сказал я парню, помогая Ною подняться на ноги. Тот был все еще в легком шоке, но не пострадал.

Ной проигнорировал наши протесты, подобрал мяч и пошел навстречу к двум мальчикам, владельцам мяча, которые уже приближались к нам.

Протянув им мяч, он спросил:

— Мочь играть ты? — громким и грубым голосом, да еще и с грамматическими ошибками.

Мальчики, казалось, не знали, что им делать, поэтому забрали мяч и поспешили обратно, как будто Ной мог заразить их вшами.

Ной вернулся ко мне с удрученным выражением лица.

Не обращай на них внимания, — показал я. — *Поздоровайся.*

— Это мой сын Ной, — сказал я молодому человеку, который выглядел настолько же озабоченным, как и я, хотя значительно лучше одет и причесан. — Меня зовут Вилли.

Я протянул ему руку.

— Я Брейден, — сказал он. Его рукопожатие было твердым и, я бы поклялся Богом, по моей руке вверх побежал слабый электрический ток, но я не умею клясться Богом, поэтому не буду.

— Здравствуйте, — сказал Ной, глядя вверх на привлекательного мужчину. Он улыбнулся ему во весь рот, великолепно демонстрируя не самое блестящее состояние своих зубов — еще один подарок от Всемогущего моему единственному ребенку.

— Это твой племянник? — спросил Брейден.

— Мой сын.

— Ты женат?

— Не то, чтобы очень.

— Это... странно, — сказал он.

— Долгая история, — отозвался я.
— Ты с ним видишься по выходным?
— И по остальным дням недели тоже. Я отец-одиночка.
— Ох.

Он одарил Ноя странным взглядом, как будто не совсем верил или не хотел верить в то, что я отец.

— Веселитесь, ребята, — ответил он, решив, что геи с детьми не входят в его планы. — Мне пора.

И мы наблюдали за тем, как он беспечно удалился, играя на ходу в телефоне.

Ной посмотрел на меня, прикусив губу.

Он был милым, — предположил Ной.

Я пожал плечами.

Мы найдем тебе бойфренда, не беспокойся, — заверил он меня.

Глава 2

Проверить Джексона Ледбеттера

На следующий день, я работал на ленте экспресс-кассы в ФудВорлде* ("Наши колбаски не для ручной ласки!" — провозглашал один из наших неофициальных девизов), разбираясь с нескончаемым потоком обезумевших субботних покупателей, которые настолько торопились попасть куда-нибудь в местечко повеселее и поинтереснее, что их манеры, казалось, стали жертвой похищения инопланетян. Мне постоянно напоминали, что "не больше пятнадцати наименований продуктов" — не самое понятное правило.

**ФудВорлд* — сеть супермаркетов.

Я как раз собирался идти на перерыв, когда молодой человек в синей медицинской униформе плюхнулся передо мной два ящика пива Dos Equis и улыбнулся такой неземной улыбкой, что я подумал, с моего бисквита может закапать масло.

— Как дела? — спросил я слегка севшим голосом.

— Могло быть и лучше, — сказал он с акцентом типичного янки. — У тебя?

— Пока жив, — ответил я, удивляясь тому, что такой чертовски привлекательный северянин в одежде медика делает в самом сердце Дикси.

— Уже неплохо! — воскликнул он.

— Надо бы тебя проверить, — сказал я, положив ладонь на один из его ящиков пива.

— Не проблема, — сказал он, показывая мне водительское удостоверение магнолиевого штата*. Я провел, возможно, больше необходимого времени, пялясь на карту, как бывает, если на уме у тебя не просто кассовый подсчет. Похоже, "Джексон Ледбеттер" родился 15 сентября 1985 года, что означает — ему двадцать восемь лет. Ростом около 180 см, килограммов 70 весом, с каштановыми волосами и карими глазами. Греческий бог передо мной едва ли попадал под это описание, ангел выглядел так, будто только что сошел с картины Караваджо. Хорошо, что он жил неподалеку, на моей же улице. Но еще лучше то, что мой гей-радар дёргался, как заяц в капкане.

*Магнолия с 1938 г. официально утверждена в качестве символического дерева штата Миссисипи. И это дерево действительно широко распространено в субтропических районах побережья Мексиканского залива, в том числе и в штате Миссисипи.

Я видел, как он разглядывает именной бейдж на моей груди: *Я Вилли Кантрелл. Чем могу помочь?*

— Крутое имя — Вилли, — озвучил он с улыбкой свое наблюдение.

Он что, флиртует со мной?

Хотелось бы надеяться.

— Это всё? — спросил я.

— У меня сегодня вечеринка, посвящённая новоселью, в шесть. Почему бы тебе не прийти?

— Очень мило, спасибо.

— У меня квартира в Террас Вью. Номер двадцать два. Увидимся?

Он открыто флиртовал со мной на глазах у очереди вцепившихся в свои купоны покупателей?

— Конечно, — сказал я.

— Круто! — воскликнул он. Его взгляд задержался на мне гораздо дольше, чем должен был и он, взял пиво, побрел прочь, весь такой сексуальный в этом медицинском костюме.

Проклятье, а он горячий.

Я бы мог от любить этого парня. Реально. От любить и как следует потрясти его сахарное дерево.

Глава 3

Кинули

Обычно я не хожу на неожиданные вечеринки к полным незнакомцам, особенно не ташу туда своего девятилетнего сына, который может серьезно помешать делу, когда я возбужден и не прочь потрахаться, но в этот раз я сделал исключение. Наверное, не самое мое лучшее решение, но виной всему озабоченность, да и не сказал бы, что Тупело кишит гей-клубами. Единственное подобное заведение закрыли много лет назад.

Шел восьмой час вечера, когда мы с Ноем зашли на Террас Вью в поисках двадцать второй квартиры.

Ной мелкий мальчишка, каких-то двадцать с половиной килограммов, и 120 сантиметров роста, мой маленький гномик. Для ребенка, выжившего после преждевременных родов его матери метамфитамины, того, кому не суждено было оправиться, он определенно стал тем, кто посмеялся последним.

Он красивый мальчик. По крайней мере, для меня. Его голова немного крупновата для тела. Под голубыми глазами не проходящие круги, независимо от того, сколько он спит. В его лице есть что-то несовершенное, что-то незаконченное, неправильное, что невозможно описать. Я разрешил ему отрастить волосы, позволив им прийти в состояние великолепной неопрятности, потому что он не любит стричься. В этом он берет пример с меня, а я не стригся уже с 1998.

Мы оба были одеты в шорты и майки — стандартную летнюю одежду. Откровенно говоря, когда на дверях магазинов висит табличка "Не продаем рубашек и обуви. Не предоставляем услуг" — это про Кантреллов. Мы настоящие олицетворение неряшливости. Я убрал свои волосы в конский хвост, в тусклой попытке заставить

себя выглядеть презентабельно. Мне бы следовало подстричь бороду, но я делаю это только, когда приглашают на свадьбу или похороны, куда приходят ко времени и манерно сидят. По крайней мере, мы пришли не босиком.

Я нес коробку печенья, которую купил в ФудВорлде на свои купоны. Сегодня это печенье продавалось со скидкой.

Взглянув на Ноя, я ободряюще улыбнулся, хотя мне поддержка была нужнее, чем ему.

Ты собираешься стучать или нет? — прожестикулировал он.

Веди себя хорошо, иначе я продам тебя на eBay, — ответил я.

Он улыбнулся своей ха—ха—ха—я—умру—со—смеху—над—тобой улыбкой.

Он реально милый, — показал я. — *Я нервничаю. Дай мне секунду.*

Закатив глаза, мальчик скрестил на груди руки.

Как я выгляжу? — спросил я.

Сын равнодушно пожал плечами.

Как мои зубы?

Мне показали два пальца вверх.

Мы можем уже зайти? — спросил он. — *Я есть хочу!*

Я нервничаю.

Просто не веди себя, как тутица и ты ему понравишься.

Ну, спасибо тебе!

Всегда пожалуйста.

Несмотря на мою неуверенность, он постучал в дверь с видом бывалого копа.

Нам открыл Джексон Ледбеттер, одетый в дорогой костюм для бега. Выражение его лица без слов светилось приветливостью.

— Заходите, — сказал он.

— Привет, — сказал я.

Мы последовали за ним в печальную квартиру без мебели, обстановка выглядела современной, новой и нарядной, но тем не менее мрачной, голой и стерильной. Повсюду стояли коробки. У широкого эркерного окна лежала скатерть, на которой были расставлены приготовленные к вечеру закуски. Кондиционированный воздух был божественен. Из CD-проигрывателя доносилась песня Эмили Санде "Рядом со мной". Я слышал эту песню отовсюду, и она уже порядком действовала мне на нервы. Дайте мне Рибу, Пэтси, Джонни Кэша и Вилли Вэйлона*.

*Риба, Пэтси, Джонни Кэш и Вилли Вэйлон — музыкальные исполнители в стиле "кантри".

— Извини за опоздание, — сказал я. — Мы покупали печенье. Хотя, судя по всему, лучше бы купили стулья.

— У меня не было времени на походы по магазинам. И кто этот молодой человек?

— Мой сын Ной, — сказал я.

— Здравствуйте! — сказал Ной своим странным голосом.

Джексон сделал кое-что из ряда вон выходящее: он повернулся к Ною и заговорил на языке жестов.

Здравствуй, — сказал он.

Ной с наслаждением улыбнулся в ответ на такой неожиданный способ коммуникации.

Меня зовут Н—о—й.

А меня Д—а—е—к.

Ной ухмыльнулся.

Мой папа считает тебя милым, — сказал он.

— Не обращай на него внимания, — сказал я.

— Я не разобрал последние слова, — сказал Джексон.

— Он сказал, что его папа считает тебя милым или вроде того. Он стремится найти мне бойфренда.

Джексон ухмыльнулся.

Повернувшись к Ною, он спросил жестами:

— Кушать хочешь?

Ной энергично закивал.

— Где ты научился языку глухонемых? — спросил я.

— Я работаю медбратьем в отделении педиатрии. Два семестра учил язык жестов, чтобы помогать глухим детям и их родителям.

— У тебя неплохо получается, но ты сказал, что тебя зовут Д—а—е—к.

— Давно не практиковался, — сказал он, краснея от смущения.

Мы сели на ковер у края скатерти. Ной тут же накинулся на мясную и сырную нарезку, которую он обожал, но которую мы не всегда могли себе позволить. Продовольственных талонов на это не хватало.

— Не хочу показаться невежливым, — сказал я, — но я думал, у тебя здесь намечалась вечеринка.

— Меня кинули, — сказал он, с удивлением почесывая затылок. Наверняка, для него подобное было в новинку. Я не мог представить, чтобы кто-нибудь его кидал.

— Я пригласил ребят из госпиталя. Я совсем недавно начал работать в Северном Медицинском Центре Миссисипи. Может, мне не следовало говорить им, что я гей. Меня предупреждали не делать этого, но я не послушал. Мне казалось в этом нет ничего такого.

— Тяга к приключениям в культурных недоразумениях, — сказал я.

— Типа того, — согласился он.

— Они еще подойдут. Спасибо, что пригласил нас. Так как тебя называть Джек или Джексон?

— Джек, пожалуйста, — сказал он. — Ненавижу, когда меня зовут Джексоном. Звучит, как название столицы штата.

— Это и есть столица штата.

— Вот и я о чём. Хочешь пива? У меня два ящика.

— Хорошо, что я живу на этой же улице. Как тебе Тупело? — спросил я.

— Хорошо, — сказал он. — Странновато, вообще-то. Здесь родился Элвис. И думаю, я ожидал... не знаю, чего ожидал. Но мне пока все нравится. Тут очень спокойно.

— Позволь мне поприветствовать тебя на самой пряжке Библейского Пояса. — Я торжественно поднял пиво. — Здесь на каждом углу по церкви, а в каждом гараже по фанатику.*

*Библейский Пояс — регион в Соединённых Штатах Америки, в котором одним из основных аспектов культуры является евангельский протестантизм. Ядром Библейского пояса традиционно являются Южные штаты. Связано это в том числе с тем, что здесь наиболее сильны позиции Южно-Баптистской Конвенции, одного из крупнейших религиозных объединений США.

Он рассмеялся моей напыщенной реплике.

— Мои друзья называли меня сумасшедшим, когда я принял предложение о работе здесь, — сказал он. — Я из Бостона и устал от большого города. Мне казалось, у

Тупело идеальный размер. Не слишком большой. Не слишком маленький. Хорошие деньги и низкая стоимость проживания в сравнении с Бостоном, но тут все совсем иначе. Не уверен, о чем думал в тот момент. Хотя, не правда. Я хотел уйти от Мака. Как можно дальше.

— А Мак, это...?

— Ты не хочешь знать, — заверил он меня.

— Ох уж эта радость бывших, — сказал я.

— В точку.

— Ты сейчас находишься настолько далеко от цивилизации, насколько это вообще возможно, — сказал я. — Мы в Тупело еще более-менее смышленые, но чем дальше уходишь на юг, тем безумнее вокруг становится. Вдоль Персидского залива еще не так плохо: пляжи, азартные игры, бухло. А вот Алабаму я бы не посоветовал и злейшему врагу, не говоря уже о Луизиане. Если совсем припекло, то Мемфис всего в двух часах езды. Полно баров с сиськами, как я слышал. Есть казино, если это твоя фишка. Так ты медбрат, да?

— Это единственный способ стать доктором, — сказал он с улыбкой.

— Работаешь с детьми?

— Я люблю детей, да. Замечательная работа. Заставляет меня чувствовать, что я делаю нечто полезное, особенно, когда помогаю детям пройти через хрен наподобие рака или лейкемии. Хотя, четыре года в колледже — максимум, что я смог выдержать.

— Я справился только с двумя, — признался я.

— И теперь ты... кассир?

— Кроме всего прочего.

— Загадочный. Мне нравится.

— Я думал, что стану писателем. Некоторые из моих книг напечатали, но жизнь распорядилась иначе.

— Как так?

— Такое случается, когда от тебя залетает девчонка, она убегает и оставляет тебя с ребенком, коробкой памперсов и ректальным термометром.

— Извини, но мне трудновато представить, как от *тебя* могла залететь девчонка...

— Я был молод, — сказал я в свою защиту. — Молодой кретин, с желанием что-то кому-то доказать. И у меня не заняло много времени понять, что любовь к той, чье имя я боялся произносить вслух, поимела меня по полной. Да и вообще, я считаю, что каждый должен завести ребенка, хотя бы потому, что дети служат постоянным напоминанием причины появления седины и отсутствия зубов у их предков.

Джексон фыркнул и нечаянно выплюнул часть пива на свой пижонский костюм для бега.

— Салфетку? — спросил я, протягивая ему салфетку.

— Прошу прощения.

Его лицо стало красным от стыда.

— Дети всегда тянутся к сиське, — добавил я. — К тому времени, когда они повзрослеют, у тебя будет искривление позвоночника и сиськи до колен.

— Кажется, тебя этот негативный эффект не коснулся, — выдал он.

— Я упорно тружусь, чтобы сохранить фигуру, — сказал я, — У тебя нет настоящего желания иметь ребенка до тех пор, пока тебе не комфортно ходить со следами рвоты и всякого такого.

— На меня часто попадает рвота и моча, — уточнил он. — Мне даже выдали мою долю медицинских уток и рвотных пакетов. И памперсов, кстати говоря.

— Рыбак рыбака. Привет тебе.

Я поднял тост.

— Однако, я не думаю, что это одно и то же, — добавил он, бросив взгляд на Ноя. — В крайнем случае, с окончанием смены я могу оставить это все позади.

— Я всегда говорю Ною, что продам его на eBay, если он будет плохо себя вести. Нужно знать, как держать под контролем этих мелких жуликов, иначе они залезут тебе на голову. Это кошмар. Честно. День-деньской. Папочка, хочу это. Папочка, хочу то. Папочка, папочка, папочка! Дай—дай—дай! Я типа такой, Христос всемогущий и Ииссус воскрешенный, выбившийся в люди, обещаю тебе, если ты не заткнешься, я верну тебя в подвал, закую в наручники и заклею рот скотчем. И я не шучу. А теперь принеси мне пива, долбаный, мелкий карлик.

Джексон настолько искренне рассмеялся, что я моментально потерял нить разговора.

Господи Боже, как же он хорош! Его темно-карие глаза были ясными, но в то же время в них клубился туман загадочности. Его темно-каштановые волосы выглядели так, что в них хотелось запустить руки и поиграть с прядями, или подразнить, потянув за них, или взъерошить их, чтобы можно было наблюдать за тем, как он приглаживает их обратно. Густые брови, сильная, но не властная линия носа, прекрасные губы, которые хочется целовать, прекрасные скулы, как у Христа, если бы тот был девкой, у Джека была почти модельная внешность.

Я неуверенно себя чувствую рядом с красивыми парнями. Так было всегда. Я использую юмор, и, кажется, это помогает, большинство красавчиков покупается на него, надеюсь, с Джексоном тоже прокатит, потому что озабоченное в своей жизни я еще не был. И если это о чем-то говорит, то особенно в период полового созревания, через который мне пришлось пройти, когда чем меньше я говорил, тем было лучше, я так много мастурбировал, что боялся, что у меня взорвется мозг, отвалится член, на ладонях вырастут волосы и я умру в куче мусора — слепой, без пениса и с зонтом в заднице, пока над моим распростертым телом местный священник будет проводить обряд экзорцизма.

Я усмехнулся.

— Что? — спросил он.

— Когда я был помоложе, я не понимал разницы между эрекцией и мастурбацией, тяжеловато же мне было на исповеди.

— Ничего себе проблемка.

— Ты себе даже не представляешь, — сказал я. — Я думал, они говорят об одном и том же, и, конечно, у мамы о таком не спросишь. Проблема заключалась в том, что вставал у меня постоянно, днем и ночью. Я не мог этому помешать. Поэтому, когда священник спросил, совершил ли я после прошлой исповеди грех самоудовлетворения, я признался — да, и много. Я рассказал ему, что это случалось в школе, на уроке физкультуры, на спортивной площадке, за партой, за обеденным столом, пока я ел жареного цыпленка, в школьном автобусе, играя с друзьями. Не знаю, что он подумал.

Джексон еще раз подавился пивом.

— Я сказал ему, что это произошло даже в исповедальне.

— Ты не мог!

— Мог и очень даже, ведь это было правдой. Как-то в субботу я собирался на исповедь, мы говорили об этом, я начал думать об этом и мой маленький членник стал твердым. Я не виноват.

— Он, должно быть, посчитал тебя той еще шлюшкой, — сказал Джексон.

— И был не так уж не прав, — сказал я.

— Так... все-таки... что случилось с матерью Ноя? — спросил Джексон.

— Детство, дорогой, знаешь ли. Одно за другим и мы внезапно стали родителями, но она считала, что лучше всего кормить своего ребенка тумаками. Она сбежала с новым бойфрендом, что, наверняка, было к лучшему для всех заинтересованных сторон. В любом случае, если хочешь услышать всю историю, тебе нужно как следует накачать меня текилой.

— Я запишу это к себе в ежедневник, — сказал он с ноткой озорства. — Как ты развлекаешься здесь?

— Ну, знаешь. Мою тарелки. Подтираю детские слюни, меняю масло в машине время от времени. Смотрю канал погоды, чтобы быть в курсе, не унесло ли кого из соседей торнадо. Ем слишком много сыра и пержу с сырным запахом.

— Не дает скучать, да?

— Ты и понятия не имеешь насколько. И потом не говори мне, что я не предупреждал тебя о маленьком любителе сыра в наших рядах. А еще у нас есть общественный театр. Там даже поставили разок одну мою пьесу. Спрашивают о следующей, но я думаю, это просто из вежливости. Мы ходим поесть в кафе. Ходим в церковь. Здесь только один небольшой молл, что вообще-то неплохо, ни у кого нет денег, поэтому все ОК. Ты, кстати, пропустил недавнее сумасшествие по поводу фестиваля Элвиса Пресли. Если уж реально скучно, можно сходить послушать евангельские песнопения или рискнуть схлопотать заворот кишок у кого-нибудь на барбекю.

— Значит, не скучаете?

— Я люблю делать фотографии. В основном, это снимки Ноя. А еще вяжу спицами и крючком.

— Да иди ты!

— Спроси карлика. Я лакомый кусочек для дамочек в отделе для рукоделия Волмарта*.

**Волмарт — американская компания-ретейлер, управляющая крупнейшей в мире розничной сетью, действующей под торговой маркой Walmart.*

— Только для дамочек? — спросил он двусмысленно с улыбкой.

— С мужчинами у меня не так хорошо обстоят дела, — признался я. — Большинство из них желает моей смерти, потому что у меня длинные волосы, я не принимаю Иисуса Христа, как своего спасителя и потому что я гей. Остальных интересует быстрый перепихон в туалете торгового центра. Как ты можешь догадаться, им не особо нравится болтаться с чужим ребенком на свиданиях.

— Верится с трудом.

— Мы можем понравиться только особому человеку. Дополнительным бонусом станет, если ты не прочь выбирать вшей из его волос.

Он улыбнулся, словно не был уверен, верить мне или нет.

За время разговора, мы уничтожили немало угощений. Хорошо поели, как здесь принято говорить.

Ной бросил взгляд на плоский экран телевизора, стоящего рядом с коробкой с надписью "ИГРЫ".

Можно мне посмотреть твои игры? — просигнализировал Ной Джексону, после того, как с едой было покончено.

— Конечно, — сказал Джексон. — Хочешь, чтобы я помог тебе их запустить?

— Он сам справляется с такими штуками, — сказал я.

Ной бросился вперед и открыл коробку. Когда он вытащил оттуда "Modern Warfare III", на его лице отразилась мольба.

Я покачал головой.

— Что не так с *Modern Warfare?* — спросил Джексон.

— Мы не играем в игры, где нужно убивать воображаемых людей ради забавы, — сказал я.

— Убивать воображаемых людей ради забавы? — переспросил Джексон с ухмылкой.

— Таковы правила. В нашей семье я — социалистическая сволочь, и сын пойдет по моим стопам. Если у тебя есть игры, где можно стрелять в Митта Ромни*, и братьев Кох**, то эй, я "за" руками и ногами. Ну, а если нет...

* *Митт Ромни* — американский политик. Был кандидатом в президенты США на выборах 2012 года от Республиканской партии. Действующий епископ Церкви Иисуса Христа Святых последних дней, президент кола.

** *Братья Кох* — Братьев Кох называют “братьями-подрывниками”, что связано с их специфическими политическими и общественными взглядами. Братья никогда не поддерживают мнение большинства. Они активно выступают за легализацию лёгких наркотиков, однополых браков и эвтаназию. Обвиняют правительство родной страны в том, что оно подавляет мнение общества и постоянно вмешивается в деятельность других стран. Неоднократно высмеивали теории глобального потепления, выступают против системы социального обеспечения, повышения налогов, в общем, против любого проявления вмешательства государства в личную жизнь.

— То есть ты увлекаешься политикой?

— Только не говори мне, что ты из тех мудаков, которые не участвуют в голосовании, потому что считают свой голос бесполезным.

— Мне всегда некогда.

— Иисус, Мария и Иосиф! Так это ты причина того, почему нас одолели эти бешеные псы из движения чаепития*.

* *Движение чаепития* — консервативно-либертариансское политическое движение в США, возникшее в 2009 году как серия протестов, скоординированных на местном и национальном уровне, вызванных, в том числе, актом 2008 года о чрезвычайной экономической стабилизации и рядом реформ в области медицинского страхования. Название является отсылкой к Бостонскому «чаепитию» 1773 года — акции протesta под лозунгом «Нет налогам без парламентского представительства».

— Полагаю, ты не республиканец.

— Да сама мысль о республиканцах заставляет мои яйца зарыться поглубже в мошонку.

— Я это запомню, — сказал он с улыбкой. — Хочешь еще пива?

Джексон принес свежую порцию пива из холодильника, пока Ной подключал игровую приставку.

Мы немного посмотрели, как он играет.

— Мне не следовало приводить его с собой, — сказал я, — но я не смог найти ему няньку. Вообще-то, сегодня у нас уже была нянька, утром, пока я был на работе. Я не смог оплатить ей няньку, вот о чем я говорю. Просто, чтобы ты знал, мы в связке. Говорю тебе сразу и прямо, пока игра не зашла слишком далеко.

— Хм, два по цене одного?

— Типа того.

— И это должно меня напугать?

— Надеюсь, что нет, но это правда. Ной для меня превыше всего. Я мог бы зажать тебя по-быстрому где-нибудь, но он у меня в приоритете. Его бросила мать. Я не собираюсь делать то же самое.

— Думаю, есть что-то сексуальное в том, чтобы встречаться с отцом-одиночкой. Никогда этого прежде не делал.

— То есть мы теперь встречаемся?

— Не знаю. А должны?

Он положил ладонь на мое голое колено, подчеркивая свою точку зрения.

— Заманчивое предложение, — сказал я, — Север идет навстречу Югу. Это может плохо кончиться.

— Можно плохо кончить, — сказал он.

— Голая правда, может...

— Стоить того, чтобы ее увидели? — предположил он.

— Определенно, — сказал я. — Но народ здесь консервативный.

— Это значит, что нам нельзя держаться за руки на публике?

— Типа того.

— Вызывающе. Мне нравится.

— Как принято говорить: если любишь южан — подними свой бокал, если нет — подними свои принципы.

— Не думаю, что слышал это раньше.

— Тебе надо почаше выбираться на улицу. Умеешь красиво ухаживать?

— Все когда-нибудь случается в первый раз, — сказал он.

— Думаю, ты мне понравишься, — сказал я.

— Просто подожди, пока мы не окажемся одни в постели.

— Обещания, обещания, — отмахнулся я, — одного сахарного ротика маловато, чтобы потрясти сахарное дерево, дорогуша.

Он наклонился и прикоснулся губами к моим. Его рука легла на мою промежность, и я почувствовал там внезапную, безотлагательную твердость.

— В присутствии детей нам нужно быть осторожными, — сказал я, отстраняясь, — но не слишком.

Ной был чересчур поглощен игрой в Xbox, чтобы заметить нас.

— Ты напоминаешь мне Дэрила из "Ходячих Мертвецов", — озвучил свое наблюдение Джек.

— Деревенщина с арбалетом? — сказал я недоверчиво и несколько обиженно.

— Да, — сказал он. — Красавчик. Прямо как ты.

— Красавчик?

— О, да.

— Да ты и сам не так уж плохо выглядишь. Чистенький, как метросексуальный парнишка. Наверняка, на полке в ванной у тебя есть крем от морщин, но теперь ты в Дикси, мальчик. Прогуляешься по округе, весь из себя такой красивый, и местные девчонки выцарапают тебе глаза, из-за боязни, что ты соблазнишь их мужей на совершение ужасного, чудовищного греха.

— Хотелось бы надеяться.

— Это меньшее, что ты можешь, — согласился я. — Делает жизнь интереснее. Ну, по крайней мере, до тех пор, пока тебя не посадят за разрушение морали и не пустят по кругу в местной душевой. Сыпал, парни из Парчмана* те еще озабоченные ублюдки. Мне ли не знать.

*Парчман — самая старая тюрьма штата Миссисипи.

— Почему это?

— А вот это тебе и предстоит выяснить. Не могу разбазаривать свои секреты какому-то Янки, не без помощи текилы.

— А запросы то растут, — сказал он с улыбкой. — Мне придется и текилу добавить в свой список покупок.

Поднявшись, я вытянул затекшие ноги.

Джексон тоже встал, его губы едва не растянулись в улыбку.

— Нам пора сматываться, — сказал я, — Завтра в школу.

— Можешь сделать мне одолжение? — спросил он.

— И какое?

— Заткнись и поцелуй меня, как будто тебе не все равно.

И я поцеловал.

После того, как внутри меня разожглись огни — словно без большего жара нельзя было обойтись — мы с моим метамфетаминовым ребенком ушли.

По пути к машине я вытирал губы.

Проклятье, а он горячий.

Ной захихикал.

Глава 4

Даже большие

Чтобы пережить летнюю духоту мы разделись до трусов. Мне очень хотелось включить оконный кондиционер в гостиной, чтобы можно было спать там, но у нас не было денег на такую расточительность, а я не мог позволить, чтобы нам еще раз отрубили за неуплату электричества. Уже случалось однажды. Было паршиво.

Ной забрался к себе в постель.

Жарко, — пожаловался он.

Знаю, — сказал я.

Я протер его лицо влажной губкой, чтобы немного охладить, и установил вентилятор так, чтобы тот не дул напрямую на него.

Тебе понравился этот мужчина? — спросил он.

Я кивнул.

Он был бы тебе хорошим бойфрендом, — сказал он.

А тебе он понравился?

Он умеет общаться жестами. Хоть и с ошибками.

Ты можешь его научить.

Отведя волосы от его глаз, я огляделся в комнате. Ной был фанатом Железного Человека, на дверце его шкафа висел постер. На полке над письменным столом были расставлены наши с ним фотографии, на которых явно бросалось в глаза отсутствие его матери. На полу разбросана грязная одежда. Деревянный ящик забит игрушками. Занавески с изображением Человека-Паука закрывали зарешеченные окна, потому что мы жили на первом этаже. В углу подоконника возвышалась стопка непрочитанных книг про Робинзона Крузо, Швейцарскую семью Робинзонов, Гекльберри Финна, Войну Миров и другие. Я постоянно добавлял в эту кучу новые книги из своих походов по комиссионным магазинам, в надежде, что сын переймет мою любовь к чтению. До настоящего времени я не сильно преуспел на этом фронте. Как и большинству глухих детей читать ему было трудно.

А ты ему понравился? — спросил он.

Не знаю.

Надеюсь, что да. Я не хочу, чтобы ты все время был грустным.

Я не грустный. У меня есть ты.

Ты меня любишь?

Очень.

Ты будешь меня любить, даже если он станет твоим бойфрендом?

Конечно.

Ты уверен?

Да.

Ты не бросишь меня ради него?

Ни за что в жизни.

Он прикусил губу, словно не был уверен, верить мне или нет. Учитывая, что сделала с ним его мать, это можно было понять.

Ты сильно меня любишь? — спросил он.

Я кивнул.

Твоя любовь большая, как дом? — спросил он.

Больше.

Как продуктовый магазин?

Больше.

Как торговый центр?

Больше.

Как небо?

Больше.

Больше, чем все на свете?

На свете нет ничего больше, — заверил я его.

Должно же быть что-то, — сказал он, выглядя сердитым и подозрительным.

Мы часто играли в этот маленький ритуал по ночам.

Если бы у тебя был бойфренд, ты любил бы его больше, чем меня? — спросил он с на jakiom.

Конечно, нет.

Обещаешь?

Подожди. Я кое-что придумал.

Вот теперь он выглядел встревоженным.

Есть кое-что большое.

Что?

Тупость С—а—р—ы П—э—й—л—и—н.*

* Сара Пэйлин — губернатор штата Аляска с 2006 по 2009 год. Член Республиканской партии.

Кто такая?

Неважно. В целой Вселенной для меня нет ничего важнее, чем ты. И в целом мире нет никого, кого я мог бы полюбить больше, чем тебя. Мне плевать, кто бы это ни был. Хотя, если бы мне встретился Джон Денвер Джон Денвер...

* Джон Денвер — американский бард, который является самым коммерчески успешным сольным исполнителем в истории фолк-музыки.

Он умер!

T—э—м—м—и У—а—й—н—е—т—т*?

* Тэмми Уайнемт — американская исполнительница кантри, получившая на родине звание «Первая леди кантри».

Она старая!

O—б—а—м—а?

Он задумался на мгновение.

Его ты мог бы полюбить больше, чем меня, — признался он.

Мог бы.

Но не полюбил бы!

Ты прав. Я люблю Барака, но не так сильно, как тебя.

Я снова промокнул его лицо. Влажность была настолько плотной, что ею можно было ополоснуть себе шары. Я зашел в ванную, намочил губку холодной водой и вернулся к сыну в комнату, положив ее ему на лоб — мой способ показать, что пришло время сна.

Пап?

Да?

Я люблю тебя.

Я тоже тебя люблю. Сладких снов.

Он взял мою руку в свою, и я посмотрел на лишний палец на его ручке. Он подержал мою ладонь какое-то время.

Пап?

Да?

Как ты думаешь, мама меня помнит?

Я кивнул, надеясь, что скрою свое сомнение за полной уверенности улыбкой.

Уверен?

Конечно.

Не могу дождаться, когда увижу ее!

Засыпай.

Глава 5

Неспособность радоваться жизни

У себя в комнате я поставил в проигрыватель Пэтси Клейн* и она рассказала мне о "Семи одиноких ночных". Я из тех не крутых парней, у которых есть патефон. Не надо меня жалеть, потому что в комиссии или магазине с поддержанными книгами любая пластинка стоит всего один бакс. Кассеты я тоже слушаю, и они стоят по десять центов за штуку. Довольно круто, особенно когда живешь на минимальную зарплату. Внушает чувство, что можешь купить что-то по-настоящему ценное. Хотите верьте, хотите нет, но аудиозаписи дешевле шоколадных батончиков.

*Пэтси Клейн — американская певица, одна из величайших вокалисток в истории музыки кантри.

С тех пор, как ты сказал, что всему конец

Семь одиноких ночей я плакала, и я плакала о тебе...

«Женщина, да ты предсказываешь будущее», — думал я, сидя на своей кровати с чувством одиночества и жалости к себе, мечтая о том, чтобы в моей постели был мужчина, такой как Джексон Ледбеттер, мужчина, который возьмет и поцелует меня, заставит почувствовать снова живым, хотя бы раз перед тем, как кризис среднего возраста возьмет меня за яйца, наградит слабоумием и заставит носить памперсы для взрослых.

Я был в опасной близости от тридцати трех лет. Тридцать пять виднелись, как апокалипсис на не столь отдаленном горизонте. Какая жизнь может быть после этого?

Я оглядел комнату, так полностью и не привыкнув к убогости моего существования. Простыни на постели и занавески на окнах, должно быть, сохранились еще со времен Гражданской войны. На мне была одежда, что я носил еще в старшей школе и до сих пор ношу. Шкаф мне достался по наследству от моего брата Билла. Нижние ящики были заклеены наклейками, которые туда наляпал Ноc, когда ему было два года и которые я все время хотел сокрести, но так этого и не сделал. Нельзя отрицать тот факт, что я получаю зарплату по минималке, работаю неполный рабочий день, потому что не могу найти что-то другое, у меня нет роскошных побрякушек, о которых можно было бы говорить, и именно поэтому я частично являюсь причиной того, почему Миссисипи считается самым бедным штатом в стране.

В мозгах проплыли слова "неспособность процветать", наравне с такими, как "грязный бедняк", "деревенский голодранец" и "белый мусор".

Не удивительно, что мать Ноa сбежала.

Несколько лет назад мне предложили отправить Ноa в Джексон в специализированную школу для глухих. Я не мог этого сделать, и дело не в финансовых расходах на содержание. Несмотря на преимущества в получении образования, постоянный контакт с широким кругом таких же глухих как он, возможности поднять его жизнь на новый уровень, преданных друзей, которых он мог бы завести, я не мог отослать его от себя. Мама и Билл не уставали упрекать меня в моем эгоизме, но я стойко их игнорировал. Я не собирался наказывать Ноa из-за его глухоты. «Это не наказание», — не соглашались они. — «Это шанс на достойную жизнь, шанс на будущее. Если повезет, он научится правильно говорить и читать по губам, найдет свое место в мире слышащих и будет в состоянии сам позаботиться о себе, получить работу, быть продуктивным членом общества, стать независимым, и не потеряться в мире не слышащих».

Другими словами, это был шанс научить его не быть тем, кем он был, не быть глухим или найти способ притворяться не глухим, стать своим в обществе "нормальных" и жить "нормальной" жизнью, как будто столь фундаментальный факт его существования не имел абсолютно никакого значения, словно он мог вести хорошую жизнь даже несмотря на свою особенность, словно он мог найти способ скрыть от всех свой ужасный недуг.

Я отвергал подобную точку зрения. Она оскорбляла меня до глубины души, и не последним доводом служило то, что общество прописывало мне такой же рецепт, потому что я гей. Найти способ притворяться не тем, кем я являюсь. Найти способ жить гетеросексуальной жизнью, чтобы можно было влиться в социум и пользоваться его преимуществами.

Я вытянулся на постели, чувствуя себя одиноким, похотливым, потерянным, беспокойным, усталым, но живым.

*Любимым твоим занятием было
Наводить на меня тоску...*

Мне был нужен кто-то. Секс, конечно, был бы тоже не плох, но мне был нужен кто-то, с кем можно поговорить, кто-то, кто поддержит, заставит смеяться, напомнит мне, как хорошо быть живым, кто-то кто заставит меня снова почувствовать себя молодым, привлекательным, желанным, кто-то, с кем можно пойти по жизни. Мне нужно было положить конец этому долгому одиночеству воспитания молчаливого мальчика, живущего в молчаливом мире, в Мире Глухих, в мире, в который я могу войти гостем, но никогда не стану его частью.

Я представил, как мне улыбается и смотрит своими иди-ка-сюда глазами Джексон Ледбеттер. Я бы хотел положить руки ему на бедра. Почувствовать его живот, его грудь, его соски. Я бы пялился на его хозяйство, и он бы понял, насколько я изголодался по нему, потому что я был голoden до членов всю свою жизнь и не мог врать.

Петси Клайн пела, что *сходит с ума от мысли, что моя любовь могла тебя удержать...*

Прошло много времени, прежде, чем я смог заснуть.

Глава 6

Воскресенье у мамы дома

На следующее утро было воскресенье, и мы с Ноем сидели на проповеди Отца Грея, посвященной борьбе с.abortами, о чем прихожане церкви Святого Иосифа неприкрыто вещали, расставив на лужайке свежеокрашенные белые кресты, которые было видно любому проезжающему по Глостер-стрит, по дороге к моллу.

Если бы мне кто-то задал вопрос, зачем я ходил в эту церковь, я не смог бы ему ответить. Возможно, по привычке. Дать шанс Ною социализироваться. Каждый раз, видя эти кресты на переднем дворике, я закатывал глаза. Я плохо переносил общество людей, которых судьба зигот заботила больше, чем жизни человеческих существ.

В очереди за причастием я шел за Ноем. С плотью и кровью Иисуса в пустых желудках мы направились к маме в Нью Олбани, у нее дом в тридцати минутах езды от Тупело. Радио вещало типичные воскресные программы для местных: богослужения, евангельскую музыку и проповеди. Небо было чистым и ясным, по прогнозу синоптиков температура обещалась подняться выше тридцати. Из динамиков слушателям напомнили не оставлять детей в машине без присмотра в такую жару. *Прежде чем закрыть дверь, проверь!*

На Ноэ был надет его единственный костюм, теперь на пять сантиметров выше щиколоток и на два с половиной короче в рукавах. Жена моего брата, Шелли, сказала, что принесет что-нибудь из старой одежды Эли, посмотреть, вдруг что подойдет. Эли был на три года старше Ноэ и обеспечивал нам непрестанный поток обносков. Не дай

Боже Биллу и Шелли потратить хоть копейку на новую одежду для своего племянника.

Поездка в Нью Олбани прошла прекрасно. Бесконечные деревья, сахарные клены, сосны, дубы, с оплетенными кудзу ветвями, эта лиана стелилась вверх и вниз по вереницам холмов. Лесистая местность выглядела темной и загадочной. По небу кружили грифы-индейки, высматривая несчастных животных, чья жизнь вот-вот подойдет к концу, не важно где, на дороге или глубоко в лесах. Из канав выглядывали желтые полевые цветы. Лето набирало силу, поэтому с буйством распускалась зелень.

Ной протянул руку, ловя потоки воздуха, счастливо улыбаясь.

В Нью Олбани старые особняки стояли вперемешку с вычурными современными домами, разбросанными по местности то тут, то там. Центр поселения располагался рядом с рекой, вьющейся между холмами. Чтобы избежать погружения в современный мир, можно было воспользоваться велосипедными дорожками.

Мама жила в большом доме в нескольких километрах от центра. С восточной стороны ее владений, которые ни много, ни мало составляли около 24 гектаров деревьев и частной собственности протекала река, ее жилище в прямом смысле находилось в самом центре небытия. Она получила его в наследство от родителей. дед, ее отец, до сих пор жил с ней. На пути к слабоумию у него бывали, как хорошие, так и плохие дни. Когда он пребывал в хорошем настроении, у него появлялось едкое, хоть и грубоватое чувство юмора.

Мамин золотистый лабрадор Бамблби, ласково встретил нас, облизав Ною лицо.

— Бампл! — воскликнул Ной.

У него так и не получилось научиться выговаривать это имя.

Рядом с аккуратной ухоженной клумбой маминых роз у бокового крыльца по-хозяйски возвышалась каменная статуя Святого Франциска. Розы представляли собой буйство красных и желтых цветов. Эффект усиливали розово-красные креповые мирты.

На крыльце сидел дед. На нем был комбинезон, а редеющие волосы прикрывала кепка с эмблемой университета Миссисипи. Он бы мог выглядеть так, словно вышел подоить коров в сарае, если бы не пара домашних тапочек на ногах.

— Как ты, деда? — спросил я.

— Пока жив, — объявил он. — Хотя твоей матери под силу укощить меня своей стряпней, точнее тем, что она называет стряпней. А ты все еще педик, Вилли?

— Да, сэр, — сказал я.

— Молодец, — сказал он. — Никогда не убегай от своих проблем, малыш. Тем более, если их можно решить при помощи мужика и литра растительного масла, да?

— Не начинай, деда, — сказал я.

— А там что, глухой ребенок? — спросил он, взглянув на хорошо известного ему Ноя.

Ной немного побаивался деда.

— Не называй его так, дед, — сказал я, зная, что это бесполезно.

— Побольше корми его бобовыми, иначе он останется карликом, Вилли, — сказал он. — Быть глухим и без того плохо, но быть глухим карликом... Господи, да у меня когда-то была такая же собака.

— Не может быть!

— Клянусь Богом. Она была гончей породы, но так и не выросла. И не понимал ни единого слова. Тупейший пес из всех, что у нас были. Само собой, мы и понятия не имели, что он не слышал ни единого сказанного ему слова. Тогда мы поехали и оформили ему инвалидность с прилагающимся пособием.

— Не может быть, — повторил я с улыбкой.

— Да вот те крест! — сказал он и перекрестился.

— Ты сам не веришь в то, что говоришь, дед, — сказал я.

Он засмеялся.

— Ой, прости. Я думаю о кузине Мэри. И говорю о собаке. Девчонка была настолько уродливой, что выходя в город, нам приходилось надевать ей на голову пакет, чтобы нас не арестовали за неприличное поведение в общественном месте.

— Кузина Мэри была симпатичной женщиной, — отозвался я.

— Да она же корова! — воскликнул дед. — Каждый раз, когда она открывала рот, все что ей удавалось сказать — это "Муууууу!" Весь город жил в страхе перед ней.

— Ты слишком грубый, — сказал я.

— Ну, кто-то же должен говорить такие вещи напрямую, как думаешь? — спросил он.

Мы с Ноем зашли в дом. Мама, мой брат Билл и его жена были на кухне. Их сыновья Эли и Джош где-то на заднем дворе. Самой старшей Мэри не было видно.

— Всем здравствуйте, — сказал я.

— А вот и мой малыш, — воскликнула мама, бросая жарить цыпленка и начиная суетиться над Ноем.

— Баба! — взвизгнул он счастливо.

Бабушка!

— О, мой мальчик так вырос! — сказала она. — Вы ходили сегодня к обедне, милый?

Ной кивнул.

— Когда твой папа собирается тебя стричь? — требовательно спросила она. — Ты выглядишь, как девочка.

— Мы не любим стричься, — сказал я.

— Как жизнь? — произнес мой брат Билл. Он был старше меня на три года. Он брил голову, носил камуфляжные шорты и футболку, а на лбу у него постоянно красовались солнечные очки. Судя по его взгляду, он бы лучше провел это время на рыбалке. Как и всегда на его заднем кармане виднелся неизгладимый отпечаток от банки табака.

— Я принесла на примерку кое-что из одежды Эли, — сказала Шелли. — Все в комнате для гостей.

— Спасибо, — сказал я.

Шелли была деловой женщиной, поэтому выглядела она соответствующе. Чопорная, настоящая южная красавица, благочестивая баптистка, приверженка тяжелой работы и неукоснительного выполнения правил. У нее была твердая рука.

— Рукава слишком коротки Ною, — пожаловалась мама, — Почему ты позволил ему ходить в таком виде?

— На продовольственные купоны детскую одежду купить нельзя, правда?

— Шелли, если ты присмотришь за едой, я отведу своего внука в спальню, и мы что-нибудь примерим. Как показать знаком "примерить одежду"?

Я показал ей.

— Ох, я никогда не запомню все эти жесты, — пожаловалась она, уводя Ноя.

— А он растет, — отметила Шелли.

— Что случилось с Мэри? — спросил я.

— Она занимается сбором средств со своей церковной группой. Теперь ей стыдно находиться рядом с нами, — ответила Шелли с оттенком горечи в голосе.

— Ей будет стыдно, когда она придет в школу с двумя фингалами, — добавил Билл. — Из гребаной ванной ее теперь не вытащишь. Она сидит там, расчесывая волосы так, словно те из чистого золота.

— Ей пятнадцать, — с ударением сказала Шелли.

— Я ей устрою "пятнадцать", — пообещал Билл.

Он мог болтать что угодно, но он никогда не поднимет руку на своих детей. В обычных обстоятельствах уж точно.

— Мне нужно пиво, — объявил Билл.

Мама не разрешала алкоголь в доме, но я знал, что у Билла в багажнике грузовика есть холодильник с пивом. Я проследовал за ним через дом и вышел наружу, где мы встали на веранде, потягивая холодное пиво и слушая радио. дед сидел в кресле-качалке, по-старушечки раскачиваясь вперед и назад.

"Хотите попасть на небеса*?" — проплыло над нами.

* песня Джона Шеппарда "Хотите попасть на небеса".

— Как к тебе относятся в "ФудВорлдс"? — спросил он.

— Не так как в "Лэйн" к тебе, — ответил я.

Он работал начальником смены на мебельной компании, проводил весь день, наблюдая за людьми, которые собирают мебель за деньги. Это шумно и в каком-то смысле даже брутально, поэтому на его руках и груди бугрились мышцы, демонстрирующие, что мой брат много лет своей жизни провел в бою с разборными деталями диванов, кресел и кофейных столиков.

— Продолжаешь искать? — спросил он, имея в виду мои то затухающие, то вспыхивающие поиски работы.

— Иногда, — сказал я. — Ной занимает много моего времени.

— Тебе не получить нормальную работу одними мечтами и хотелками, — наблюдало произнес он.

Я промолчал на это проявление братской мудрости.

Бил был выше меня, сильнее и больше: всегда был и всегда будет. В детстве мы постоянно дрались. Сейчас нам редко выпадает такая возможность. Он хороший брат, хороший человек, твердый как скала. Хоть и слишком верующий для своего почтенного возраста.

— Ты бы мог вступить в морскую пехоту, — сказал дед и захихикал, представив меня в образе морского пехотинца.

— Спасибо, деда, — отозвался я.

— И тебя вытурят оттуда за губную помаду и ношение розового белья, — добавил дед.

— Жизнь идет своим чередом, — протянул Билл. У южан был своеобразный способ сказать, что жизнь — дермо, поэтому подбери сопли, возьми себя в руки и перестань визжать, как недорезанная свинья. Взяв банку пива, он осушил ее до дна и сразу же потянулся за следующей.

— А могут и отправить тебя под суд за дрочку в столовой, — сказал дед.

— Спасибо, деда, — повторил я стоически.

Я услышал крики играющих на заднем дворе мальчиков Билла. На веранду запрыгнул Бамблби, желая внимания.

— Мама думает над тем, чтобы продать дом, — сказал Билл.

— Почему?

— Слишком большой для нее. Папы нет. Нас нет. Она здесь сама по себе, одна с дедом. Я не понимаю, почему ты до сих пор не переехал обратно к ней, чтобы она могла заботиться о Ное.

— Да она просто болтает, — сказал я.

— Она уже поговорила с риелтором. Ты же знаешь, она любит Ноя.

— Хотелось бы надеяться.

— Она беспокоится о нем.

Я закатил глаза.

Ну, вот опять.

— Я знаю, что ты хороший отец, — сказал он, повернувшись ко мне. — Все знают. Но... короче, ты же понимаешь. Ты один. А Ною нужна семья.

— У него есть семья, — с ударением сказал я.

— Ты знаешь, о чем я говорю.

— Я думал мы на одной стороне.

— Ты всегда был упрямым ослом, с шилом в заднице, — сказал он.

— А ты никогда не отличался образным мышлением, — добавил я.

— Билл пытается сказать, что глухому мальчику нужен нормальный мужик в качестве отца, — произнес дед, — Тот, кому нравятся сиськи и кто умеет чесать яйца, а не тот, кто научит его заниматься сексом с шимпанзе.

— Именно так и поступили твои родители, деда, вот и смотри чем все закончилось, — сказал я.

Он ухмыльнулся.

Я снова повернулся к Биллу.

— А ты бы бросил свой дом и переехал к маме? — спросил я.

— Нет, — сказал он.

— Тогда почему я должен?

— Это другое.

— Ты женат. Можешь делать детей и поэтому лучше меня?

— Не начинай опять это дермо.

— Именно это ты и говоришь.

— Я говорю, что тебе нужна помощь. Так почему бы тебе не позволить маме помочь?

— Мне приходится жить самостоятельно, — сказал я. — Ты же знаешь кто я.

— В этом и суть.

— Мне похрен.

— Младший братик теперь бесится.

— Да пошел ты, — сказал я.

— Мы с Шелли будем рады взять Ноя к себе.

— Вот спасибо. Может, тогда я мог бы жить у тебя в гараже?

— Или постричься и найти нормальную работу.

— Не всем быть писателями.

— Я имел в виду настоящую работу, а не сидеть, прохлаждаясь и строчить про зеленых человечков.

— Я никогда не писал про зеленых человечков.

— НЛО, вампиры, круги на полях, да какая к черту разница, это не оплачивает счета.

— Спасибо, что веришь в меня.

— Да пошел ты.

— Тебе лучше быть аккуратнее с такими выражениями, когда разговариваешь с геем. Ну, знаешь, всякое может случиться.

— Кто бы говорил.

На крыльце вышел Ной, на нем были надеты шорты и футболка, когда-то принадлежавшие Эли.

Я хочу посмотреть на кроликов!

— Давай, — сказал я. — Мы пошли смотреть на кроликов.

— Будьте осторожнее, там анаконда, — добавил дед. — Сукин сын сожрал почтальона, и теперь почта всегда приходит с опозданием.

Мы пошли за мамин дом, где располагался большой амбар с длинным рядом кроличьих клеток. Курятник был забит под завязку, несколько десятков куриц клевали что-то на земле. Мама разводила кроликов и кур на продажу, поэтому у нее всегда были домашние яйца, рагу из крольчатины и небольшой заработок. Довольно странное хобби для бывшей школьной учительницы.

Мы провели наш обычный обход, заглядывая в кроличьи клетки, проверяя ёмкости для воды и корма, вдыхая запах сена и кроличьих какашек.

Остерегайся змей, — предупредил я, потому что из-за всего этого хозяйства с кроликами и куриными наггетсами, змеи были настоящей проблемой.

Внутри амбара был припаркован квадроцикл, ключ все еще находился в замке зажигания. Мама использовала его, чтобы увозить упавшие ветви или мусор, который она сжигала на заднем дворе.

— Давай, — сказал я, запрыгивая на квадроцикл.

Ной просиял, забравшись на сиденье позади меня. Я передвинул его так, чтобы он мог сесть передо мной и рулить, пока я наблюдал за окрестностями, зная, что мама не преминет сделать нам выговор, но ведь сыну все равно придется когда-то учиться.

Глава 7

"Г" значит "гомо"

— Помолимся Господу, — сказала мама, когда обед был готов.

Ной сидел справа от меня, Шелли — слева. Билл и мальчики — на противоположной стороне стола. Мама во главе, а дед на отцовском месте.

Мы перекрестились и сложили перед собой ладони.

— За все то, что мы получили, пусть Господь сделает нас искренне благодарными. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

И мы приступили к маминому жареному цыпленку, красной фасоли, рису, жареной бамии и кукурузным початкам.

— Как Отец Грей? — спросила мама.

— Сегодня его заело на борьбе с.abortами, — сказал я.

— Справедливое беспокойство, — сказала мама. — Из-за мертвых детишек. Стоило приехать, чтобы посмотреть на те белые кресты.

— Если они считают, что скопление клеток важнее рожденного человеческого существа, то они набиты горячим вонючим дерьямом.

— Ну, понеслась, — сказала Шелли.

— Мы уважаем жизнь в этом доме, — сварливо сказала мама. — Жизнь начинается с момента зачатия. И каждая жизнь бесценна.

Она взглянула на Ноя, словно он был одним из таких примеров, как будто лишний палец на его левой руке и глухота делали его жизнь "священной".

— Мама, да бисквиты "Твинки" старше, чем твоя концепция, что жизнь начинается в момент зачатия, — произнес я.

— Закрой свой рот, Вилли Кантрелл! — отрезала мама.

— Давайте не будем говорить обabortах сегодня, — взмолилась Шелли.

— Каждый раз, когда у женщины месячные можно назвать импровизированным abortом, потому что яйцеклетка не оплодотворилась, — сказал я без смущения. — И что, мы теперь будем справлять похороны по каждому использованному тампону?

Билл фыркнул.

Его сыновья засмеялись с таким видом, будто что-то поняли.

дед хлопнул по столу.

— Как ты можешь говорить такое в присутствии детей? — спросила мама.

— Просто не ухожу от реальности, — сказал я.

— Оставь его, мама, — сказал Билл. — Не давай повода для продолжения.

— Терпеть не могу, когда он выражается в этом доме! — воскликнула она.

— Похоронная месса по тампону, — сказал дед. — Напиши об этом в одной из своих книг, Вилли, и ты, возможно, сможешь продать несколько экземпляров.

— Видишь, откуда ноги растут, — сказал Билл, с несчастным выражением глядя на деда.

— А ты даже больше не ходишь на мессу, — сказала мама, смерив Билла неодобрительным взглядом.

— Мы можем поговорить о чем-нибудь другом? — предложила Шелли.

— Грех не выполнять свои воскресные обязанности, — сказала мама.

— Я теперь баптист, мама, — произнес Билл.

— Что ж, по крайней мере, ты еще ходишь в церковь, — ответила она.

— Я тоже хожу в церковь, — сказал я.

— Как-то слабо на тебя это действует, — сказала мама.

— Очень жаль, но я просто не верю в эту чушь.

— И посмотри, до чего тебя это довело, — сказала она. — До какого *образа жизни*.

И наступила тишина.

— Мама, почему бы тебе не сшить красную "Г" и не приклейте ее мне на лоб? — спросил я. — "Г" значит "счастливый гомосек". Мы можем хоть раз поговорить о чем-нибудь кроме моего пениса?

Эли фыркнул так, что выплюнул часть картофельного пюре на середину стола.

Шелли застыла в ошеломлении.

Билл печально улыбался.

— Вилли Кантрелл! — вскрикнула мама. — Я приказываю тебе вымыть свой рот с мылом!

— Ты сама начала, — ответил я.

— Не выражайся при детях!

— По крайней мере, гомосек говорит честно, — сказал дед.

— От лица людей с врожденной патологией, — произнес я, — позвольте мне сказать, что жареный цыпленок получился отменным, мама.

— Ты невозможен, — сказала мама.

— Что такое "врожденная патология"? — спросил Джош.

— Да замолчи ты, — шикнула Шелли.

— Я просто спросил!

— Заткнись, — сказал Билл.

— Я просто спросил, черт побери!

— Вот посмотри, что ты наделал! — воскликнула мама на повышенных тонах.

— Можно мы пойдем плавать после еды? — спросил Эли.

— Придется подождать тридцать минут, — сказал Билл. — И нужно, чтобы кто-нибудь за вами присмотрел.

— Дядя Вилли, ты пойдешь? — зная, что отец откажется, а мать не любит находиться на солнце, Эли повернулся и спросил меня. — Ной может поплавать с нами, — добавил он, чтобы подсластить пилюлю.

«*Какой же ты добрый*», — подумал я.

— Посмотрим, — сказал я.

— Пожалуйста? — взмолился он.

— Я человек с врожденной патологией. Я не умею плавать.

— Так вот что это значит? — спросил он.

— Да, — сказал я. — Это значит, что я утону, если попытаюсь плавать. Потом мое тело взорвется, а ошметки мозгов разлетятся на все четыре стороны.

Он начал смеяться, но замолк, размышляя, правда это или нет.

— Замолчи, — сказала Шелли.

Было не совсем ясно, к кому она обращалась.

— Как тебе новый папа, мама? — спросил я.

— Я думаю, он замечательный, — сказала она с сияющим лицом. — Он взял себе имя в честь Святого Франциска.

— Да, но он иезуит, — произнес я, — Мне казалось, ты ненавидишь иезуитских ублюдков.

— Да, но теперь он папа, — сказала она. — И на работу привык ездить на автобусе.

— Нельзя доверять мужчине в платье, — отозвался дед.

— Поговаривают, что дермо у него все же с душком, — сказал я. — Курии следовало бы проверить его кандидатуру дважды.

Мальчики засмеялись.

— Тебе обязательно меня провоцировать? — спросила мама. — Иисус, Мария и Иосиф, ты, как камень у меня на шее!

— Да я просто так сказал, — произнес я.

Я взглянул на Билла, проверить заметил ли он, что мы с мамой не выносим друг друга.

И, само собой, он ничего не заметил.

Глава 8

У залива

Мальчики переоделись в плавки, и я провел их через широкий задний двор маминого дома к заливу реки, где можно было плавать.

Забавно, как твоя врожденная патология перестает быть значимой, как только другим людям становится нужно, чтобы ты понянчился с их детьми.

— А Ной пойдет в ад, — объявил Эли.

Ему было двенадцать, и он знал всё.

— Кто это сказал? — спросил я.

— Миссис Парсон.

— И кто это?

— Наша учительница по изучению Библии. Она говорит, что все католики пойдут в ад.

— Ад — это другие люди, — сказал я.

— Католики восхваляют Деву Марию, — сказал он со знанием дела.

— Разве?

— Так говорит миссис Парсон.

— Какая молодец, — сказал я.

— Кто такая Мария? — спросил Джош. Ему было десять, и мне он казался смысленнее своего брата. Или, по крайней мере, он был спокойнее и не так сильно хвастался тем, что он баптист.

— Божья матерь, — сказал я.

— Мать Иисуса, — сказал Эли. — Она забеременела от святого духа и, несмотря на это, считается Вавилонской Блудницей.

Я закатил глаза.

Подойдя к реке, мальчики положили свои полотенца на траву и вошли в воду. Я разделся до нижнего белья и пошел за ними, оставшись на мелководье.

Здесь было не глубоко. Залив казался огромным, когда мы с Биллом еще детьми купались здесь нагишом. Теперь я увидел перед собой всего лишь небольшую излучину реки, с отмелью, на которой было удобно сидеть.

— Ну, и кого из вас, мелкие гады, мне утопить в первую очередь? — спросил я, догоняя их.

Они засмеялись. Я схватил Эли, поднял его тощую задницу в воздух и бросил на глубину. Джош завопил с ликованием и попытался сбежать, но он был следующим. Но я эта участь тоже не обошла стороной. Мы играли в утопленников, смеясь и толкаясь, у них не заняло много времени понять, что им придется работать сообща, если они хотели утопить меня.

Оглянувшись на берег реки, я увидел бредущую от дома Шелли, без сомнения, чтобы нас проконтролировать. Ни для кого не секрет, что геи дождаться не могут шанса наложить лапы на беспомощных препубертатных мальчиков.

Пока я отвлекся, они навалились на меня кучей и как следует окунули в воду.

— Ты хуже, чем дети, — произнесла Шелли, когда я, наконец, выбрался на берег.

Взгляд, брошенный на Ноя, говорил о том, что она не испытывает к нему ничего, кроме жалости, за то, что он застрял с таким недоотцом, как я, и был лишен тех многих преимуществ, которые вытекают из правильного воспитания твердолобых гетеросексуальных родителей.

Я обтерся своей рубашкой.

— Жарковато, не правда ли? — сказал я ей.

— Да не говори.

— Возможно, тебе станет лучше, если ты охладишься, — предложил я.

— Я не собираюсь здесь плавать!

— Я ни слова не сказал про плавание, сестра.

— Вилли Кантрелл, не смей трогать меня руками!

При моей врожденной патологии я, конечно, не мог сделать ничего такого. Поэтому я вытянул ее из тени дерева и столкнул ее красивую задницу прямо в воду. В одежде.

Дети завизжали от восторга.

Глава 9

Меня зовут Хуан

Одним из моих первых клиентов на следующий день был застенчивый испанец с самыми удивительными карими глазами. Душевный, с открытым как у олененка взглядом, доверчивый, но в то же время наполненный какой-то странной осторожностью. Он был одет в простые шорты и футболку, на шее у него были бусы, похожие на те, что продают на побережье Мексиканского залива, куда ездят, чтобы поплавать в океане. У него была смуглая кожа приятного темного оттенка. Мягкие кудри черных волос вились непослушной массой на голове, мешая глазам и закрывая уши, торча непокорными волнами.

— Как делишки? — спросил я.

Он не ответил.

— У тебя с собой карточка ФудВорлда? — спросил я.

Он в замешательстве поднял на меня глаза и пожал плечами.

Это был взгляд, который я хорошо знал.

У тебя есть карта F—y—d—B—o—p—l—d—a?

Эти удивительные карие глаза озарились светом, и он улыбнулся.

Нет.

Хочешь оформить?

Да! Ты знаешь язык жестов?

Меня зовут B—i—l—l—i.

Меня зовут X—y—a—n. Приятно познакомиться.

Приятно познакомиться, Х—у—а—н.

Он был не просто глухим, мой гей-радар пищал что-то ужасное, и что-то подсказывало, парень разделял это чувство, судя по тому, как он продолжал улыбаться мне.

Передавая ему сдачу, я позволил себе ненадолго подержаться за его руку — так называемым "любовным прикосновением кассира". Это прикосновение может продлиться немного дольше, чем следует, если нужно сделать то, что нельзя сказать словами. Я притворялся, что собираю монеты, как будто хотел убедиться, что они не посыпятся из его ладони, поэтому твердо удерживал его руку. Идеальный повод полапать его подольше.

Он улыбался, перекладывая мелочь в карман. Порывшись в его глубинах, он достал и протянул мне бумажную карточку, на которой было написано:

Меня зовут Хуан. Я глухой. Дешевая рабочая сила. Мой номер (662) 822—1152.

Ниже то же самое сообщение написано на испанском языке.

Я дал ему форму для заполнения на получение карты ФудВорлда. Он вписал в нее свое имя, адрес и номер телефона. Хуан показал на телефонный номер и приподнял бровь, будто говоря: "*Не забудь воспользоваться им!*"

На кусочке бумаги я написал свой номер, адрес и передал ему, зная, что, скорее всего, у него на домашнем телефоне была функция передачи текстовых сообщений.

Я хочу завести друга, — сказал он. То, как он прожестикулировал слово "друг" предполагало нечто большее в перспективе, чем совместный просмотр футбольных матчей.

Он добавил: — Я одинок.

Хуан открыто посмотрел на меня, в глазах парня и на лице была написана его жаждка и одиночество.

Почему ты пользуешься языком жестов? — спросил он.

У меня глухой сын.

У тебя есть сын?

Да.

Bay.

Следующей на очереди подошла дама с двумя детьми. Она начала разгружать продукты из тележки.

Было приятно познакомиться с тобой, — сказал я.

Пожалуйста, позвони мне, — попросил он, прикусывая губу.

Быстро повернувшись, он схватил свои вещи и ушел.

Я наблюдал за ним долгую секунду. Он был таким симпатичным парнем, красивым на свой латиноамериканский манер, но Хуан шел так, будто вся тяжесть мира давила ему на плечи и у него не было ни одного друга.

В Тупело много испанцев. Да на всем южном побережье их полно. Без сомнения, многие из них тут незаконно, и этот факт бесит сторонников Чаепития. Этот Хуан дал

мне визитку, показывая тем самым свою готовность работать за любые деньги, значит, он был один.

Каково это быть не только нелегальным эмигрантом, но еще глухим и геем? К слову, о трех одновременных ударах судьбы.

В отличие от Джексона Ледбеттера, с этим я не ощущал, что у меня муравьи в штанах, тем не менее, я был более чем настроен дать ему возможность потрясти сахарное дерево и посмотреть, не упадет ли с него что-нибудь.

Глава 10

Освобождение Кайлы

На следующий день во вторник, мы с Ноем встали рано, чтобы проделать долгий путь в Перл, туда, где находилось Центральное исправительное учреждение штата Миссисипи, единственное, в котором содержались заключенные женщины, в том числе, приговоренные к казни. Мать Ноя провела в этом учреждении пять последних лет своей жизни, после того, как метлабораторию ее бойфренда в округе Монро накрыли копы. Этим утром, в восемь часов, ее отпускали на свободу.

Мы ездили к ней в тюрьму всего лишь раз за все пять лет, на первое Рождество после заключения Кайлы. После долгой поездки, преисполненной надежды, мать Ноя отказалась его видеть, и мы разочарованные поехали домой. Тогда Ною было четыре. Я не знаю, много ли он помнит из этого.

Охранник у главных ворот направил нас к специальному месту на стоянке, где "проводили" частные освобождения. Там уже стояли родители Кайлы рядом со своим блестящим внедорожником. Я припарковал свой старенький универсал неподалеку, и мы с Ноем вышли.

Я был одет в джинсы и футболку, на моей шее болтался на ремешке фотоаппарат. Я хотел сделать снимок Ноя с его матерью, что составит на одну фотографию больше, чем у него есть сейчас.

На Ноэ был надет новый костюм, отданный ему кузеном Эли. Он помыл голову и попросил меня уложить его волосы гелем, чтобы он мог убрать их со лба, так как ему нравится. Его подруга Кики, живущая на нашей улице, сказала ему, что это выглядит круто. Эта же девочка заплела из его волос косички, поэтому на ее суждения не стоит слишком полагаться.

Посмотрев на Ноя, миссис Уоррен приложила руку к горлу.

Я подошел с опаской.

— Доброе утро, — сказал я.

— Вилли, — отозвался мистер Уоррен.

Больше он ничего не сказал.

— Здравствуйте, — громко и нервно сказал Ной, отказываясь оставаться незамеченным.

— Привет, Ной, — поздоровался мистер Уоррен, глядя вниз на него.

Ты помнишь своих дедушку и бабушку? — просигнализировал я.

Мальчик покачал головой, но с надеждой улыбнулся.

— Как он? — спросила миссис Уоррен.

Она хочет знать как ты, — просигнализировал я.

— Я хорошо, — сказал он ей, улыбаясь и показывая свои не совпадающие зубы, заходящие друг на друга или наоборот отсутствующие — тот хаос, что его стоматолог терпеливо пытался исправить.

— Он становится таким большим, — отметила она.

Женщина посмотрела на мужа, спрашивая взглядом, что делать дальше. Твердо сжатые челюсти и неуступчивый блеск в его глазах невозможно было пропустить. Опустив взгляд, она замолчала, позволив продолжить ему. Мистер Уоррен как никто другой умел осудить.

Положив ладонь на плечо Ноя, я притянул его к себе.

— Он ваш внук, — негромко сказал я, — И не важно, что вы думаете обо мне.

— Мне казалось, я достаточно понятно объяснил тебе наши чувства, Вилли, — сказал мистер Уоррен, уставившись на меня с вызовом. — С тех пор, как ты отказался передать опеку над Ноем, чтобы он мог вырасти в приличном, надлежащем для воспитания доме — *нашем доме* — христианском доме ты не оставил нам выбора. Воспитание мальчика в гомосексуальной среде... но давайте не будем вдаваться в это.

В последний раз, когда я видел мистера и миссис Уоррен, они стояли на противоположной стороне кувеза*, с жалостью глядя на тощего малыша, который приходился им внуком, появившийся на месяц раньше положенного срока, с врожденной зависимостью к метамфетамину, спасибо его матери за этот проклятый "дар", а также за другие врожденные дефекты. Они пришли сообщить, что их дочь, Кайла, сбежала и не собирается возвращаться назад, поэтому они решили, что возьмут на себя воспитание Ноя, как только я откажусь от родительских прав и исчезну где-нибудь на горизонте. Очевидно, эти люди очень серьезно подошли к этой проблеме. Они даже переговорили со своим юристом.

* *Кувéз* — приспособление с автоматической подачей кислорода и с поддержанием оптимальной температуры, в который помещают недоношенного или заболевшего новорожденного.

Кажется, они удивились, когда я не согласился.

Они посчитали, что предложенный их бизнес-умами вариант, единственный возможный выход из проблемы, под названием их внук. И они были искренне расстроены, когда я сказал им, что исчезать не собираюсь, что Ной мой сын и я приму полную ответственность за него, независимо от своей ориентации и личных качеств. Я не собирался сбегать, как их дочь. Им была предложена возможность помочь и стать частью его жизни, но я не собирался позволять, чтобы меня из нее выгнали.

— Тогда мы желаем тебе всего наилучшего, — сказал мистер Уоррен, выводя свою жену из больничной палаты и отказываясь прислушиваться к ее протестам.

Стоя теперь вместе с ними здесь, я не мог не думать о той ночи.

Верные своему слову, у них не было ничего общего с Ноем. Ни открыток на дни рождения, ни ужинов на День Благодарения, ни Рождественских подарков. Они не звонили и не спрашивали как у Ноя дела. Не просили взять его к себе на пару недель летом, чтобы я мог немного отдохнуть от роли папочки, а они могли провести время со своей плотью и кровью. Их не волновало его здоровье, успехи в школе, оценки, слуховые аппараты, какой у него любимый вид спорта, кто его любимый супергерой или каково быть глухим в этом мире.

Почувствовав напряжение в моем теле, Ной посмотрел на меня, спрашивая взглядом, что не так. Я покачал головой в жесте, означающем, что кое-что не в порядке, но ему не стоит об этом беспокоиться.

Он обнял меня рукой за талию.

Мы ждали освобождения Кайлы в тишине. Фотоаппарат на моей груди, казалось, весил больше обычного.

Без пяти восемь на стоянку заехала еще одна машина, припарковавшись в отдалении от нас. На ней были стилизованные диски, тонированные стекла, да и вообще она выглядела весьма эффектно. Темно-синяя, почти черная. На вышедшей из тачки парне были солнечные очки, майка и мешковатые шорты, почти спадающие с его тощей задницы. Руки покрывали татуировки, а в уголке губ торчала сигарета.

У этого чувака было большое будущее. Что ж, о том, какое оно, он, наверняка, и понятия не имел.

Он даже не посмотрел на нас.

Я видел, как мистер и миссис Уоррен обмениались встревоженными взглядами.

Кто это? — спросил меня Ной.

Не знаю.

Он прикусил губу.

Я прижал его к себе, положив руки на грудь, словно говоря, что бы ни случилось, Ной не один, и со мной он безопасности. Мальчик накрыл своими ладошками мои руки, и я увидел, как миссис Уоррен беспокойно поглядывает на его левую руку с лишним пальчиком. Я накрыл его ладонь своей. Женщина посмотрела на меня, внезапно осознав, что я поймал ее за подглядыванием.

Смутившись, она отвернулась.

Мистер Уоррен посмотрел на меня с неодобрением в глазах, с тем самым выражением, которое я слишком хорошо знаю. Мы с Ноем были слишком искренними, слишком открыто проявляли ласку, слишком много трогали друг друга. Я не стал тратить время на то, чтобы объяснить, что прикосновения в общении с глухими играют особенно важную роль, тем более, когда речь о глухом ребенке. Это один из оставшихся способов, которым они могут общаться с другими. Они могут много рассказать, всего лишь прикоснувшись, подержав, и связавшись с вами. Для них ваше тело — карта.

Ровно в восемь утра этого дня, под небом, затянутым обещавшими дождь облаками, в конце длинного огороженного коридора открылась дверь и, сопровождаемая женщины-охранником, появилась Кайла. На Кайле была обычная одежда и в руках она несла сумку. В каком-то смысле, она все еще была красива. Полагаю, для меня она всегда будет красивой. Кайла поправилась, но немного. Выглядела здоровой и готовой к переменам. Она очень коротко постригла волосы.

Ной вырвался из моих рук и побежал к запертым воротам с нашей стороны тротуара.

— Ma! — воскликнул он радостно. — Ma!

Он провел изрядное количество часов, пытаясь научиться произносить один этот слог. Звук разнесся звоном по всей парковке. Он был слишком громким; Ной не мог понять, на какой громкости нужно разговаривать. Слог прозвучал неуклюже, больше похожий на стон или гудок, чем на слово. Это слово ему приходилось использовать не часто.

Она хмуро взглянула на него.

Женщина-охранник провела ее к воротам и открыла их.

— Удачи, мисс Кайла, — сказала она, выпуская ее на свободу.

— Ma! — повторил Ной, подбежав к ней, прижался лицом к ее груди, обхватил руками за талию и улыбнулся, обезумев от счастья.

Она выглядела растерянной, словно испытывала неудобство.

Никто не сдвинулся с места, поэтому я подошел первым и взял сумку из ее рук.

— Как ты, Кайла? — спросил я.

— Я же сказала тебе не приходить, — процедила она сквозь сжатые зубы.

— Он хотел увидеть свою мать.

— Проклятье, Вилли, — сказала она. — Ты отцепишь его от меня?

Я бросил ее сумку, порадовавшись звуку чего-то сломавшегося от удара об асфальт. Отташив от нее Ноя, я прижал его к себе.

Схватив сумку, Кайла посмотрела на сына. Она не знала, что сказать.

— Здравствуй, Ной, — выдала она, наконец, сухим тоном.

— Ma, — повторил он.

— Ну и что дальше?

— Я хорошо, — отозвался он, улыбаясь ей ярчайшей из своих улыбок.

Он все еще учился читать по губам, мог справиться с простыми взаимодействиями. Он знал, что первый вопрос, который обычно задают, это как он, поэтому Ной машинально сказал, что у него все хорошо.

Кайла растерянно отвела от него глаза, оглядываясь. Ее нижняя губа дрожала.

— Знаю, я выбрал не самое подходящее время, но я надеялся сделать вашу совместную фотографию с Ноем, — сказал я негромко. — Ты же знаешь, у него нет ни одной.

Она закатила глаза и резко выдохнула.

— Я хочу, чтобы у него была хотя бы *одна*, — мягко настаивал я.

Кайла бросила на меня короткий взгляд, будто не могла поверить своим ушам.

— Ма, — сказал Ной, потянув ее за рукав в попытке привлечь к себе внимание.

— Что? — огрызнулась она, оглядываясь на сына. Выражение ее лица было напряженным. Ной не мог не заметить этого.

— Я люблю тебя, — сказал он. Прозвучало это скорее как "Я лю тя".

— Ох, — сказала она, нахмурившись.

Подошли ее отец с матерью.

— Пойдем с нами, Кайла, — сказал мистер Уоррен голосом человека, который, очевидно, привык к тому, что ему повиновались.

— Я не пойду с вами, папа, — твердо сказала она, глядя на парня, который оперся на капот своего автомобиля, наблюдая за нами.

— Кайла, — сказал мужчина с предупреждением.

Она смотрела на нас с неуверенностью. Казалось еще немного, и она вот-вот расплачется. Я чувствовал. Взволнованная. Несчастная. Руки дрожат от нервов.

— Мне нужно идти, — внезапно объявила она, приняв решение.

Отвернувшись от нас, она пошла к парню на крутой тачке.

— Кайла! — сердито крикнул ее отец.

Отказываясь оглядываться назад, она покачала головой.

— Если ты уйдешь с ним, даже не вздумай возвращаться обратно! — прокричал мистер Уоррен. — Предупреждаю тебя!

— Ма! — позвал Ной с тревогой.

Вырвавшись из моих рук, он побежал за ней.

Я следом.

— Не смей возвращаться обратно! — кричал ее отец.

— Кайла! — звала ее мать. — Кайла!

Ной опередил ее, снова схватил, крепко сжав руки вокруг ее талии и обнял со всей возможной для него силой. Она сопротивлялась, пытаясь оттолкнуть его.

— Ма! — всхлипнул он.

— Прекрати! — вскрикнула она сердито.

— Ма!

— Отпусти меня! Черт возьми!

Ной не отпускал ее, не понимая, чего она хочет.

Кайла грубо отпихнула его от себя, и он начал падать спиной на асфальт, выставив вперед руку, чтобы приостановить падение.

— Иисусе! — громко воскликнула Кайла, отряхивая свою рубашку, словно та была покрыта вшами от маленького мальчика.

Она поспешила к машине и захлопнула дверь, оставив позади чувство ужасающей завершенности.

Чувак в татуировках сел в салон и завел двигатель.

Они укатили прочь.

Я присел и приподнял Ноя, осматривая порезы на руке. Яркие пятна крови появились на его коже.

— Ма! — плакал он, в смущенном недоумении от этого нового отторжения.

Слово теперь представляло собой долгий стон, исполненный агонии.

— Мaaaaaaaaaa!

— Тише, малыш, — сказал я, обнимая его.

Уткнувшись лицом мне в грудь, он плакал.

— Maaaaa?

Звук стал вопросом, криком удивления, замешательством.

— Все хорошо, малыш, — сказал я, гладя его по волосам.

— Aaaaaahxxxx, — рыдал он, постанывая с широко открытым ртом. — Aaaahxxxx!

— Тише, милый, — сказал я.

Мистер и миссис Уоррен сели в свой внедорожник и медленно уехали прочь.

У тюремных ворот стояла женщина-охранник, наблюдая за нами.

Подняв Ноя на ноги, я повел его в ее направлении.

— Можно воспользоваться вашей ванной комнатой? — спросил я.

Она посмотрела на стесаную руку Ноя и текущие из носа сопли.

— Я принесу аптечку, — сказала она, ведя нас внутрь.

Глава 11

Почему, папочка?

В тот вечер у нас был тихий ужин из пиццы и салата — любимые блюда Ноя. Я даже купил Колы, хотя Кантреллы не пили содовую, и причина была в том, что мы не могли позволить себе тратить деньги на высококалорийные продукты с низкой питательной ценностью. Голос Элвиса по радиостанции «КУДЗУ» пел о холодных дождях Кентукки.

Ужин почти не поднял настроение Ною, а когда у пиццы не получается надеть моему маленькому мальчику на лицо улыбку, я понимаю, что погода у него внутри темная и штормовая.

У тебя еда стынет, — сказал я.

— Почему, папочка? — спросил он жалобно. Прозвучало это как "Чему паачка?". Ной провел бесчисленные часы на уроках по развитию речи, просто чтобы узнать эти три звука, которые у него получалось повторять лишь приблизительно, но не всегда похоже. Он провел много вечеров, с соломинкой на языке, пытаясь понять, как имитировать звук "С".

Не знаю.

— Почему?

Прости.

Она считает меня тупым.

Нет, это не так.

Она считает меня тупым, потому что я глухой.

Это неправда.

Она не хочет дружить с тупым придурком.

Не называй себя так!

Я большой тупой придурок.

Прекрати!

Ненавижу её!

Нет, это не так.

*Она считает меня тупым! Она бы не ненавидела меня, если бы я не был глухим.
Почему именно я должен быть глухим? Это не честно!*

Прекрати!

Ненавижу её!

Я перестал отвечать и только покачал головой, показывая ему взглядом, насколько меня расстраивают его слова.

— Ааааххххххххх, — простонал он, и из его глаз брызнули слезы. Встав из-за стола, он побежал к себе в комнату. — Ааааххххх!

Я пошел следом.

До меня доносились треск и грохот раскидываемых вещей, он вел себя как типичный малыш с расшатанной психикой ребенка с метамфитаминовой зависимостью. Он почти перерос это, но бывали случаи, когда все возвращалось с удвоенной силой.

Когда я вошел к нему в комнату, мимо моей головы пролетел Кубик Рубика, вылетая за дверь и приземляясь на пол в коридоре за моей спиной. *Робинзон Крузо* был следующим, потом *Гекльерри Финн*. Ной подошел к своему шкафу, рванул на себя ящик и вытряхнул его содержимое. Затем он начал биться головой о верхний ящик, ударяя с такой силой, что я кинулся к нему и прижал к себе, боясь, что так он выбьет себе мозги.

Ной бесцельно колотил меня своими маленькими кулаками, заходясь в вое и стонах, в муках слепой необузданной ярости, которую может испытывать только

метамфетаминовый ребенок. Он продолжил завывать, звук исходил откуда-то из глубины горла, больше похожий на "хммммм!". Затем он широко открыл рот и завопил "ахххххх!". Его тело можно было сравнить с клубком змей. Я обхватил его руками и сел вместе с ним на постель, обнимая его тельце, пережидая, когда начнет стихать его гнев.

После двух минут безуспешных попыток вырваться, он затих, спрятав голову в изгибе моего плеча, всхлипывая и обнимая меня руками так крепко, словно боялся меня отпустить.

— Тише, маленький, — сказал я ему на ушко.

Я знал, что Ной не мог меня слышать. Но он мог чувствовать меня. Его ухо находилось у моего горла, и он мог чувствовать вибрации моего голоса в горле и груди. Поэтому я излил на него всю свою любовь. Я говорил "тише" и " успокойся", "не шуми" и "все хорошо", называл его "милым", "малышом", "сладким" и "моей крошкой" до тех пор, пока он совсем не замолк. Потом я уложил его на кровать и достал платок, чтобы утереть его сопливый нос, включил вентилятор, заставив перегонять горячий воздух. Я сидел рядом с ним, наблюдая, как Ной лежал, уставившись в потолок, избегая смотреть мне в глаза. Когда ему не хотелось говорить, все что он должен был сделать — это просто перестать смотреть, чтобы не видеть ни жестов, ни речи.

Я лег рядом с ним, вытянувшись во весь рост, чувствуя непомерную усталость. Взяв его руку в свою, я просто держал ее так, не говоря ни слова.

Через пять минут Ной погрузился в тревожный сон.

Глава 12

Спрятанная мечта

Утром я прошел в кухню в одних боксерах, открыл окно и включил потолочный вентилятор. Как мы переживем еще одно лето без кондиционера, я понятия не имел. Казалось, каждый год становится все труднее и труднее. Не думаю, что Ной замечал это также, как и я.

Я поставил вариться кофе, включил радио на частоте "КУДЗУ", сел за стол и было подумал о том, чтобы взять ноутбук и вернуться к работе над моим последним романом.

Но я был не в настроении писать. Роман, к сожалению, сам себя не напишет, хотя и за один день его написать тоже невозможно.

Наш кухонный стол, доставшийся нам от других хозяев, когда-то стоял в гараже, отчего его ножки были изъедены грызунами. Одна из ножек была настолько сильно погрызена, что ей не хватало 5 сантиметров в высоте, и мне пришлось поставить под нее шлакоблок, чтобы стол не шатался.

— Ноги не пускаются в пляс под музыку с других радиостанций, — говорит КУДЗУ. — Почему? Да потому что ритм не тот! Оставайтесь с нами на "Классик Кантри КУДЗУ" 104.9 FM!

Бобби Джентри начала петь про Билли Джо, сбросившегося с моста Таллахачи*. В Гринвуде, штат Миссисипи, действительно был такой мост, но сюжет песни Джентри придумал. Мост рухнул в 1972. Журнал "Роллинг Стоун" написал нашумевшую статью об этом, решив, что данное место было не самым лучшим выбором для самоубийц, ведь падение продлится всего каких-то семь метров.

* отсылка к песне кантри-певицы Bobbie Gentry — *Ode To Billie Joe*.

Я вздохнул.

Мне не следовало брать Ноя на освобождение его матери из тюрьмы. Она сказала мне этого не делать, и передумывать не собиралась. А я отказался слушать. Я внушил ему надежду, а она её разрушила. С таким же успехом можно было плеснуть ему в лицо ледяной водой из ведра.

Мне следовало догадаться. Я просто думал, что время или обстоятельства могли изменить мнение Кайлы, или счастье, что её, наконец, выпустили из заключения, или...

Не знаю, что я думал.

*Похоже, ничего хорошего не случается в Чоктоу Ридж,
И теперь Билли Джо сбросился с моста Таллахачи.*

Я сделал тост, налил чашку кофе и встал у кухонного окна, наблюдая за Джексон Страт, пока Тупело готовился встретить еще один день душной жары. Я размышлял о том, что невозможно узнать, что у людей на сердце, в мыслях, чего они хотят и почему они делают то, что делают.

К столу подошел Ной. Он не оделся, а его лоб был изуродован синяками. Он сел, даже не поздоровавшись со мной, и это плохой знак. У него на теле явно выпирали ребра, словно я морил его голодом.

Я подошел к нему и осмотрел синяки. Он поморщился, когда я слишком сильно надавил на один из них.

Хочешь есть? — спросил я.

Он пожал плечами.

Я сделал тост и намазал его виноградным желе, взял из холодильника клубничный йогурт и поставил все это перед ним вместе со стаканом сока.

Сын посмотрел на еду без интереса.

Ты в порядке? — спросил я.

Он пожал плечами.

Мне пора собираться на работу, — сказал я. — Поешь. Оденься.

Он отвел глаза, заканчивая разговор.

Встав за его столом, я положил руку ему на грудь и наклонился, чтобы поцеловать в волосы. Он накрыл мою руку своей и откинулся на меня. Наконец-то, поздоровался. Прикоснулся, чтобы убедиться в моей реальности, что я все еще с ним, что все в порядке.

Я присел рядом, одарив его внимательным взглядом.

Почему, папочка? — спросил он.

Не знаю.

Почему она меня ненавидит?

Она запуталась.

Он опустил глаза и прикусил губу. Затем Ной вздохнул, взял тост и начал есть.

Я принял душ, надел униформу "ФудВорлда" и вот мы уже за руки вышли за дверь на улицу, по направлению к дому миссис Хамфри за один квартал от нас.

Старая темнокожая женщина, бывшая сотрудница "ФудВорлда", миссис Хамфрис помогала воспитывать свою глухую внучку Кики, лучшую подружку Ноя. Ее мать, Тоня, получила долгожданную работу на заводе Тойоты в Блу Спрингс и работала вочные смены.

Увидев нас, Кики спрыгнула с крыльца и поспешила навстречу.

Привет, мистер К!

— Привет, Кики, — сказал я.

Она взяла за руку Ноя и повела внутрь, с нетерпением желая заняться планами на день. С Кики невозможно было предсказать, что это будет. В прошлый раз они сделали твердые слепки своих ладошек. Однажды они посвятили весь день церемониальному обеду в большом кукольном домике Кики.

Миссис Хамфрис сидела на веранде со своим поклонником Эдди.

— Доброе утро, миссис Хамфрис, мистер Эдди-Хамфрис, — сказал я.

— Доброе, Вилли, — ответила миссис Хамфрис. — Мне не нравится выражение твоего лица. Ты водил мальчика на встречу с его мамой?

Я кивнул.

— Ничего хорошего не вышло?

— Ага.

— Ну, не волнуйся так. Господь найдет способ.

— Хотел бы я, чтобы Господь нашел способ и для меня, — вставил Эдди, осторожно заигрывая.

— Прикрыл бы ты рот, — сказала она беззлобно.

— Слышали, как она дерзит мне? — сказал Эдди. — Будь мы женаты, я бы перекинул тебя через колено!

Миссис Хамфрис засмеялась над этой нелепой картинкой.

— Не принимайте близко к сердцу его болтовню, миссис X, — сказал я.

— Ты же меня знаешь, — ответила она. — Я переброшу его через перила, если он будет неправильно себя вести.

— Как мисс Тоня? — спросил я, говоря о ее дочери.

— Ох, пашет как лошадь, но оплата достойная. Она зашла в магазин за едой для детишек. Скоро будет дома.

— Я освобожусь в два, — сказал я.

— Хорошего дня, Вилли.
— И вам не болеть, — произнес я.

Глава 13

Не большие пятнадцати наименований

Работая на ленте экспресс-кассы в футболке с символикой "ФудВорлда" и именным бейджиком, я пытался не думать о Кайле. Пытаться, конечно, не то же самое, что преуспеть.

Подошедшая с забитой больше, чем пятнадцатью наименованиями продуктов пожилая миниатюрная леди, отвлекла меня от моих мрачных мыслей. Я обошел стойку и помог ей разгрузить свои покупки на мою конвейерную ленту.

— Думаю, у меня может быть больше пятнадцати наименований, — сказала она с девчачьей улыбкой.

— А вы были очень непослушной девочкой, да, дорогуша? — спросил я. — Я могу позвонить охране и вас арестуют.

Она рассмеялась.

— У вас с собой карта "ФудВорлда"? — спросил я.

— Никогда не выхожу без нее из дома, — ответила она с гордостью.

— Что ж, давайте-ка посмотрим, — сказал я, забирая у нее карту и возвращаясь на свою сторону кассовой стойки.

Эта дама была настоящей занозой, постоянно жаловалась на холод и устраивала целое представление из оплаты чеком, который она целые две минуты выискивала в бездонных глубинах своей сумочки.

Все эти знаки так и кричали: Я хочу внимания!

— Как проходит ваш день? — спросил я, пропуская через сканер ее покупки.

— Здесь очень холодно, — пожаловалась она. — Особенно в отделе с замороженными продуктами. Я не подумала принести с собой пальто.

— Вы нашли все, что вам нужно?

— Даже больше, как и всегда.

— Вот и я такой же, — согласился я.

Любому идиоту под силу пропускать продукты через сканер, что и является одной из причин, почему меня наняли.

— Стоимость покупки сорок шесть долларов тридцать центов, — сказал я, проведя все ее товары через регистратор.

Она вскинула брови и сделала такое лицо, словно это я виноват в том, что еда настолько подорожала.

— Я понимаю вашу боль, дорогуша, — сказал я. — Следует расставить всех этих производителей продуктов питания вдоль стены и расстрелять, как считаете? Раскрошить их пулеметом. Разнести на кусочки.

— О, Боже, нет, Вилли!

Она нервно рассмеялась, как и многие мои покупатели, пытающиеся понять, шучу я или нет.

— Думаю, нам нужно ввести один день бесплатной еды, — сказал я, пока она копошилась в своей пещерообразной сумочке в поисках чековой книжки. — Просто выбрать день, в который все, что бы не легло в тележку было бесплатным. Думаю, было бы шикарно.

— Ну, не прелест ли? — подтвердила она.

— Мне не следовало говорить об этом слишком громко, меня могут уволить, — добавил я.

— Им нужно повысить тебя в должности, — сказала она.

— Тогда мне придется носить галстук и постричь волосы, а мы оба знаем, что этого не случится, правда, дорогуша?

Она рассмеялась.

— Привет, милашка, — сказала Джалиса, подходя к экспресс-кассе. Это была молодая чернокожая девушка с татуировками во всю правую руку, чья речь и манеры скорее подошли бы парню.

— Привет, Джалиса — ответил я. — У тебя все хорошо?

— Сегодня у меня благословенный день, — сказала она.

Она обосновалась на следующей от меня кассе и начала вводить цифры своей карты с видом профессионала.

Пока пожилая леди расписывалась удивительно четким почерком на своем чеке, очередь ко мне только росла, и я вздохнул, возможно, слишком шумно.

— Надвигается плохая погода, — прочирикала престарелая птичка, передавая мне чек. — Никогда в жизни не видела столько торнадо.

— Не надо нам больше этого добра, — согласился я. — В последний раз ветер был настолько сильным, что мне пришлось пришить друг к другу ягодицы.

— О, Вилли! — воскликнула она, краснея.

В этот раз, к разменному аппарату подошла тучная женщина, неся в руке огромную банку с мелочью. Она забрасывала монеты в металлическую посудину, и они позывали, одна за другой, подсчет суммы велся автоматически. Разменный аппарат находился аккурат напротив моей кассы, поэтому большую часть дня я проводил, слушая этот жуткий стук, действующий мне на нервы. Такое чувство, что весь день слушал поп-музыку.

— Хорошего вам дня, — сказал я пожилой леди, когда, наконец, смог оторвать ее чек от принтера и передать его ей.

— Обязательно, — сказала она.

— Может позвать кого-то из ребят, чтобы помогли вам донести все до машины?

— Думаю, я справлюсь, — ответила она сухо.

Глава 14

Написать про Ноя?

В тот вечер я пялился на свой телефон так, словно взглядом мог заставить его зазвонить.

Этого не произошло.

У Джексона Ледбеттера могла быть своя свита поклонников в таком болоте, как Тупело. Если, конечно, он сможет найти хоть одного. Гомосеки Миссисипи знали, как слиться с декорациями. И хотя население Тупело насчитывало около сорока тысяч, "геев" найти было трудно.

Чарли Прайд* пел по радио, что никто не знает что происходит "За закрытыми дверями". После него братья Беллами* задавались вечным вопросом: "Если я скажу, что у тебя красивое тело, ты приjmешься ко мне?"

* Чарли Прайд — кантри—певец, отсылка к песне "Behind Closed Doors"

* братья Беллами* — кантри—группа, отсылка к песне "If I Said You Had a Beautiful Body, Would You Hold It Against Me?"

У Джексона было красивое тело. Даже от мысли о нем я возбудился и осушил чашку кофе, словно это был холодный душ. Боже, я бы потряс его сахарное дерево.

Я посмотрел на свой драндулет, притворяющийся моим ноутбуком, который сейчас лежал на столе в закрытом виде, как и много дней до этого. Сюжет моего последнего романа повествовал о доме с привидениями.

Когда я получил за "*Озеро Мертвца*" аванс в пять тысяч долларов, я легко представил, как веду жизнь писателя, строча романы в перерывах между походами по музеям, раздачей автографов и гламурными путешествиями по миру. Это случилось как раз, когда родился Ноу, и я подумал, что могу с легкостью бросить колледж, чтобы продолжать заниматься писательством и заботиться о его многочисленных потребностях.

Каким же дураком я был.

Я быстро понял одно из ведущих правил публикации, которое гласит, что ты настолько хороши, насколько хороша твоя последняя книга. Несмотря на то, что "*Озеро Мертвца*" быстро разошлась по рукам, другие две нет, а последняя так вообще не вышла за пределы комнаты. Согласно последнему отчету, за прошлый квартал было продано только двести двенадцать экземпляров, что составляло общее количество моих проданных книг. Сопровождающий отчет чек с авторским гонораром едва насчитывал три цифры после запятой. Охренеть.

Как говорила мой агент, почти каждый человек способен написать один хороший роман. Но не два и не три. Она спрашивала, не изжил ли я себя в жанре ужасов. Может, мне стоило рассмотреть другой жанр? Какую историю я по-настоящему хотел написать, какую по-настоящему хотел рассказать?

Я знал, чего она хочет: Историю Ноя.

Говорят, исповедь полезна для души. Когда знаменитости светят на публику сиськами, их гонорары повышаются до шестизначных цифр. По крайней мере, я мог бы заставить себя работать и получать пятизначные гонорары, как настоящий писатель.

Но я не мог написать о Ноэ. Не мог использовать его для подъема по карьерной лестнице. Что-то во мне отказывалось это делать.

Мой агент, Джен, не разделяла задумку о доме с привидениями.

— Что еще можно об этом написать? — поинтересовалась она. — Стивен Кинг прошелся катком по этой теме в своей *"Красной Розе"*, причем основательно, могу заметить. Что ты хоть приблизительно можешь туда добавить?

— Мой дом на самом деле является вампиrom, — сказал я.

— Слабо, — отозвалась она. — Дома не могут быть вампирами.

— Этот может, — настаивал я.

— Ты подумал над тем, чтобы написать про Ноя?

— Нет.

— Пожалуйста, подумай, Вилли. Ты же хочешь, чтобы книги продавались, верно?

— Но я не хочу писать о нем книгу.

— Подумай, Вилли. Гей. Отец-одиночка. Воспитывает глухого сына с врожденными дефектами. Твоя личная история. События. Само собой, на Юге. Громко плачущий ребенок с матамфетаминовой зависимостью. Иисусе, это будут покупать, поверь мне. Геи сейчас в фаворе. Все вокруг о геях, геях и еще раз о геях. Люди хотят знать. Более того, они хотят знать что-то правдивое. А у тебя куча замечательных фоток с ним. Он красивый ребенок, Вилли. Одна из таких фотографий на обложке книги и тебе гарантирован успех. Людям нравятся милые дети. Почему бы не рассказать им его историю?

Как объяснить это ей?

В любом случае, я написал порядка десяти тысяч слов в моем романе о привидениях, прежде чем заглох на месте и потерял к нему всякий интерес. Факт в том, что моя идея была скучной до слез. *Дом вампир пожирает ничего не подозревающую семейку*. Да кому это интересно? Они ведь, наверняка, это заслужили.

Декабрьские отзывы о моей книге на Amazon.com были жестокими.

Пользователь с ником redseven45 объявил всему миру, что "Вилли Кантрелл не Стивен Кинг. Он противоположность Стивена Кинга. Он Коротышка — Большая Шишка Ужасов. Он Могущественный Карлик, вселяющий страх. Его каракули такие же страшные, как любая инструкция по сборке мебели. Я чувствую, что впустую потратил свои деньги. А это не самое приятное чувство".

Профессиональные обзоры оказались не лучше. Мой любимый был из *"Канзас Сити Стар"*:

"Вилли Кантрел показал нам, что может написать чертовски хороший роман. Теперь же он показал нам, что это не так".

Неужели суть вещей действительно такова, что я больше не мог написать приличного романа?

Я ковырнул свою еду, чувствуя себя жалким.

Я посмотрел через стол на Ноя. Штурм в его глазах еще не утих, но, по крайней мере, сын снова разговаривал.

В честь недавней кончины Джорджа Джонса на "КУДЗУ" играла "Он разлюбил ее сегодня".

Подчистив свою тарелку, Ной попросил добавки.

Надеюсь, хоть что-нибудь из съеденного пристанет к твоим костям, — сказал я, поставив перед ним свежую порцию пасты. — Люди думают, что я морю тебя голодом.

Ты моришь меня голодом, — убежденно произнес он.

Нет!

Ты никогда не водил меня в «Макдоналдс».

Почему ты хочешь есть этот мусор?

Потому что все мои друзья ходят туда.

А мы не едим мусор в этом доме.

Видишь? Ты моришь меня голодом. Ты не разрешаешь мне есть то, что я хочу.

Если я куплю этот мусор, ты его будешь есть?

Да, — сказал он.

И ты еще называешь себя моим сыном? Продолжай в том же духе, и мы станем вегетарианцами.

Мерзость. Он сстроил гримасу, подчеркивая свою точку зрения.

Нам придется питаться китайской капустой на завтра, и все по твоей вине, — сказал я.

Можно пойти на улицу и пожевать травы. Это бесплатно!

О чем я и говорю, — произнес я.

Как будто мы рогатый скот.

Мы могли бы сэкономить деньги.

Я устал экономить деньги.

Как и я.

Пап?

Да?

Почему ты такой странный? — спросил он.

Я не странный.

Ничего удивительного в том, что ты никому не нравишься.

Я нравлюсь людям.

Ты даже не ходишь в Макдоналдс. К. говорит, что ее мама постоянно водит ее туда.

"К." было жестовым сокращением от имени Кики.

Мы можем сходить? Хоть разочек? Прошел уже почти год!

Я подумаю.

Мы можем пойти завтра?

Я подумаю об этом!

Разговор прервался, пока он большими глотками пил сладкий чай.

Пап?

На его лице красовалась нахальная улыбка.

Почему твой бойфренд тебе не звонит?

Заткнись!

Я же говорил, что ты странный.

Он позовонит, — сказал я, кивая, словно показывал: "Подожди и увидишь".

Он, наверное, подумал, что ты выглядишь как девчонка.

У тебя почти такие же длинные волосы, как у меня!

Нет, не такие же!

Когда ты последний раз смотрелся в зеркало?

Но ты носишь хвостик, как девочка.

Разговор снова прервался, когда он приступил к десерту, небольшой миске винограда.

Пап?

Да?

А где живет мама?

Не знаю.

Как думаешь, она меня навестит?

Не знаю.

Он опустил лицо и глаза, чтобы не видеть, что еще я могу сказать.

Глава 15

Танцевальный паркет

Будучи обладателем южной крови, да еще и геем, я присвоил себе право распевать песни за мытьем посуды, особенно когда после обеда по "КУДЗУ" передают Гленна Кэмпбелла "Хрустальный ковбой"*.

* Глен Кэмпбелл — американский актёр, певец и гитарист, ранние записи которого способствовали размыванию границ между кантри-музыкой и традиционной эстрадой.

— Но хочу быть там, где меня освещают огни, — напевал я, — как хрустальный ковбой...

Я пританцовывал возле раковины, вспоминая как пел эту песню еще когда состоял в музыкальной группе "Южные ночи" во времена колледжа, тогда мне было восемнадцать, и я грэзил мечтами о славе.

Рядом появился Ной. Он посмотрел мне в глаза и улыбнулся.

— Давай со мной, — сказал я.

Он встал своими ногами на мои ступни и положил мне руки на плечи.

— *И мечтаю, что я мог бы, — пою я ему, — сделать на жетон метро и доллар, спрятанный в сапог.*

Он смеялся, повторяя движения моего тела, и мы своими плясками превратили наш кухонный пол в настоящий танцевальный паркет, уносясь в неповторимой музыке Глена Кэмбелла. Ной предугадывал мои шаги, перемещая вес с одной ноги на другую.

"Танцы со звездами" были его любимой передачей. Он с пристальным вниманием наблюдал за тем, как все эти утонченные люди двигались и плыли по сцене, он часто повторял их движения в гостиной на ковре, танцуя под музыку в его голове, что была слышна только ему.

— *Как ковбой хрустальный, всегда верхом... — заорал я.*

Мы раскачивались из стороны в сторону, повторяя круг за кругом на кухонном полу.

Глена Кэмпбелла сменил Джон Денвер* с песней "Снова дома".

* Джон Денвер — американский бард, который является самым коммерчески успешным сольным исполнителем в истории фолк-музыки.

Мы замедлили темп. Он положил голову мне на грудь, слушая мое сердце и вибрации голоса, пока я пел. Теперь мы почти стояли на месте.

Когда он был маленьким, я частенько танцевал с ним на руках, танцевал и пел, веселился. Даже тогда, он, казалось, получал удовольствие не от музыки или танца, а от вибраций голосовых связок, отдающихся у меня в груди. Ной клал голову в изгиб моего плеча и прижимался ухом к горлу. Зачастую так он и засыпал.

Мы делали так, потому что как и большинство метамфетаминовых младенцев, он даже после того, как с зависимостью было покончено, имел обыкновение кричать и выть. «Выпускал криком душевную боль», — как говорит мама. Кричал от преследующих его фантомов, которых мы не могли ни увидеть, ни понять.

Я обнаружил, что если прижать его к груди и петь, он успокаивается. Кроме того, утихомирить его можно, если он будет касаться обнаженной кожи. Когда ему было особенно плохо, и он кричал от неконтролируемой ярости, я снимал рубашку и прижимал его к своей коже, и трюк всегда срабатывал, словно тепло человеческого тела насыщало преследующего его демона.

"Вот и скажи ему, как проводишь свое время..."

Мы были настолько заняты пением и наслаждением моментом, что я не услышал стука в дверь.

Медленно кружась по кругу с Ноем на руках, я поднял взгляд и увидел Джексона Ледбеттера, стоящего в дверях моей квартиры и наблюдающего за нами.

— Иисусе! — вскрикнул я, пораженный тем, что там кто-то стоял.

Ной высвободился из моих рук и огляделся.

— Извини, — сказал Джексон. — Дверь была не заперта...

— Да я чуть штаны не обделал от страха, — сказал я.

Джексон прошел на кухню. Он протянул Ною руку.

Просияв от радости, Ноу принял его руку и взобрался поверх его мажорских Найков.

Они начали танцевать.

"Эта старая ферма подчас, словно давно потерянный друг..."

Ной поднял взгляд на Джексона, его светло-голубые глаза буравили этого человека, словно пытаясь выведать все его тайны. Джексон посмотрел на него в ответ, улыбаясь своей уверенной улыбкой, от которой я чувствовал себя слабым и нервным. Внезапно на кухне стало слишком жарко.

"Я не знаю лучшего способа провести время, кроме как провести его с тобой..."

У Джексона был свой собственный стиль танца. И будто хамелеон, Ноу повторял, идеально следя за ним, шаг за шагом, позволяя Джексону держать и кружить его, позволяя ему задавать ритм.

Оказавшись в поле моего зрения, Джексон посмотрел на меня и широко улыбнулся.

Я представил, как они танцуют на нашей свадьбе, оба в смокингах. В этот счастливый день мы стали бы современной семьей. Мне бы пришлось встретиться с родителями Джексона. Ему бы пришлось встретиться с моими мамой, дедом и Биллом. Мы бы обратились в риэлтерское агентство и нашли бы какой-нибудь дом со старой плантацией в округе Монро. У Ноя было бы два отца.

Мы бы...

Прикрыв рот ладонью, я отвел от них глаза. Во мне зрел такой ком горечи, что я думал расплачусь. Какой смысл мечтать о том, что никогда не случится?

Глава 16

Мы встречаемся?

Мне нравятся парни — так и должно быть, если хочешь с ними переспать, иначе ничего не получится, но они заставляют меня нервничать. Особенно симпатичные. Я чувствую себя маленькой девочкой, втрескавшейся в своего препода. Не могу внятно говорить. Несу полную чушь.

— Значит, ты не умер, — сказал я.

— Умер?

— Ты не позвонил.

— Я не позвонил? Вообще-то я думал, это *ты* не позвонил.

— Так ты просто зашел одолжить пару яиц?

— Вилли Кантрелл, — сказал он, качая головой из стороны в сторону, — я зашел одолжить у тебя поцелуй.

— Потрясти сахарное дерево?

— Если ты это так называешь.

— Сейчас?

— Не тогда, когда твой ребенок наблюдает за нами из соседней комнаты.

— А он наблюдает за нами?

— Притворяется, что нет.

— Ага, он может.

— Так что...?

Я рассмеялся. От смущения, облегчения, беспокойства... Я не мог объяснить причину, но было смешно.

— Я сотру эту улыбку с твоего лица, — поклялся он.

— И как же ты планируешь сделать это?

— Уложи ребенка спать, и я тебе покажу.

— Так мы встречаемся? Что-то типа того?

Он одарил меня своей бесшабашной улыбкой.

— Ну и? — поторопил я.

— Я к тебе клеюсь, старик, — сказал он. — Окучуваю. Я думаю ты крутой. Хоть и со странностями.

— Я не настолько старый!

— Это не я живу в доме второй половины восемнадцатого столетия. Просто закидываю удочку, большой парень.

— Что-то подсказывает мне, ты очень, очень непослушный мальчик.

— Ты и половины не знаешь, — сказал он.

— По-другому и быть не могло, — признал я.

— Есть пиво?

Пиво было.

Вскоре Джексон и Ноу уселись перед телевизором, гоняя «Супер Марио».

С приближением штормового фронта, подул прохладный освежающий ветер, и я надеялся, он задержится тут подольше. По радио отметили похолодание, а ведущий прогноза погоды предупредил о возможных сильных штормах.

Отправив Ноу спать, мы с Джексоном Ледбеттером сосались на моем диване. Я выпил три пива, поэтому возбудился настолько, что был готов заплатить ему денег, даже за пять минут, но на следующее утро нужно было в школу, поэтому зов целомудрия победил.

— Ты не ответил на мой вопрос, — сказал он, поднимаясь и готовясь уйти.

— На какой вопрос?

— Интересен я тебе или нет. Я не умею читать мысли, независимо от того, что тебе рассказывали о жителях Бостона. Но с этим стволом у тебя в кармане, мне не нужно уметь читать мысли.

Он позволил своей руке скользнуть вниз и сжать мои причиндалы.

Должно быть, я застонал или сделал что-то настолько же тупое.

— Значит, ты разогрел меня, взволновал и теперь собираешься смотреться? — болтнул я.

— Ага, — сказал он с ухмылкой.

— Это же просто жестоко.

— Звучит, как название одной из песен Элвиса.

Для убедительности я пропел ему: *"Не будь жесток к искреннему сердцу..."*

— А ты искренен, Вилли Кантрелл?

— Иногда. Прямо сейчас я очень возбужден. Но могу быть и искренним, если ты этого хочешь.

— Это все, чего я хочу, — сказал он внезапно с серьезным видом. — Я не как эти подзаборные шлюхи, которым все равно с кем спать. Я старомоден. Нужно, чтобы человек мне по-настоящему понравился, прежде чем я...

Я прервал его, твердо припав к его губам своими и приложив определенное давление. Последовал язык. Ощупывание. Ласки. Нехватка воздуха, если я правильно помню. Руки в волосах, бьющиеся друг о друга тела. Запах волос. Объятия. Нежность.

— Для происходящего есть большие оснований, — сказал я.

— Надеюсь, — ответил он. — Но мне, правда, пора идти. Моя смена начинается утром в шесть, и я не могу опоздать.

— Так что. Мы встречаемся?

— Я думал, ты назвал это ухаживанием. Свой ход я сделал. Следующий оставляю тебе.

— Это же из текста песни, — вспомнил я. — *"Оставляю тебе..."*

Я перебрал с алкоголем, вот и все, что я могу сказать в свою защиту.

— Кстати, — сказал он. — Ты знаешь такую маленькую черную штуку, которую постоянно таскаешь с собой? Она еще звонит, пикает и все такое?

— Мой телефон?

— Попробуй им воспользоваться.

Глава 17

Письмо Железному Человеку

На следующее утро я проснулся с глупой улыбкой на лице. Как и Донна Фарго, я был "Счастливейшей девчонкой во всех Соединенных Штатах"^{*}, даже несмотря на то, что спал один в двуспальной кровати.

* отсылка к песне *Donna Fargo — The Happiest Girl In The Whole U.S.A.*

Собираясь на работу, я принял душ, и стоя голым у зеркала, расчесал волосы и завязал их в хвост.

Я был не так уж плох. Джексону Ледбеттеру могли попасться и хуже. Да, я мог бы лучше ухаживать за волосами, подстричь бородку, но зато на меня до сих пор налазили джинсы, что я носил в старшей школе. Я был стройным, хоть и без четкого рельефа мышц, но я не сутулился. У меня был ровный загар от частых игр во Фрисби с Ноем в парке. У меня были русые волосы, поэтому мне не приходилось беспокоиться о растительности на спине, и, несмотря на все мамины предупреждения, волос на ладонях так и не выросло. У меня были довольно крупные губы, и я знал, как ими пользоваться. До Джексона они пользовались спросом. Не помню, чтобы кто-то оставался разочарованным.

Я оделся, заставил Ноя вылезти из постели и пошел на кухню готовить завтрак. По "КУДЗУ" играла "Жизнь на Талса Тайм", когда сын сел за стол и взял себе молока и тост.

— Привет, малыш, — сказал я.

Он многозначительно улыбнулся.

— Что? — спросил я.

Я видел, как вы целовались.

А почему ты был не в постели? — спросил я.

Мне до ужаса захотелось пить.

Он состроил выражение потрясения на лице.

Я и тебя целую, — сказал я.

Это не одно и то же!

Значит, ты не возражаешь...

Ты можешь целоваться с ним, если хочешь.

Спасибо.

Всегда пожалуйста.

Он рассеянно порылся в своей сумке.

Можешь отправить мое письмо? — спросил он. — *К. помогла мне написать его.*

Переданное мне письмо было тщательно сложено. На закрывающем клапане нарисован смайлик. А снизу подпись: *Я тебя люблю!*

Я открыл его:

Дорогой Железный Человек,

Мне очень нравится твое кино. Ты смешной. Ты выглядишь как мой папа, но у моего папы волосы намного длиннее. Пожалуйста, ответь на письмо, ведь я тебя люблю. Я глухой, но читаю субтитры. Я хочу тебя помочь моей маме. Я не знать, где она живет. Я хочу ты найти ее. Твой друг, Ноу Кантрелл.

P.S. Я жить в Тупело, недалеко Мемфис. Там мог родиться Элвис. Я показывать тебе его статуя в парке.

Я посмотрел на него и нахмурился.

У тебя куча ошибок в тексте, — сказал я, игнорируя все остальные мысли, проносящиеся в голове.

Как думаешь, он захочет стать моим другом?

Конечно.

А где он живет?

Скорее всего, в Голливуде.

Как думаешь, он может найти маму?

Не знаю.

А я надеюсь, что да.

Как и я.

Он вернулся к своему завтраку, довольный тем, что миссия будет выполнена.

Глава 18

В библиотеке

После работы я пошел в публичную библиотеку Тупело, где у регистрационного столика взял карточку и сел за один из терминалов с подключением к Сети, чтобы проверить свою электронную почту. Карта давала мне возможность целый час пользоваться компьютером и Интернетом.

Как и у большинства людей мои е-мейл сообщения представляли собой коллекцию хлама. Ни одного сообщения от моего агента, жадного до истории о домевампире, пожирателе ничего-не-подозревающей семейки. Ни одного уведомления об авторском гонораре или пришедшем на почту чеке. Ни одного запроса на авторские права от иностранных издательств. А голливудские продюсеры нисколько не были заинтересованы в том, чтобы превратить "*Озеро Мертвое*" в кино. Просто бесчисленное количество сообщений об увеличении пениса и помощи какой-то нигерийской сволочи переправить миллиард долларов из своей страны.

Я залогинился на Фейсбуке и обнаружил заявку в друзья от Джексона Ледбеттера, которую с превеликим удовольствием и одобрил. Большую часть оставшегося времени я провел, слоняясь по его профайлу, рассматривая фотографии, изучая список друзей, страницы, которые он лайкнул, читая все его статусы вплоть до начала этого года — в общем, занимался тем, что обычно делаешь, когда сходишь по кому-то с ума и стараешься узнать о нем все, что только можно.

Пока не закончилось мое время, я погуглил почтовый адрес Роберта "Железного Человека" Дауни Младшего, чтобы можно было ему отправить письмо Ною. Лучшее, что мне удалось найти — адрес студии «Парамаунт».

Уже дома я нервно взял телефон и набрал Джексона Ледбеттера. Наградой мне послужила его голосовая почта.

Никогда не видел смысла в телефонах. Они заставляют меня нервничать, так было всегда.

— Привет. Хотел пригласить тебя на свидание. Если ты не работаешь в субботу, давай встретимся у мебельного рынка. Ноу сказал, что видел, как мы целовались. Перезвони мне. Пока. Да, кстати, это Вилли. Теперь, пока.

«Жалкий», — подумал я, вешая трубку и откладывая телефон на кухонный стол. «Разве можно быть еще более жалким», — как говорил Чендлер из сериала *«Друзья»*.

Положив мытую морковь в миску, я передал ее Ною и лег на пол с подушкой и книгой *«Мировая война Z»*. Я лежал напротив телевизора, поэтому не прошло много времени, как Ноу, продолжая жевать морковку, положил голову на мою ногу, не отрываясь, глядя на Роберта Дауни Младшего, который проучал плохих парней, пока я читал историю про войну с зомби и думал про себя, что это и есть настоящий роман ужасов.

А мне могла бы когда-нибудь прийти в голову настолько хорошая сюжетная задумка?

Но лучшая сюжетная задумка сейчас использует мою ногу в качестве подушки, разве нет?

Я посмотрел вниз на Ноя.

Неужели написать о нем, такое уж большое преступление?

У меня в голове появилась тысяча и одна идея, лежащих на поверхности, которые я мог бы изложить, не прилагая к этому никаких дополнительных усилий и редакторского пота. У меня была бы книга объемом восемьсот страниц в кратчайшие сроки. Я бы дал ей какое-нибудь таинственное название, типа *«Что услышал глухой*

"мальчик". Я бы рассказал о том, какой это тяжелый труд, гомосексуалисту воспитывать глухого сына с метамфетаминовой зависимостью, да еще и на Юге.

Только была одна маленькая проблемка. Чтобы рассказать историю как надо, я должен буду признаться в содеянном. В тупости гея, позволившему себе уговорить на необходимость перепихнуться с девушкой, чтобы доказать, что он настоящий мужик. В тупости закинуться метамфетамином. В тупости обрюхатить девчонку ребенком, у которого заведомо будут врожденные дефекты, потому что оба родителя передавали косяк крэка туда и обратно друг другу в процессе этого "доказательства".

После такого в этой сказке я точно не буду положительным героем. Я с легкостью представил, как эту книгу читает моя мама и злится за семейный позор, за то, что я публично трясу перед всеми грязным бельем на шоу Джерри Спрингера*, как деревенское быдло с мусорным прицепом.

* Шоу Джерри Спрингера — американская телевизионная передача в формате таблоидного ток-шоу производства телекомпании NBC.

И что, если когда-нибудь, когда Ной достаточно научится читать, он своими собственными глазами прочтет о том, что сделал его отец, что сделала его мать? Что он почувствует, от осознания того, что мог быть нормальным мальчиком, частью "нормального" мира слышащих, если бы его родители не курили кристаллический мет?

Я посмотрел вниз на него, на копну светлых волос, рассыпавшихся по моей ноге, на то, как он пристально глядел на экран телевизора, словно боялся пропустить хоть один незначительный момент.

Будет ли он меня любить, если узнает правду?

Как долго я смогу скрывать ее от него?

Глава 19

Для меня она умерла

На следующий день, после работы, я заехал в Нью-Олбани. Не для того, чтобы увидеть маму, а для того, чтобы увидеть двух людей, которые в другой жизни могли бы стать моими тещей и тестем, мистера и миссис Уоррен. Они жили в центре города, в солидном кирпичном доме с витыми колонами. Тщательно ухоженные клумбы были обильно усыпаны цветами. Переднее крыльце украшала небольшая армия рододендроновых кустарников в развешанных с равным интервалом друг от друга горшках.

Я робко постучал в дверь.

Дверь открыл мистер Уоррен, ни удивления, ни радости видеть меня он не выказал.

С его то наманикюренными ногтями и тонким запахом одеколона, можно с уверенностью сказать, что мистер Уоррен был не из тех людей, с которыми можно столкнуться в «Волмарте», но я с легкостью представил его, сидящим перед плоским экраном телевизора и смотрящим порно с бокалом Джима Бима* в одной руке и большим куском сыра «Вельвита» в другой, или он мог делать что-нибудь другое, что делали акулы большого бизнеса этого маленького городка, когда не были заняты отбиением у людей их сбережений, стрельбой в каком-нибудь местном клубе или нытьем о проклятых нехристиях-коммунистах в федеральном правительстве,

похлопывая друг друга по спинам и восторгаясь тем, как же хорошо было неграм работать в «МакДональдсе» на минималку в эпоху после Джима Кроу**. Сейчас у нас не так много барахлишка на продажу, но разве это мешает говорить правду?

* Джим Бим — наиболее продаваемый по всему миру бренд бурбона.

** Законы Джима Кроу — широко распространённое неофициальное название законов о расовой сегрегации в некоторых штатах США в период 1890 — 1964 годов.

— Как поживаете, сэр? — спросил я вежливо.

— Примерно так же хорошо, как и волосатая лягушка, — ответил он.

— Но у лягушек не бывает волос, — подсказал я.

— Именно, — ответил он.

На эту фразу мне сказать было нечего.

— Могу я войти? — спросил я.

— Что ты хочешь, Вилли?

— Просто поговорить, — сказал я.

Он принимал решение молча, не собираясь сдвигать с пути свою солидную тушу.

— Не припоминаю, чтобы у нас было много тем для разговора, — наконец произнес он.

— Я пытаюсь найти Кайлу, — признался я. — Сын хотел бы ее видеть и проводить больше времени вместе.

— Ты зашел не по тому адресу, сынок.

— Вы знаете, где она?

— Нет, — сказал он. — По правде говоря, теперь и знать не хочу. Для меня она умерла.

— У вас, должно быть, много детей, раз вы можете себе позволить так легко отказаться от них, — предположил я.

— Она мой единственный ребенок, — сказал он жестким тоном. — И ты, конечно же, знаешь об этом. В том, что она связалась с наркотой, я обвиняю тебя.

— Думаю, не только я приложил к этому руку.

— Вы оба занимались этим, — сказал он.

— Я пробовал только четыре или пять раз, — отозвался я, чувствуя себя Адамом, обвиняющим Еву. — Едва ли меня можно считать зависимым. И я приложил все свои силы, чтобы заставить Кайлу бросить, как только мы узнали о ее беременности.

— Это ты так говоришь.

— Я пришел сюда не для того, чтобы спорить о прошлом. Ной любит свою мать. Не спрашивайте почему, но это так, и он хочет ее увидеть. Мы не просим об алиментах и визитах на выходные. И мы совершенно точно не просим и не ждем ничего от вас. Если она будет время от времени уделять ему день, вытащит свою башку из задницы и проведет с ребенком время...

— Удачи, — сказал он. — У тебя больше шансов получить аудиенцию с чертовой королевой Англии.

— Вы знаете, где она?

— Я уже сказал тебе, мальчик, что не знаю. Где бы она ни была, Кайла может оставаться там. Она достаточно ставила нас в неловкое положение, в семье не без урода. До свидания и скатертью дорога.

— Вот почему вам надо быть таким придурком? — поинтересовался я.

Мистер Уоррен прищурился.

— Я бы пригласил тебя войти, — сказал он, — но я не хочу таких как ты у себя в доме. В Библии четко написано о том, что Господь думает о таких, как ты, Вилли. И

мне не нужно напоминать тебе о разрушении Содома и Гоморры за их преступления. Я виню тебя за Кайлу, за малыша — за этого несчастного глухого мальчика и за все, что ему пришлось выстрадать из-за тебя. Это твоих рук дело. Это Божий ответ *тебе*, Вилли Кантрелл, за твой противоестественный грех и неверие. Я не стану навлекать на этот дом Божий гнев за общение с тобой. Кайла поплатилась из-за тебя, как сейчас платит и будет продолжать платить твой ребенок. Мы с женой не хотим принимать в этом участие.

Он озвучил эту надменную речь и поджал губы, словно отказывался говорить дальше.

— Только проблемка в том, — отозвался я, — что Кайла подсела на мет еще до нашего с ней знакомства тем летом. Но не позволяйте фактам вмешиваться в хорошую сказку, мистер Уоррен.

— Я попрошу тебя больше не приходить сюда. Тебе здесь не рады.

— Мне не нравится быть тем, кто вам скажет об этом, но зависать с человеком, который выглядит так, будто переехал бисквитов Твинки, — не мое представление о хорошем времяпрепровождении.

— У тебя всегда был язык без костей, — буркнул он.

— И я умею им пользоваться. К несчастью для меня, у меня есть сын, который случайно приходится вам внуком, и мальчик хочет видеть свою мать. Если она заглянет как-нибудь, попросите ее позвонить.

— Если она заглянет, Вилли, последнее, что я сделаю — попрошу позвонить тебе. Я думаю, тебя в ее жизни было достаточно. Я думаю, тебя было достаточно всем нам.

Он закрыл дверь, и я услышал щелчок, когда он запирал ее на замок.

Жизнь идет своим чередом, как говорят местные.

Я показал двери средний палец — абсолютно бессмысленный, но приносящий облегчение жест — с этим и ушел.

Глава 20

Таинственная жизнь кудзу

Я ехал в направлении маминого дома, не зная, собираюсь останавливаться у нее или нет.

Если начистоту, мне просто хотелось побывать одному, без Ноя, оттягивающегося мне титьки, наедине с собой и своими мыслями о переменах, провести время только для себя.

До рождения Ноя я читал всевозможные книги о том, как стать родителем, но ничто не могло подготовить меня к правде. Я бы хотел сказать, что это было красиво, вдохновляюще, жизнеутверждающее и просто шикарно, и, частично, так оно и было, но в большинстве своем это походило на ад. Полнейший, настоящий, непрерывный, мучительный ад. Ничто не могло меня подготовить к тому, как моя жизнь будет захвачена потребностями этого новоявленного существа, этого кричащего метамфетаминового малыша, требующего постоянного внимания к себе.

День и ночь, ночь и день: плач, нытье, борьба с последствиями зависимости, подгузники, моча, какашки, кормление, рвота, проблемы со здоровьем, визиты к доктору, беспокойство, уколы, зубная боль, няньки, бессонные ночи — даже не знаю, как я выжил. Я продолжал думать, что станет лучше, но лучше не стало. Все только усложнялось и требовало больше личной вовлеченности. Когда сыну исполнилось два, я начал догадываться, что он ничего не слышит. У меня уже были подобные

подозрения, но до этого времени мы не могли провести никаких тестов, у доктора просто не было возможности его проверить. К двум годам, я понял, что Ной глухой.

Если до этого момента я считал свою жизнь трудной, то, как же сильно я ошибался.

Как и многие дети, страдающие от метамфетаминовой зависимости, Ной был неуверенным, пугливым, беспокойным, с концентрацией внимания, как у помидора. Последовали трудности в обучении, привязчивость, боязнь оставаться в одиночестве, склонность к нахождению в темноте, депрессии, а иногда и дикие, неконтролируемые вспышки разрушительной ярости. Вкупе с глухотой, такой коктейль было трудно проглотить. Только сейчас, имея десять лет жизни за плечами, он начинает успокаиваться, хотя и до сих пор боится нашей с ним разлуки, поэтому несколько раз за день проверяет мое местоположение. Я могу сидеть в туалете, а он заходит, желая узнать, где я нахожусь, чтобы успокоиться. По крайней мере, он повзрослел настолько, что может проспать всю ночь не просыпаясь и не забираясь ко мне в кровать, хотя время от времени он так еще делал.

Ко всему прочему, сын с энергичностью, достойной трансвестита, старался заводить друзей, не позволяя, чтобы его игнорировали, веселиться и быть живым: делать все то же, что его друзья и даже больше. Ной обладал мужеством. Не уверен, что он получил его от меня.

Пока я ехал к маминому дому, по обе стороны дороги стояли деревья, оплетенные кудзу. Лиана взбиралась на стволы, охватывала ветви и душила деревья, покрывала лес зеленым пологом смерти. Кудзу — красивый паразит. Он быстро растет и глубоко уходит корнями в землю. Сметает все на своем пути: громадные деревья, дома и амбары.

Я пытался не сравнивать Ноя с кудзу.

И все же...

Сахарным кленам тоже было, чем похвастаться: всполохи зеленого и коричневого, сочились на солнце, чтобы зимой стать кленовым сиропом на триллионах блинчиков.

Я решил не навещать маму, ведь мы все равно неизбежно разругаемся, но когда я увидел знак "Продается" на переднем дворе, то ударил по тормозам.

О моем присутствии объявил Бамблби.

— Ты что, серьезно продаешь дом? — спросил я с неверием, когда мама вышла на крыльцо.

— Я считаю, что имею право делать то, что захочу, — ответила она, защищаясь.

— Если бы вы с Ноем жили здесь и помогали мне его содержать...

— Ты не заставишь меня переехать из-за чувства вины.

— Тогда в чем проблема?

— Ты не можешь продать дом!

— Это не значит, что я этого хочу, просто я не могу содержать его одна. Если ты не заметил, некоторые из нас стареют. Тебя не убьет время от времени приезжать и помогать стричь газон? Ты хоть представляешь, как трудно непрерывно ухаживать за дедом?

Я присел на кресло-качалку, жалея, что у меня не было с собой сигарет.

— Зачем ты приехал сюда, если не собирался заходить ко мне? — спросила она.

— Заходил к родителям Кайлы.

— На черта тебе это?

Я ничего не сказал.

— Они не станут *тебе* помогать, — ответила она.

— Я не хочу, чтобы они помогали мне, мама. Я хотел найти Кайлу. Сын хотел бы видеть ее время от времени.

— Зачем это тебе, Вилли?

— Она его мать!

Покачав головой, мама села в другое кресло-качалку и со вздохом посмотрела на меня, пожав плечами.

— Что? — спросил я.

— Ты просто дурак, Вилли. Вот и всё. Не думаю, что видела в жизни большего дурака, а это о чем-то да говорит.

— Спасибо, мама. Я хочу, чтобы у сына наладились отношения с женщиной, подарившей ему жизнь, а ты считаешь меня дураком.

— Почему ты печешься об этой женщине? Она бросила Ноя. Конец истории.

— Ты никогда не была сторонницей прощения.

— Речь не о прощении, Вилли. Почему ты тянешься к неправильным людям? Почему бы тебе не быть как Билли: найти приличную работу и сделать из себя человека?

— Все мы знаем, что меньше всего я хочу — это найти приличную работу.

— Должно быть, ты вообще не хочешь нормально работать, раз не готов обрезать волосы и перестать выглядеть, как девчонка.

— Ага, *вот* что не дает мне развиваться. Волосы. Полагаю, перестать быть геем я тоже могу.

— Ты же знаешь, надежные компании не станут нанимать таких людей.

— Людей, *вроде меня*, — исправил я ее.

— Не знаю, зачем до сих пор разговариваю с тобой. Ты не слушаешь. Я говорила тебе держаться подальше от Кайлы, но ты не послушал. Я сказала тебе пользоваться контрацепцией, но ты-то знаешь лучше. Когда родился ребенок, я сказала тебе, что вам потребуется помочь, но нет, ты не послушал меня. Ты должен был как-то договориться с родителями Кайлы.

— И отдать им опеку над Ноем?

— Да, Вилли, а почему нет?

— Он мой сын!

— Но ты ему не подходишь, — решительно сказала она.

— Кажется, десять лет я как-топравлялся, — подчеркнул я.

— Есть разница между выживанием и жизнью, — ответила она.

— Как ты можешь быть такой бессердечной? — спросил я.

Она всплеснула руками в отвращении. Я с трудом подавил желание встать и влепить ей пощечину.

— Ты злишься, — выразила она свое наблюдение. — Я не поддерживаю, а ругаю. И всегда остаюсь виноватой. С тобой всегда одно и то же, Вилли.

— Совсем нет, — возразил я. — Может, ты и права, мама. Может, я никудышный отец. Может, Ною было бы лучше ходить в баптистскую церковь и ненавидеть всех грешников мира с мистером и миссис Уоррен. Может, я не в состоянии дать ему будущее, которое он заслуживает. Может, мне следовало отвернуться от него, отдать тебе и позволить воспитывать. Или разрешить Билли и Шелли заботиться о нем, пока я навещаю его время от времени. Может, у вас-то все получилось бы лучше. Может, я всего лишь на всего член на двух ногах, который сдохнет на помойке с телеграфным столбом в заднице.

— Ты всегда думаешь только о себе, да, Вилли? Тебе не обязательно было делать ребенка той девке. Не обязательно было рожать и оставлять этого малыша. У тебя были варианты. Ты бы мог жениться на хорошей девушке. Хоть раз в жизни, почему

ты не подумал о ком-то, кроме себя? Но нет же, тебе нужно идти своим собственным путем и делать то, что хочешь только ты, не взирая на тех, кого это может задеть.

— Я пытался поступить правильно, Мама, — сказал я.

— Уверена, ты так и *думал*, — ответила она.

Я встал и посмотрел на нее.

— Увидимся, мама, — попрощался я.

— Вилли, подожди!

— Я не собираюсь повторять этот спор.

— Но я просто пытаюсь открыть тебе глаза.

Я сел в машину и уехал.

Глава 21

В поисках Кайлы

Оставалось только одно место, где, по моим соображениям, могла быть Кайла, и в это место мне точно не хотелось ехать. По дороге в Тупело я свернул в южном направлении на шоссе 45 в округ Монро.

У меня появилась соблазнительная идея попросить поехать со мной Джексона Ледбеттера или даже Тоню, мать Кики, и мою лучшую подругу, но я передумал. Я не хотел, чтобы эти двое стали свидетелями этой части моего прошлого. Да и поездка не была лишена риска, по крайней мере, не для геев и чернокожей женщины.

Я проезжал множество полей, засаженных хлопком и соей, по дороге, которую хорошо помнил еще по моим многочисленным визитам к Кайле во время ее беременности, когда я приезжал, чтобы отвезти ее к доктору. По "КУДЗУ" передавали Элвиса "В гетто".

На безлюдном участке пути между Нетлтоном и Амори, узкая грунтовая дорога уходила в лес, и я пустил машину по этой дороге, ощущая беспокойство и неуверенность по поводу целесообразности этой поездки.

На расстоянии полукилометра по этой дороге должен был стоять трейлер, где жили Кайла со своим бойфрендом. Я никогда особо не интересовался тем, кто конкретно владеет этим трейлером, мне было только известно, что он использовался как метлаборатория и, возможно, в этом качестве существовал и до сих пор.

Трейлер по-прежнему стоял на своем месте, посреди моря разобранных машин и всего остального. На окраине горел костер, возле которого зависали два парня.

Когда я подъехал, к моей машине поспешили лающие собаки, а парни у костра поднялись на ноги, смотря в мою сторону с опаской, словно ожидая... эм, да кто вообще знает, чего они ждали?

Синяя тачка, на которой Кайлу забрали из тюрьмы была припаркована за трейлером так, что с дороги ее не было видно. Люди, паркующиеся за домами, подальше от глаз полиции, как правило, имели веские причины для этого.

Я опустил окно со стороны водителя и ждал, пока эти двое подойдут. Они не спешили. Ребята выглядели как типичные деревенские головорезы, те, с которыми вы бы не стали связываться, ну, если только у вас нет желания менять проколотые шины.

— Я ищу Кайлу, — сказал я, когда они приблизились.

Один из чуваков был крупного телосложения. Судя по взгляду тот еще отморозок, думаю, он был бы просто счастлив всадить топор кому-нибудь в череп. Другой был тощий, как грабли, выглядел, как настоящий метамфетаминщик и у него было слишком много татуировок. Я бы сказал, они могли быть братьями. Оба бритоголовые. У жирного была борода. Второй — пытался ее отрастить.

— Тут нет никакой Кайлы, — сказал жирдяй.

— Она мать моего сына, — произнес я. — Ее недавно выпустили из Центральной тюрьмы. Я просто хотел передать сообщение, и ноги моей тут больше не будет.

— Кажись, меня не канают твои личные дела, — ответил жирный.

— Моему сыну девять, — сказал я, — он глухой. И он просто хочет увидеть маму.

— Он хочет или ты? — спросил жирдяй.

— Она здесь живет?

— Кажись, это не твое собачье дело, — ответил он.

Я взглянул на трейлер. Кухонные занавески были слегка раздвинуты. Неужели Кайла стояла там и смотрела? Ну, почему она такая бессердечная сука?

— Скажите ей, что заезжал Вилли, — произнес я. — Я работаю в "ФудВорлде" по утрам. Она может найти меня там. Ее сыну хотелось бы хоть иногда с ней общаться. Я не прошу у нее ни алиментов, ни чего бы то ни было еще. Будет здорово, если она придет навестить своего ребенка.

— Мы не знаем никакой Кайлы, — заговорил впервые тощий. Он почесывал лицо, пока говорил: — Ты заодно с копами?

— Он не заодно с полицией, ты, долбанутый идиот, — сказал жирный.

— А нам то откуда знать? — спросил он.

— Заткнись.

— Может, он хочет что-то купить.

— Я сказал заткнуться, тупой ты мудак. Разве нет? У тебя в ушах что-то застряло? Я запихаю тебе свой член в ухо, если ты, блять, не завалишь хлебало, тупой ты мудак. Куча деръма. Самый тупой ублюдок из всех, кого я знал...

Тощий нервно потер свои голые руки.

— Передайте ей сообщение, пожалуйста, — сказал я.

— Окей, — ответил жирненький, повернувшись ко мне с улыбкой, — передадим.

А теперь почему бы тебе не свалить нахрен с нашей территории?

Я включил заднюю передачу и как можно быстрее уехал.

Глава 22

Споешь?

На обратном пути в Тупело у меня зазвонил телефон. Посмотрев на экран, я увидел, что это Жасмин, активистка, выступающая за права геев, которую я встретил на нашем собрании унитарных универсалистов (УУ)*.

**Унитарианство (Унитарианская церковь) — движение в протестантизме, основанное на неприятии догмата о Троице, учения о грехопадении и таинстве. Имеет антитеистический характер, что делает возможным его сочетание с пантеизмом и деизмом.*

— Вилли, ты мне нужен! — воскликнула она энергично с придыханием.

— Ты же знаешь, я не танцую, — сказал я.

— Мне нужно, чтобы ты спел, — ответила она.

— Снова?

— Первого сентября мы выступаем против Ассоциации Американской Семьи. Ты сможешь присоединиться? Принести гитару? Мы хотим, чтобы ты спел "Хорошо быть геем", всем нравится эта песня.

— Мне это льстит, но ты же знаешь, что я не люблю петь на публике.

— Ну, пожалуйста, дорогой.

— Жасмин...

— Пожалуйста-пожалуйста, мой милый сладкий мальчик, ты же настоящий друг, правда?

— Когда ты говоришь так...

— Я знаю, что ты скажешь "да". С тобой все просто.

— Очевидно, ты еще не пыталась залезть мне в штаны.

— И никогда не стану, дорогой. Как ты?

— Хорошо, — сказал я.

— А как Ной?

— Замечательно. У него скоро день рождения.

— Серьезно?

— Мы будем отмечать четвертого июля. У него день рождения пятого, но четвертого у Мамы дома всегда праздник. Ты должна придти.

— Приду. Я же пришла в прошлом году, помнишь?

— Конечно, — сказал я.

— Тебе снова нужно описать мне маршрут. Хотя, нет. Думаю, он сохранился у меня на электронной почте. Я проверю. Так, значит, ты споешь для нас?

— Ты же знаешь, как я это ненавижу, — произнес я.

— Но ты хороший, Вилли. Честное христианское! Не думаю, что будет больше двадцати-тридцати человек, как в тот раз. Было весело. Помнишь?

— Помню, — согласился я.

— Окей, любовничек. Буду держать тебя в курсе. Не смей подставлять меня!

— Постараюсь.

— Не надо мне твоих этих "постараюсь-пошмаряюсь". Если мне придется заехать к тебе домой и вытащить твою задницу и гитару на встречу, я так и поступлю. И ты это знаешь.

— О да, я знал.

— А у тебя как дела? — спросил я. — Давненько мы не разговаривали.

— И кто в этом виноват? Мы скучаем по тебе в УУ. Почему вы с Ноем перестали заходить?

— Мы ходим на мессу.

— Не начинай при мне этого. "Ходим на мессу". Пожалуйста! Это же все равно, что спать с врагом.

— У меня не настолько серьезное отношение к этому, — сказал я в свою защиту.

— Мы католики. Мы ходим на мессу. Вот и все.

— Когда-нибудь ты вернешься на светлую сторону, — произнесла она с надеждой.

"Прекрасно", — подумал я, вешая трубку. Еще один способ позлить маму и Билли: спеть на митинге и взять с собой Ноя. В прошлый раз они меня чуть не распяли.

Глава 23

Хуан пришел в гости

Как только мы сели ужинать тем вечером, раздался звонок в дверь. Наш дверной звонок оборудован мигающей лампочкой, чтобы Ной мог видеть, когда кто-то стоит за порогом.

Он подпрыгнул.

Кто-то пришел, — просигнализировал он.

Иди и посмотри кто это.

Он пошел к двери и открыл ее. Я ничего не услышал, но увидел, как он жестикулировал. Я встал, подошел к двери и обнаружил там Хуана с довольно робким видом.

Заходи, — показал жестом я.

Он зашел внутрь, смотря на нас, как мне показалось, с опаской.

Ты в порядке? — спросил я.

Мне просто хотелось тебя увидеть. Надеюсь, я тебя не отвлекаю.

Совсем нет. Есть хочешь?

Немного.

Это мой сын Н—о—й.

Мы уже встречались, — сказал он, с улыбкой глядя на Ноя.

Хуан так уминал жареного цыпленка и овощи, что казалось, будто он не ел несколько дней.

Ной посмотрел на меня с лукавой улыбкой.

Еши! — приказал я строго.

Он ухмыльнулся.

Когда Хуан утолил острый голод, я спросил его, где он живет.

Я живу с мамой, — сказал он неопределенно.

И откуда ты родом?

Мама привезла меня сюда, когда мне было пять. А родился я в М—е—х—и—к—о.

Ты здесь не законно?

Он пожал плечами.

Испанец владел языком глухонемых не в совершенстве. Понять его было можно, но на этом и все, выглядело так, словно ему почти не с кем практиковаться.

Где ты научился языку жестов? — спросил я.

Я учился сам по книгам. У меня была глухая подруга из Америки. Кое-чему меня научила она. Но я так и не выучился, как следует.

Нормально, — успокоил я его.

Нет, не нормально.

Мы тебя хорошо понимаем.

Вы делаете это из вежливости.

Ты работаешь?

Этим летом я не смог устроиться.

Когда Хуан увидел в моих глазах вопрос, то добавил:

Все уехали в Алабаму, кроме меня и мамы. Она осталась со мной. Отец не хотел, чтобы я ехал.

Не хотел, чтобы ты ехал в Алабаму? — спросил я, уточняя.

Сюда. В Америку. Я глухой. Он сказал, что у меня не получится найти работу. А мама сказала, что не поедет без меня.

Я чувствовал горечь в том, как он доносил жестами до меня эту информацию.

А что там, в Алабаме? — спросил я.

Сбор... еды.

Он пожал плечами, показывая, что не знал нужного ему слова, обозначающего "капусту" или "хлопок", или что-нибудь такое. Кроме того, были рабочие места по заботе о птицы, и Бог знает что еще.

Можно мне зайти в туалет? — спросил он внезапно.

Я покажу, где он находится, — прожестикулировал Ной, поднимаясь на ноги.

Вернувшись, Ной просигнализировал: *Он странный.*

*Он хотел есть, — противопоставил я.
Он тебе нравится?
Я его не знаю. Мы встретились в магазине.
Сын задумался.*

Мне нравился Хуан на чисто физическом уровне. В нем была освежающая сладость, некая ранимая честность. Бедность сточила острые углы.

Он взял вторую, а затем и третью порцию цыпленка и пюре, каждый раз виновато и застенчиво улыбаясь при этом. Они с Ноем долго говорили — обо всем на свете, он вел себя открыто и легко, так, как если бы Ной был его младшим братом. Ной часто исправлял его жестикуляцию, но Хуан, казалось, не возражал.

После ужина Ной показал ему, как играть в Xbox, в который, к огромному удивлению Ноя, Хуан никогда не играл.

Когда сын отправился спать, Хуан сел на мой диван и посмотрел на меня глазами, полными молчаливой мольбы, возможно, надеясь провести здесь ночь, а, возможно, надеясь на что-то большее.

Утром мне на работу, — сказал я.

Можно мне остаться на ночь?

Я виновато улыбнулся. Несмотря на то, что притяжение между нами было очевидным, он не отметил его, даже ни разу не намекнул.

Я гей, — показал я ему.

Знаю.

И на этом он замолк.

Можешь спать на диване, если хочешь. Я принесу покрывало и подушку.

Я хочу спать с тобой.

Я не знаю...

Пожалуйста?

Он посмотрел на меня взволнованными, голодными глазами. Ему было нужно, чтобы кто-то подарил ему хоть немного любви, и он решил, что этим "кем-то" буду я.

Я не знаю тебя, — сказал я.

Пожалуйста?

Ты хочешь секса?

Он кивнул.

Прости, — извинился я.

Он сник.

Я попытался объяснить ему знаками так, чтобы он понял: *Я хочу узнать тебя, прежде чем мы займемся сексом.*

Теперь ты меня знаешь.

Я не хочу заниматься ничего не значащим сексом, — сказал я.

Он не понял слово "ничего не значащий", а я не мог придумать, как ему его объяснить.

Я хочу, чтобы ты стал моим другом, — произнес от просто, — научил меня.

Научил чему?

Как.

Я приподнял брови, выражая непонимание.

Я никогда этим не занимался.

Никогда?

Он покачал головой.

Не думаю, что это хорошая идея.

Я одинок. Пожалуйста. Мне хочется узнать, что это такое.

Я мысленно обсуждал мудрость решения связываться с таким нуждающимся молодым человеком. И вспомнил свой первый раз, когда я был еще зелен и глуп, пытался найти слова, чтобы объяснить, чего же я хотел. А хотел я посвящения в мир геев, не обязательно отношений, хотя тогда я думал, что влюблен во взрослого мужчину, с которым встречался. И я не хотел просто секса, хотя тот у меня и был. Я хотел кого-то, кто мог взять меня за руку, провести через это, избегая чувство неловкости. Я хотел наставника. Я хотел... друга.

Ты уверен? — спросил я.

Он с охотой закивал.

Посидев тут, поговорив об этом, подумав, взвесив все "за" и "против", посмотрев в прекрасные карие глаза Хуана, настолько полные жизни и чистых эмоций, подумав о загорелой коже под его футболкой, я вдруг очень возбудился.

Проводив его в свою спальню, я закрыл за нами дверь.

Глава 24

Можешь поиграть у меня в саду

Вечером в пятницу, пока Ной играл в Xbox, я взял гитару и сел на стул в кухне. Я больше не играл. Не пел. Во всяком случае, не так, как раньше. Мои пальцы вспомнили знакомые аккорды, которые я стал наигрывать и тихонько напевать себе под нос. Гитара была серьезно расстроена. Благодаря давней привычке я настроил ее на слух. Мне нужно было практиковаться, готовиться к акции протеста.

Одна из песен, написанных мной в юные годы, называлась "Милашка", и я до сих пор отчетливо слышал ее у себя в сознании. Она была одной из самых популярных песен во времена, когда я играл в "Южных ноках".

Можешь поиграть у меня в саду

Мне все равно, что скажут люди

Потому что у меня разбито сердце

А ты украл мое дыхание...

Ко мне подошел Ной и приложил ухо к моей спине, слушая вибрации голоса.

Я пел ему.

Ты хороший любовник, самый лучший для меня

И я не хочу никого другого...

Ты же знаешь, что ты милашка, и знаешь, как сделать мне приятно....

Жаль, что сын не слышал меня.

Мне было не важно, слышали меня мама или Билли, да кто угодно; важно было то, что в целом мире был глухим тот, кто был не способен услышать ни единой пропетой мной ноты, ни единого сказанного мной слова. А я так хотел, чтобы он услышал. Хоть одно слово. Хоть одну песню. Хоть одну фразу "я люблю тебя" или "я думаю, ты замечательный малыш" или "я так счастлив и горд быть твоим отцом".

Пустота.

Ноль.

Он мог только догадываться, как звучит мое имя, как звучит мой голос, как звучит его собственный голос. Он был заперт внутри, в своем Мире Глухих, в который мне никогда не войти и не стать его частью. Он никогда не услышит, как я скажу ему, что считаю его умным, талантливым, смешным, красивым, милым, моим драгоценным мальчиком. Он никогда не услышит, что я скажу ему, как сильно его люблю и буду любить, несмотря ни на что.

Я замолк, приложив ладонь ко рту.
Что не так, папочка?
Покачав головой, я попытался улыбнуться.
Он прикусил губу.
Я спел еще один куплет.
*Можешь воспользоваться моей кухней
Можешь взять все, что у меня есть
Приготовь мне что-нибудь вкусное
И останавливаться не смей...*

Глава 25

Кровать на троих?

Пока субботним утром мы ждали Джексона, который должен был заехать за нами на своем Джипе, я смотрелся в зеркало у себя в комнате, а Ной наблюдал за мной, закатив глаза.

Я хорошо выгляжу? — спросил я.

Нормально.

Может, лучше надеть брюки?

Ты же не носишь брюки.

Я хочу хорошо выглядеть.

Ты хорошо выглядишь в шортах.

На мне были шорты и майка с Элвисом. Но я бы не сказал, что выглядел сногсшибательно. Я снял шорты и надел джинсы.

Лучше?

Он раздраженно закатил глаза.

Я просто хочу хорошо выглядеть!

Ты уже хорошо выглядишь. Что с тобой не так?

Чувствую себя тупым и страшным.

Ты не тупой. И не страшный.

Я посмотрел на себя в зеркало, качая головой. В джинсах я выглядел еще более незаметным и легкомысленным, особенно в той паре, у которой на коленях протертые дыры. Я снял их и продолжил рыскать в шкафу, желая, чтобы у меня были деньги, и я мог время от времени тратить их на покупку новой одежды, как нормальный человек.

Моя одежда не шла ни в какое сравнение с той, элегантной, что носил Джексон Ледбеттер.

Раздался звонок в дверь.

Я поспешил надеть шорты, с которых и начал примерку.

Это Джей. Скажи ему, что я буду через минуту.

Пап?

Что?

Ты хорошо выглядишь.

Он взял меня за руку и потянул.

Я позволил ему отвести меня в гостиную.

Веди себя хорошо! — прожестикулировал я Ною и пошел открыть дверь.

Он улыбнулся, показывая свои неровные зубы.

Я потряс сжатым кулаком у него перед лицом.

Он толкнулся на него подбородком, как будто говоря "ну, давай же, дохляк".

Ной распахнул настежь дверь и пригласил Джексона войти.

— Привет, — сказал я, в животе заурчало от нервов.

Боже, как он выглядел. Волосы подстрижены идеально, зачесаны идеально и выглядели идеально. На нем были хорошо сидящие брюки-милитари и неоново-розовая футболка-поло. Ровные, белоснежные зубы, подтянутые мышцы и плоский живот. Должно быть, у него в роду не знали проблем с прыщами, целлюлитом и растительностью на спине. А с момента, как он последний раз рыгнул или пернулся, вероятно, прошли годы.

Так что же его могло зацепить во мне?

— Все готовы? — спросил он, пытаясь подражать южному акценту.

— Ну, погнали, — сказал я, пытаясь говорить уверенным тоном. Взял камеру и кошелек, по дороге к мебельному рынку на Коли-роуд я показывал Джексону куда ехать.

Мы рассматривали кухонные столы, кровати, диваны, кресла и комоды. В отличие от местных геев, Джексон не пытался слиться с обстановкой. Он был слишком хорошо одет, ухожен, выбрит и не почесывал то и дело задницу, чтобы напомнить миру, что он мужик по велению Господа, и только посмейте об этом забыть.

Мы хорошенъко повеселились, а наша компания из двух мужчин и глухого мальчика, со смехом проверяющих кровати на предмет "подходящих" стала причиной более, чем пары приподнятых бровей.

Следующим пунктом нашего расписания, после того, как он выбрал то, что хотел и договорился о доставке этим же вечером, был ланч.

— Я прислушаюсь к твоему мнению, — сказал Джексон, имея в виду выбор ресторана.

— Я слышал в "Атланта Брэд" довольно неплохо, — высказал я свое наилучшее предположение.

— В "Атланта Брэд"? — повторил он недоверчиво.

— Я редко ем вне дома, — признался я, чувствуя, что краснею от внезапного смущения. — Это немного нам не по карману.

— Но ты же все равно, куда-нибудь да выбираешься.

— Только не в "Ширли"^{*}, — отозвался я. — Иногда мы ходим в "Соник"^{**}.

* Ширли — фешенебельный ресторан авторской кухни.

** Соник — американский ресторан фаст-фуда.

— Это там, где можно заехать на парковку и взять еду с собой? С автокассой?

Я застенчиво улыбнулся.

Что не так с "Соником"?

— Я слышал хорошие отзывы о некоторых мексиканских ресторанах, — произнес я, пытаясь зайти с другой стороны, чувствуя все больше волнения. — Но там дорого.

— Насколько дорого?

— От десяти до двадцати долларов за порцию.

— Всего-то?

— Я работаю неполный рабочий день и зарабатываю по минималке. Сам посчитай.

— Как ты живешь на это? — спросил он. Но затем Джей увидел расползающееся на моем лице выражение смущения. — Извини, — сказал он. — Я не это хотел сказать... вообще-то, не знаю, что хотел сказать. Но я не хотел тебя смутить.

Пока Джексон Ледбеттер прикидывал последствия знакомства с кем-то, кто существует за порогом бедности, использует продовольственные талоны, никогда не носил короны и вряд ли когда-нибудь будет, наступила неловкая тишина.

— Я думал, ты продал кучу книг, — сказал он, наконец.

— Это было очень давно, — признался я. — Мои авторские гонорары сократились почти до нуля, а новых идей ко мне так и не пришло. Писатели зарабатывают не много. Уж точно меньше того, на что можно как-то прожить.

— Что ж, — сказал он, наконец, — если бы ты проголодался, то куда бы пошел в этом родном тебе городе? — он попытался надеть маску жизнерадостности на лицо.

— В торговом центре есть одно местечко, где делают хорошие горячие итальянские сэндвичи. Ною там нравится пицца. Не слишком дорого и оттуда можно понаблюдать за людьми.

— Звучит заманчиво, — отозвался он. — Я еще не был в том торговом центре.

Я указал направление, и мы добрались до туда уже через десять минут. Идя по торговому центру, держа Ноя за руки, я чувствовал, что мы такие же, как любая другая семья, гуляющая по моллу. Конечно, на нас пялились. С любопытством, неодобрением, отвращением. "Любовь, которая не смеет назвать своего имени, не смеет и разгуливать по торговому центру, с ребенком за руку, как пара потаскx с их плодом любви", — вот что говорили эти взгляды. "Будем признательны за отсутствие здесь содомитов, спасибо!"

В итальянском ресторанчике мы заказали горячие сэндвичи, тарелку фрикаделек и пиццу. Джексон настоял на оплате. Мы сели за столик и принялись за еду.

— А неплохо, — сказал Джей.

— Да это ты из вежливости так говоришь, — ответил я.

— Нет, серьезно. Вкусно. Жирновато, правда...

— В жире свой очаровательный смак, — произнес я.

— Сказал сердечный приступ закупоренным артериям.

— Ты на Юге, мальчик. Жир составляет одну из четырех основных пищевых групп.

— Да что ты говоришь!

— Не смеяся, — сказал я, — ожирение не приходит само по себе. Над ним приходится работать.

Ной так уплетал пиццу, что на его лице осталось немного соуса, который я вытер салфеткой.

— Ты выглядишь расстроенным сегодня, — произнес Джексон. — Что происходит?

Я взглянул на него и прикусил губу, не желая отвечать.

— Что? — надавил он.

— Мы с тобой из разных миров, — признался я. — Я уже это знал, но иногда похоть затмевает маленькие досадные факты.

— О чём ты?

— Когда ты последний раз смотрел на себя в зеркало? Разве можно быть еще красивее? Что вообще тебе может понадобиться от такого, как я?

— Ты считаешь себя не красивым?

— Может, и красив для дятла* из кучи белого мусора*.

*Дятел — термин появился в 19 веке и употреблялся чернокожими для обозначения бедных белых людей. Последние казались им громкими и беспокойными, как эта птица, а также эти люди часто имели волосы цвета перьев на голове дятла (т.е. рыжие)

* Белый мусор — грубый термин, нередко используемый в обиходной речи в США для обозначения деклассированных белых американцев, часто живущих на пособия по безработице, в ржавых трейлерах, отличающихся низким социальным статусом и уровнем образования.

— Что значит "дятел"?

— Слово на букву "н" для белых людей, — объяснил я.

Он громко рассмеялся.

— Видишь? — сказал он, выставляя обе руки, как прирожденный итальянец, — вот почему ты мне нравишься. Именно поэтому. Ты заставляешь меня смеяться. Не говоря уже о том, что в тебе есть что-то от Курта Кобейна.

— Мне казалось, ты сказал, что я выгляжу, как тот дятел из "Ходячих Мертвецов", — отозвался я.

— И как он тоже, — сказал Джей. — В таком потрепанном, походном виде. Я представляю тебя с арбалетом.

— Спасибо, — отозвался я.

— Только в самом хорошем смысле.

— Следующее, о чем ты меня попросишь, это носить камуфляж.

— С чего бы?

— Очевидно, ты ни разу не смотрел "Утиную Династию"*.

* "Утная Династия" — американский документальный фильм о живой природе.

Джекс улыбнулся.

Я смерил его долгим взглядом.

— Что? — сказал он.

— Я просто себя обманываю, — сказал я. — У меня ребенок. Я не могу ходить с тобой на свидания. Не могу сводить тебя куда-нибудь. Не могу быть тем человеком, который тебе нужен.

— Приятно знать, что ты в курсе, как сделать меня счастливым, — отозвался он.

— Может, и меня проконсультируешь?

Я промолчал.

— Чувак, что с тобой? — спросил он. — Я чувствую, что ты меня динамишь.

— Просто пытаюсь быть честным. Я не умею строить отношения. Дело не в тебе, не волнуйся. Я хороший в сексе, но это, в общем-то, и все.

— Почему ты так говоришь?

— Такое обо мне ходит мнение. Хорош только для быстрого перепихона в рот и в зад.

— Мне в это тяжело поверить.

— А ты поверь, — сказал я. — Последний раз, когда я трахался в туалете магазина "Сирс", парень заплатил мне двадцать баксов.

— Зачем?

— Подумал, что я шлюха. Сам то, как думаешь?

— Ты вернул их ему?

— Конечно, нет. Мне нужны деньги. На двадцатку можно неплохо затариться лапшой Рамэн*.

* Рамэн — японское блюдо с пшеничной лапшой. Фактически представляет собой недорогой фастфуд, обладающий большой энергетической ценностью и хорошим вкусом. Считается блюдом китайской, корейской и японской кухни.

Он снова рассмеялся.

— У меня врожденная патология, — произнес я.

— А это тут причем?

— Иногда я думаю, что это правда.

— Какого хрена это значит?!

— Все, что я когда-либо делал можно смыть в унитаз. Все мои отношения рано или поздно скатываются в дермо. Не думаю, что какие-то из моих отношений продержались дольше, чем рожок мороженого. Все, к чему я прикасаюсь превращается в полнейшее дермо.

— А твой сын?

Я взглянул на Ноя.

— Почему бы нам не оставить его в стороне от этого? — предложил я.

— Мне вот кажется, что он самое важное, что ты сделал в жизни, и ты проделал чертову кучу работы.

— Ты единственный, кто так считает.

Джексон откинулся на спинку стула, не отрывая от меня внимательного взгляда.

— То есть ты считаешь себя плохим отцом?

— С приличными родителями, которые бы как следует любили его, покупали ему все необходимое и предоставляли требуемую помощь, его жизнь могла быть на порядок лучше.

— А ты этого не делаешь?

— Я делаю все, что в моих силах.

— И ты считаешь, этого не достаточно?

— Не знаю, что и думать.

— Я общался с Ноем всего ничего, но даже я вижу, что он любит тебя больше всего на свете. Ты должен быть к себе помягче. Он очень хороший парень.

— Это он уж точно унаследовал не от меня, — сказал я.

— Почему ты так жесток к себе?

— Я просто... размышляю вслух.

— И что же я не догоняю в этой ситуации?

— Каждый раз, стоит мне повернуться, кто-нибудь стоящий рядом, говорит мне насколько я плохой родитель.

— Как, например, кто?

— Для начала, моя мама. Потом брат. Его жена. Ее семья. Ее церковь. Моя церковь. Мой священник. Общество, в котором я живу. Знаешь ли, здесь не так-то много людей, способных сказать: "Давай гомосек, ты хороший отец!"

— Ты не чувствуешь ни от кого поддержки?

— Возможно, они не оказывают мне поддержки, потому что я не заслуживаю её.

— Это что еще за херня?!

— Тебе не понять.

— Звучит так, будто я отказываюсь понимать.

— Вот и давай, отказывайся.

— Я не это имел в виду. А ты у нас из обидчивых, да?

— Просто устал.

— Устал от чего?

Я осмотрелся по сторонам, глядя на лица в кафетерии, лица, полные подозрения, осуждения в глазах.

— Устал от чего? — надавил он. — Что такое, Вилли? Почему ты не можешь просто высказать это? Я тебе не нравлюсь? Хочешь, чтобы я ушел? Что с тобой?

— Ты здесь ни при чем, — произнес я.

— Причем, иначе мы бы с тобой тут об этом не разговаривали.

— Прости, — отозвался я, стараясь взять себя в руки. — Мне не следовало поднимать все это. Я не знаю, что несу. Видимо, действительно, есть причина, почему мне запрещают разговаривать со взрослыми.

— Ты все сказал? Могу я вставить хоть пару слов?

— Конечно.

Джексон смотрел на меня в течение долгого времени ничего не говоря.

— Ну...? — поторопил я.

Он засмеялся.

— Почему ты смеешься?

— Потому что ты милый.

— Милый?

— И горячий. Очень, очень горячий.

— Горячий?

— О да...

— Это... интересно.

— И сложный, — добавил он, — мне это нравится. Многие парни к этому моменту уже пробрались бы мне в штаны и занялись делом, а потом я бы больше их не увидел. А ты, кажется, ко мне в штаны совсем не собираешься.

— И что же я буду делать, если проберусь к тебе в штаны?

— Что-нибудь придумаешь.

Я кивнул, потому что... да, определенно, придумаю.

— Но я не хочу, чтобы ты пробрался только ко мне в штаны, — произнес он. — Я хочу, чтобы ты пробрался в мою жизнь.

Я нахмурился, не уверенный в том, что ответить на это.

Ной закончил есть и посмотрел на меня.

Мы можем зайти в м—а—г—а—з—и—н и—г—р"?

Мы можем посмотреть, но у нас нет денег, — прожестикулировал я, снова вытирая томатный соус с его подбородка.

Даже на одну игру?

Посмотрим.

Можно я поиграю в аркаду?*

*В мировой практике аркадами называются игры для аркадных игровых автоматов. Это не отдельный жанр игр, а скорее игровое направление. Компьютерная игра называется «аркадной» в том случае, если она напрямую портирована с автомата или же схожа по концепции с играми для автоматов. Например, к аркадным играм относятся все проекты жанров «файтинг» (fighting), часть игр жанра «гонки» (racing), часть игр жанра «шутер» (shooter). К ним никогда не относятся ролевые игры, симуляторы (кроме т. н. «танцевальных симуляторов»), стратегии.

Рядом с местом, где мы разместились, в углу стоял игровой автомат. Ной всегда проводил там немного времени после еды.

— Только совсем чуть-чуть, — сказал я, выуживая четыре четвертака и передавая их ему.

Он поспешил начать игру, предусмотрительно встав так, чтобы я мог его видеть.

— Ты можешь подумать, что я легкомысленен, — сказал Джексон. — Я не ищу с кем бы сходить в ресторан, хотя и не имею ничего против этого. Я вообще никого не искал до сих пор. Я не искал, но нашел тебя. И я хочу узнать тебя. Узнать о тебе все. Хочу стать частью твоей жизни. Ты заставляешь меня смеяться. Возбуждаться.

Заставляешь меня думать, что я мог бы провести всю свою жизнь с кем-то, как ты. Ты заставляешь меня думать о том, чтобы заключить брак, осесть где-нибудь и самому стать отцом, или, по крайней мере, отчимом. Я никогда не думал, каково быть папой, завести ребенка и дом. Но теперь я, кажется, этого хочу. Чего-то скучного и традиционного, типа завести семью и быть верным одному человеку всю свою жизнь. Дело не просто в сексе, хотя, должен признать, я хочу тебя во всех самых грязных смыслах и немного устал от того, что ты притворяешься недотрогой.

— Я не притворяюсь недотрогой, — сказал я. — Я просто честен.

— Как и я, — ответил он. — Я хочу тебя.

— И как ты представляешь себе этот замут с браком? — спросил я.

— Полагаю, если мы достаточное количество времени повстречаемся и поймем, что химия нас не обманула, мы можем захотеть перейти на следующий уровень и взять на себя новые обязательства.

— Какое страшное слово.

— А я так не думаю. Во всяком случае, с правильным человеком.

— И каким же должен быть правильный человек?

— Он должен быть сексуальным, — ответил Джексон напрямую. — И у него должны быть знойные глаза на пару со знойной чувственностью.

— А тебе нравится это словечко — знойный.

— Это хорошее слово. Нет ничего лучше знойности. И "знойный" — не то же самое, что и "горячий", что подразумевает поверхностного, красивого парня, у которого не так-то и много под капотом. Ты красивый, но у тебя под капотом целые залежи.

— Значит, ты хочешь заглянуть ко мне под капот?

— Конечно. Возможно, придется долить немного масла. Ну, сам знаешь, как бывает.

— Кажется, припоминаю.

— Думаю, важно уточнить, что я настолько же хорошо принимаю, как и дарю. Люблю смешивать, поддерживать интерес. Мне говорили, что "секс-игрушек много не бывает".

— Я думал, ты не сторонник таких разговоров при детях.

— Ты будишь во мне зверя.

— Надеюсь, — отозвался он.

— Так что это за чушь про плохого родителя? Если ты плохой отец, тогда где, черт возьми, его мать?

— Она наркоманка, — сказал я. — Я тоже баловался, пока не узнал, что она беременна и я скоро стану папой. Я пытался уговорить ее бросить, но она не слушала. После рождения Ноа, она смотала вещички и укатила со своим новым бойфрендом, который держал метлабораторию в округе Монро. Несколько раз их накрывали, поэтому, в конце концов, они перешли на "раз и готово".

— Это что еще такое? — спросил он.

— Один из способов делать кристаллический мет. Кладешь все в бутылку из-под содовой, встряхиваешь, чтобы смешать ингредиенты, и ставишь в темное прохладное место на полчаса. Называется "раз и готово". У местных популярно. Если будешь проездом за городом и увидишь вдоль дороги пустые бутылки, это, должно быть, то самое. Их выбрасывают после использования.

— И за это ее посадили?

— Она провела пять лет в Центральной тюрьме. Ее не было рядом с Ноем всю его жизнь, по той или иной причине. А совсем недавно ее освободили.

— И теперь она требует опеку? Это тебя беспокоит?

Я рассмеялся.

— Что смешного? — спросил он.

— Она не хочет иметь с ним ничего общего.

— Какой ужас.

— Мы ездили в Перл на ее освобождение. Я подумал, может, если она увидит его... может, она изменит свое мнение... может, она увидит, какой он замечательный, какой смешной... но она просто запрыгнула в тачку своего бойфренда и укатила, оставив нас стоять там.

— И ты еще называешь себя "плохим родителем"?

— Я не плохой родитель, — сказал я. — Я не знаю, что это значит. Когда родились мои племянники, там были все, поддерживали, помогали, говорили: "да, это потрясающе, пропустим по сигаре, давайте отпразднуем, мы сделали ребенка, передали наши гены, выполнили свой долг". Но никто не курил сигар, когда родился мой ребенок. Кроме мамы, даже никто не пришел в больницу. Прошло две недели, прежде, чем мой брат Билл с женой приехали посмотреть на Ноя в кувезе.

Я замолк, вспоминая тот их визит с определенной долей горечи.

Джексон без слов накрыл мою ладонь своей.

— Все, что касалось моих племянников было важным, — продолжил я. — Первый зуб. Первое слово. Крещение. Первый день в школе. Одежда. Рождество. Летние лагеря. Все было чертовски важным, все из штанов выпрыгивали, чтобы им помочь. Включая меня, кстати говоря. Я был в больнице, когда они родились. Каждый из них. Я купал их. Покупал подарки. Я обожал этих детей. Ну, знаешь, все эти "семейные ценности". Здесь "семья" много значит. Но из-за того, что я гей, мой ребенок как будто не считается настоящей "семьей". Он как будто и не мой настоящий сын. Люди сочувствуют ему. Моя семья покупает ему подарки и прочее, но всегда присутствует ощущение того, что они обязаны это делать, чтобы Ной не чувствовал себя обделенным. Все не так. Плюс ко всему, он глухой, а они не знают языка жестов, поэтому им трудно общаться. Если бы мой племянник или племянница были глухими, я бы без проблем выучил этот язык. Я бы поступил так из-за любви к ним, потому что хочу быть частью их жизни.

— И никто из них не стал учить язык жестов?

Я покачал головой.

— Они просто ему сочувствуют.

— Ты не несешь ответственности за то, что чувствуют другие.

— Не заливай мне этот психологический дерымовый бред, — огрызнулся я. — Я пытаюсь объяснить тебе, что такое, когда люди сочувствуют твоему ребенку, потому что его родитель — ты. Не нормальный, замечательный, гетеросексуальный супер-родитель, а педик. Аморальное безобразие. Хромой пидор с врожденной патологией и неуемным желанием долбиться в жопу. Они *сочувствуют* ему. Теперь, ты понимаешь о чём я?

Он ничего не сказал на это.

Я не собирался говорить с такой горечью и злобой.

— И иногда мне кажется, что они правы, — продолжил я. — Может, ему было бы лучше, если бы я позволил заботиться о нем его дедушке и бабушке. Все, что мне нужно было сделать, это просто свалить.

Джексон все еще молчал, позволяя мне развозить сопли.

— Плюс ко всему, Ной — метамфитаминовый малыш. Он был зависим от мета. Докторам приходилось ширять его наркотой, чтобы он излечился. Им приходилось делать это, потому что они боялись, что он умрет. У него врожденные дефекты. И все эти люди смотрели на меня — я видел это в их глазах — они обвиняли меня. Одно то,

что его мать — метамфетаминщица уже плохо, но то, что и отец педик... Бедный малыш. Бедный-бедный малыш. И я говорю о таких людях, как, например, моя собственная мать. Мой брат Билл. Его жена. Мы думали, что Ной не выживет, и я пошел в церковь, к священнику просить покрестить сына, но он посмотрел на меня как на отбросы вселенной. И все эти люди, то, как они смотрят на меня, то, как они смотрят на Ноя...

— Мне жаль, — проговорил мягко Джей.

— Не знаю, почему говорю тебе все это, — сказал я, вытянув руку из—под его ладони, чувствуя себя неловко.

— Я рад, что ты рассказал мне.

— Знаешь, что я услышал как-то раз? — спросил я.

— Что?

— Какой-то парень на радио — какой-то правый христианин, который, наверняка, слишком много дрочит, предлагал сделать подземную железную дорогу, типа той, что строили для перевозки спасавшихся беглых рабов. Только он предлагал построить такую, чтобы увозить детей геев в безопасное место. И тут меня накрыло: он же говорил о моем Ное. Говорил о моем маленьком мальчике. Понимаешь? Ты хоть представляешь, что я тогда почувствовал?

— Какой ужас, — сказал он.

Я вытер глаза и отвернулся от него.

— Мне очень жаль, — произнес он.

— Не знаю, что сделаю, если кто-нибудь заберет у меня моего малыша, — сказал я.

— Они не могут этого сделать, — уверил Джексон.

— Они также не могли вешать чернокожих на магнолиевых деревьях, но их это никогда не останавливало, верно? — противопоставил я. — Нельзя владеть людьми. Нельзя ночью идти в невольничий квартал и насиловать пленных женщин, чтобы наплодить себе еще больше рабов. Нельзя сжигать кресты во дворах людей. Нельзя пытать их и сжигать заживо. Не говори мне что могут, а что не могут сделать люди.

Кажется, он не знал, что ответить мне на это.

— Прости, — произнес я. — Мне не следовало сидеть тут и попусту молоть языком, как дурак.

— Ты что-нибудь слышал о "правах геев"? — спросил он.

Я рассмеялся ему в лицо.

— Может, здесь такого еще нет, но скоро будет, — ответил он.

— И что это такое?

— Пока гетеросексуалы ведут бесконечные разговоры о нашей врожденной патологии, мы пытаемся жить своей жизнью. Я плохо смыслю в политике, но хорошо знаю свои права. Откровенно говоря, я удивлен. От тебя забеременела девушка. Ты решил поступить правильно, взять на себя ответственность за нее и за ребенка. И люди порицают тебя за это? Серьезно? Вокруг полно недобросовестных отцов, отказывающихся платить алименты своим детям и не желающим быть частью их жизни, а они порицают тебя за ответственность? Разве ты не видишь насколько все исковеркано? А вот и ты, с ненавистью к себе, как будто поверил им, как будто и правда думаешь, что твоему сыну с ними будет лучше. Что за чертовщина то?

Он взял меня за руку, не обращая внимания на то, что могли окружающие увидеть, услышать или подумать о нас.

— Ты когда-нибудь избивал Ноя? — спросил он.

— Конечно, нет! — воскликнул я, со злостью выдергивая руку из его хватки.

— А приводил его в больницу с необъяснимыми ранами?

— Нет!

— Домогаешься к нему? Бьешь, когда выпьешь? Припечатываешь к стене, когда злишься? Люди вызывали Службу по защите детей, интересуясь, что у вас происходит?

— К чему ты, мать твою, клонишь?

— Я работаю медбратьем в педиатрии, Вилли. Каждый день вижу очень много детей. И родителей... вызывающих подозрения. Хватает и взгляда на этих детей, чтобы понять — что-то не так. По твоим словам, складывается впечатление, что некоторые будут просто счастливы найти повод и забрать у тебя Ноя. Тебя проверяли специалисты по вопросам населения и здравоохранения?

— Конечно, нет.

— Тебя когда-нибудь обвиняли в жестоком обращении к сыну?

— Да за что меня обвинять?

— Вот именно. Может, ты не такой уж ужасный родитель. Эта мысль тебе в голову не приходила? Может, ты выкладываешься на пределе своих возможностей. Может, ты просто немного злишься, от того, что эти люди должны тебе помогать, а не сидеть и осуждать тебя, заставляя сомневаться в себе.

— Может, — согласился я.

— Быть родителем тяжело.

— А у тебя, конечно, такой богатый личный опыт.

— Я и понятия не имею, каково быть родителем, но из того, что я читал, везде пишут, как это тяжело. Даже при самых лучших условиях, с любящим партнером под боком, готовым прийти на помощь, это тяжело. А с глухим ребенком, чьи потребности особенные, это в разы тяжелее. Ты проделал потрясающую работу, и я не позволю тебе сидеть здесь и наговаривать на себя за зря.

Я негромко рассмеялся.

— Почему ты смеешься? — требовательно спросил он.

— А для молоденького опрятного парнишки, ты смысленый.

— Для молоденького опрятного парнишки? — повторил он оскорблённым тоном.

— Ты выглядишь так, будто пойдешь к маме за запиской, чтобы тебя освободили от физкультуры, — сказал я.

— Жизнь полна сюрпризов, — признал он. — Когда ты поближе познакомишься с моим скрытым потенциалом, все эти разговоры о *незрелости* благополучно выйдут в окно.

— Это обещание?

— Ты сам будешь проситься к мамочке.

— Мне это по вкусу. Так, когда же мне доведется увидеть этот скрытый потенциал? Мы могли бы уложить ребенка спать и снять комнату в мотеле.

— Или мы можем пойти ко мне и дать ему порезвиться с игровой приставкой.

— Тоже рабочий вариант.

Ной нехотя подошел к столу.

Пойдем в м—а—г—а—з—и—н и—г—р, — показал он.

Пойдем куда? — переспросил знаками Джексон.

Ной показал ему на пальцах словосочетание "магазин игр".

— Не спеши, — произнес Джей.

Ной повторил буквы еще раз, на этот раз с преувеличенной медлительностью.

— Это магазин компьютерных игр вон там, — ответил я, показывая на место рядом с входом на фудкорт*.

* фудкорт — специальная часть торгового центра, в которой расположены несколько кафе, заведений фаст-фуд и ресторанов.

У нас нет денег, — твердил я.

Я просто хочу посмотреть.

— Позволь мне купить что-нибудь ему, — сказал Джексон.

— Я бы этого не хотел, — ответил я.

— Не будь засранцем. Помни, это поможет его отвлечь. А ты же хочешь его отвлечь, правда?

Он проговорил это с ослепительной улыбкой.

— Только не превращай это в привычку, — произнес я. — И да. Очень хочу.

В магазине игр, Ной и Джексон как ни в чем ни бывало начали шерстить стеллажи. Я наблюдал за ними с тянувшим сердцем. Ради Ноя, я симулировал интерес к видеоиграм. Но Джексон был спецом по этим штукам.

Ной был неприкрыто счастлив рассматривать полки с дисками, как нормальный ребенок, с деньгами в кармане на их покупку. А я был счастлив наблюдать за ним, передав другому на время груз ответственности. Зарабатывая подозрительные взгляды прохожих, я сделал несколько снимков Джексона и Ноя, внимательно просматривающих стойки.

Джексон заплатил за игру для Ноя, и сын, сияя, побежал ко мне через магазин, желая как можно быстрее показать мне, что он купил.

А Джей лукаво улыбнулся, смотря на меня притягивающим взглядом.

Глава 26

Заниматься любовью

Ной устроился перед телевизором в предвкушении затяжного любовного сеанса с Xbox, а мы проскользнули ко мне в спальню и закрыли дверь.

Джексон стянул свою футболку, затем мою, после чего он прижался ко мне и поцеловал так, будто собирался уходить на войну. Он толкнул меня к стене. Джей был сплошным сгустком натянутых гладких мышц, воплощением всего мужественного, от него исходил тонкий запах незнакомого мне одеколона.

Он целовал меня так, словно от этого зависела его жизнь.

Я вернул должок и добавил еще.

Хоть я и выше, но я был худым южанином с беличьими глазками, дятлом с видом того, кто не привык к суровым зимам и необходимости ходить по ночам на горшок, а Джексон был мускулистым парнем, проводившим много времени в спортзале. Четко очерченные мышцы были тугими и твердыми на ощупь. Я оказался гораздо загорелее его. И поэтому решил, что свежу этого парня погулять в парк или искупнуться куданибудь нагишом.

Он снял с меня шорты вместе с нижним бельем, отчего мое хозяйство выпрыгнуло наружу.

— Ты проверялся? — спросил он.

— Конечно, — сказал я.

— Я тоже.

Он поцеловал меня в шею.

— Я не могу, — произнес я, — не тогда, когда в соседней комнате мой ребенок. Мое тело говорило совершенно обратное.

— Мы можем запереть дверь, — прошептал он, наклоняясь, чтобы поцеловать меня в грудь.

— Возможно, нам лучше подождать, пока он не заснет, — произнес я.

Словно, чтобы подчеркнуть мою точку зрения, мой член толкнулся вперед, качнувшись, как толстое копье.

— Возможно, — ответил он, целуя меня в живот и, положив руки на мои бедра, опустился на колени.

— Не думаю, что время подходящее, — отозвался я.

Джексон ничего не ответил, потому что у него был занят рот.

Глава 27

Погодное радио

Поздней ночью мы уже были порядком вымотаны, когда по радио внезапно начали передавать прогноз погоды.

Этот громкий, отчетливый звук нельзя было проигнорировать, независимо от того, что делаешь, даже если это предполагает долбежку твоего нового голого бойфренда во второй раз, так, как будто у вас больше не представится возможности потрахаться.

Мое хозяйство выскользнуло из Джексона Ледбеттера, и я поспешил слезть с постели и надел боксеры.

— Что случилось? — спросил он.

Я не ответил.

Подойдя к тумбочке, я выкрутил громкость динамика.

"...объявлено предупреждение о надвигающемся торнадо в следующих северо-восточных округах штата Миссисипи..."

Из опыта я знал, что радио не прекратит вещание для тех, кто в зоне потенциальной опасности. Предупреждающее оповещение намного хуже, чем объявление о том, что ожидаются "экстремальные погодные явления". Оповещение населения значит, что местоположение торнадо обнаружено и лучше держать задницу в безопасности, а возможно, и поцеловаться на прощание заодно.

— Предупреждают о торнадо, — сказал я. — Оденься, встретимся в ванной. Мне нужно собрать Ноя.

— Все настолько серьезно?

— Предупреждение означает, что торнадо уже коснулось земли. Поэтому да, я бы назвал это серьезным.

— Вот дермо! — воскликнул он.

— Встретимся в ванной, — повторил я.

Я вынул электрический шнур из розетки, чтобы забрать радио с собой, оно могло работать от батареек. Захватив телефон, я поспешил к Ною в комнату. Растроив его, я поднял сына и понес по коридору в ванную. Он тер глаза спросонья, но не задавал вопросов. Ноу знал правила.

Опустив его в ванну, я передал ему покрывало из шкафчика и обувную коробку, в которой хранился наш набор на случай чрезвычайных ситуаций. Внутри лежало два фонарика, рулон туалетной бумаги, бутылка питьевой воды, пластиры, спички, свечи и злаковые батончики. Он поставил ее на бортик ванны, его глаза расширились от испуга.

— Все хорошо, — произнес я.

Джексон, спотыкаясь, влетел в ванную в одних штанах.

— Залезай к Ною, — сказал я.

— Зачем?

— Просто сделай это, пожалуйста, — попросил я.

Он забрался в ванну, поместив Ноя между ног.

— Опустись вниз и прижми его к себе. Если будет обваливаться крыша, вам лучше лежать.

— Разве крыша может обвалиться?

— Просто сделай это! — огрызнулся я.

Устроившись, он уложил Ноя с собой.

— Это самое безопасное место, — уверил я его.

Идет торнадо? — прожестикулировал Ной.

Я покачал головой. Это, конечно, было не так, но мне не хотелось его пугать. Я взял телефон, пролистывая текстовые сообщения автоматической рассылки при предупреждениях, — часть пакета услуг, на которые я подписан.

— Мы в опасности? — спросил Джексон, в его голосе пробивались нотки истерии.

— Скорее всего, нет, но за последние годы, мы привыкли думать, что лучше перебить, чем недобить. Оповещение означает, что торнадо замечено поблизости, вот я и пытаюсь найти где.

— Иисусе! — воскликнул он

— Попытайся расслабиться, — сказал я, — еще перепугаешь этого любителя сыра.

— Он не слышит меня, — твердо сказал Джей.

— Но может чувствовать, — ответил я.

— Ты собираешься залезать внутрь? — спросил Джексон.

— Если мы услышим что-то типа приближающегося поезда, то да, — отозвался я.

— Тут не хватит места, — произнес он.

— Значит, просто навалюсь сверху.

Я поднялся на ноги и подошел к двери.

— Куда ты?

— Нужно взять его пижаму, — сказал я.

— Да кому какая разница?

— Если нас унесет, я не хочу, чтобы мой ребенок разгуливал почти нагишом, — сказал я.

— Возьми мою футболку, — окликнул он.

В квартире было тихо, что было либо хорошо, либо очень плохо. Как правило, смерчи сопровождают грозы, град, молнии и все такое. Отсутствие признаков такой активности означает, что либо торнадо уже прошел, либо находится в другом месте, либо мы в самом его эпицентре и наши задницы вот-вот сдувают.

Грянул гром, сверкнула молния.

Я проверил окна, убедившись, что они закрыты. То, что в моей спальне было открыто, и я захлопнул его. Взяв футболку Джексона и свою, я поспешил в комнату Ноя, где порылся в комоде в поисках пижамы.

Вернувшись в ванную, мы все быстро оделись. Я заставил Джексона лечь с Ноем в ванну и накрыться пледом.

— На всякий случай, — произнес я.

— На случай чего? — спросил Джексон.

— Падающий мусор. Стекло. Береженого Бог бережет.

— Иисусе!

— Не напрягайся, любовничек, — произнес я. — В этом году это уже десятое предупреждение. А мы пока живы. Хотя, сильно тоже не обольщайся.

Резко погасло электричество.

— А теперь что? — потребовал Джексон.

Я щелкнул фонариком.

— Что случилось? — спросил Джексон.

— Отрубили электричество.

— Да знаю я! — огрызнулся он.

— Скорее всего, это означает, что торнадо движется и обрывает провода, — отозвался я.

— Приближается к нам? — спросил он взволнованным тоном.

— Готовься. Мы, вероятно, умрем.

— Но я ничего не слышу.

— Услышишь, когда оно доберется до тебя.

— Торнадо настолько близко? Иисусе! Полезай-ка ты в ванну!

— Да расслабься. Я же шучу, — сказал я. — Наверняка, где-то оборвало линии электропередач. Кто знает? Через секунду свет снова включится. А ты у нас большая неженка, как я посмотрю?

— Там, откуда я родом, не бывает торнадо.

— Ты к ним привыкнешь.

— Я так не думаю.

Ной показал знаками: *Ему правда страшно!*

Я улыбнулся.

— Кстати, ты мог бы время от времени сидеть с Ноем, — предположил я, — И раз уж я намерен уступить тебе, то хочу кое-что взамен.

— Кое-что взамен, — повторил Джексон.

— Кое-что ценное, — сказал я, — так будет честно.

— Не слышал, чтобы ты жаловался.

— У меня был занят рот, — сказал я.

Джексон рассмеялся.

Ной взглянул на него с улыбкой.

Джексон поцеловал его в волосы, похлопав по голове.

— Не надо его хлопать, — бросил я, — он тебе не пони!

— Прости, — отозвался пристыженный Джексон.

— Да шучу я. Разве ты не можешь понять, когда я шучу?

— Ты заплатишь за это, — пообещал он.

— Очень на это надеюсь, — ответил я сладеньkim тоном.

— И как долго этот чертов смерч будет продолжаться?

— Не ругайся матом при детях, дорогуша.

Издалека послышался раскат грома.

— Ты слышал о Смитвиле? — спросил я.

— Нет, — сказал он.

— Несколько лет назад неподалеку проходил торнадо, забрал с собой почти весь Смитвиль. Погибло около тридцати человек. Это в сорока минутах езды от нашего дома по шоссе, не так уж далеко. Унесло сто сорок девять из ста пятидесяти домов и предприятий.

При свете фонарика мы слушали диктора радио погоды, объясняющегося, что смерч замечен в Плантерсвилле, к востоку от нас. Там шел град, размером с четвертак.

Предупреждение о торнадо предназначалось для округа Ли и близлежащих территорий. Торнадо двигался в восточном направлении.

Внезапно снова дали электричество.

Сев на бортик ванны, я посмотрел на Джексона.

— Боже, я хочу поцеловать тебя, — прошептал я.

— Тебя что-то останавливает?

Я наклонился и коротко, даже несколько целомудренно поцеловал его в губы. Затем я поцеловал в щеку Ноя.

Сын хихикнул, вытирая щеку, как будто от моего поцелуя у него могли завестись вши.

— У него скоро день рождения, — произнес я. — Как ты относишься к вечеринкам в честь детских дней рождений?

— Обожаю, — усмехнулся он.

— А к знакомству с родственниками...?

— Да давай уже!

— А ты смельчак. Не боишься толпы деревенщин на грузовиках.

— Серьезно?

— С огнестрелами и всем таким.

— Серьезно?

— А ты у нас такой доверчивый, да?

Спустя десять минут, оповещение прекратилось.

Мы вышли из ванной и зашли ко мне в комнату.

Ной забрался на постель.

— После такого он не станет спать один, — объяснил я. — Из-за неспособности слышать предупреждение, он пугается. Нам придется прерваться, хотя есть кое-что, что я должен закончить.

— И я останусь, — просто ответил Джексон. — Не думаю, что тоже смогу заснуть.

Он разделся до трусов и залез в кровать, по другую сторону от Ноя.

Я немного нахмурился.

Ной улыбнулся.

Я забрался в постель.

Ной лежал с улыбкой между нами. Я держал его за руку и через какие-то три минуты он снова спал.

— Думаю, ты хорошо на него влияешь, — прошептал я.

— Серьезно?

— Да.

— Теперь я понимаю, когда ты сказал, что вы "в связке", ты не шутил.

Я приподнял брови.

— Только в хорошем смысле, — сказал он. — Но ты отец, ты должен заботиться об этом маленьком человечке.

— Так это и работает.

— Я думаю, это мило.

— Ты можешь быть плохим отчимом и готовить заговор по избавлению от наследника, — произнес я.

— А могу быть хорошим отчимом и разделить с тобой твои родительские обязанности.

— Как смотришь на то, чтобы менять подгузники?

— Видал и похуже.

— Тебе придется менять масло каждые пять миль. Он это ненавидит.

— Не сомневаюсь.

— Я говорю, ради всего святого, это же всего четыре литра масла. Просто выпей их и перестань ныть!

— Ты заставляешь меня смеяться, — сказал он.

— А ты меня — возбуждаться, — ответил я.

— Вот за это ты мне и нравишься, за твою честность. Так на чем мы остановились?

Его глаза лучились улыбкой.

— А ты плохой мальчик, — отозвался я.

Глава 28

Ты опоздал

Вы повеселились? — спросил Ной с улыбкой в глазах в понедельник утром, пока я, собираясь на работу, торопливо наливал чашку кофе. Я кивнул, усмехаясь.

Теперь Джей твой бойфренд?

Полагаю, что да. Ты поел? — спросил я.

Он кивнул.

Ты хоть знаешь насколько ты потрясающий?

Сын счастливо улыбнулся.

Ты готов? Собрался идти к миссис Х.?

Он кивнул.

Я принял душ, оделся и, выйдя за дверь, мы, держась за руки, быстро пошли по улице к дому миссис Хемфрис.

Я опаздывал уже на двадцать минут и мистер Оуэн был готов загрызть меня как пес кости, но ничто не могло испортить мне день, даже этот паршивый ублюдок.

— Ты опоздал! — завопил он, когда я поспешил за кассовую стойку.

Мистер Оуэн смотрелся выше лежа, чем стоя. Он настолько заплыл жиром, что с трудом ходил вразвалку между кассовыми стойками. Сколько коробок сыра Вельвита он съел, чтобы сделаться таким большим, никто не знал.

— Прошу прощения, мистер Оуэн, — сказал я, вбивая мой идентификационный номер.

— И я еще должен спрашивать почему?!

— Из-за Ноя... у нас была проблема.

— Ага. В прошлый раз ты сказал то же самое. Ты должен был стоять здесь еще двадцать минут назад.

— Прошу прощения.

— Скажи это своим коллегам. Теперь перерыв на обед у всех будет на двадцать минут позже, потому что ты вовремя не подменил Сару. Я не могу нормально вести бизнес, когда мои люди постоянно опаздывают.

— Я просто не мог добраться быстрее.

— Ага. И это я тоже слышал раньше, не так ли? Вилли, ты мне нравишься. Серьезно. Но ты должен быть здесь, когда в графике поставлено твое имя. Если ты не можешь этого делать, если ты не будешь этого делать, мне придется тебя отпустить. Я не хочу этого, но ты, кажется, не оставляешь мне другого выхода.

— Я же сказал, что прошу прощения.

— И что, по-твоему, это мне помогает? — спросил он.

— Нет, сэр.

— Чтобы больше такого не было, Вилли, — произнес он и поплелся прочь.

Глава 29

Миссис Уоррен делает покупку

Моя смена длилась всего каких-то пять часов, но, казалось, прошла целая вечность. Народу была тьма. Мистер Оуэн ошивался поблизости, как владелец магазина, а не какой-то корпоративный лакей, гавкая на незадачливых упаковщиков.

"Отнесите это в мясной отдел!"

"Отнесите эту корзину ко входу!"

"Нужно все проверить! Не хватает тележек!"

"Позвоните в овощной отдел и скажите им забрать эту морковь!"

Я стоял на пятой кассе, очередь казалась бесконечной.

Сегодня моим упаковщиком был Тайрон. Высокий чернокожий парень, лет двадцати с неизменно хмурым выражением лица. У него прекрасная улыбка, если вам, конечно, удастся заставить его блеснуть ей хоть раз. Большую часть времени он выглядел так, словно хотел оторвать покупателю руку и забить его ей до смерти.

Я повернулся к нему и изобразил улыбку на губах, мой знак, обозначающий:

"Улыбайся, черт тебя дери".

Он нерешительно, вполсилы улыбнулся.

У него были проблемы с работой, но он в ней остро нуждался. Ему нужно было содержать девушку и ребенка, и это почти при полном отсутствии перспектив на будущее, из-за того, что в свое время он отказался учиться в колледже. Он был зол на жизнь. У него на лбу читалась мысль о том, что куда проще было бы пойти продавать метамфетамин, ведь так и поступает большинство молодежи, чернокожих и белых, латиносов и всех остальных. Я восхищался его решимостью. Я понимал его гнев. Я хотел, чтобы он преуспел, поэтому во избежание его увольнения, я и сказал ему налепить на лицо улыбку и засунуть свои возражения в зад, как и все мы.

"Жизнь идет своим чередом", — говорят местные.

Я огляделся по сторонам на соседние кассовые стойки и увидел то, что видел слишком часто. У большинства темнокожих кассиров в паре были такие же темнокожие упаковщики, а у белых — белые. Бессознательное внутреннее проявление сегрегации. Мы с Тайроном были единственным исключением из этого правила на данный момент.

Следующей моей клиенткой была мать с тремя детьми. У нее была полная корзина еды. Дети везде лезли, без умолку говорили и донимали ее, пока она пыталась выложить свои покупки на конвейерную ленту.

— Как делишки? — спросил я, оглядывая каждого по очереди.

— Хорошо, — ответила женщина, не глядя на меня.

Один из ее мальчиков рассматривал шоколадные батончики, пытаясь сделать выбор.

— Джейсон, уйди оттуда, — приказала она.

— Но, мам!

— Не мамкой!

— Но, мам!

— Я хочу жвачку, — объявил другой ребенок.

Третий сидел на краю тележки, мешая ей, пока она пыталась выложить продукты на ленту.

— Дети, ведите себя хорошо! — нетерпеливо воскликнула она с досадой.

— Мэм, может, мне позвонить в полицию, чтобы этих ребят арестовали? — спросил я очень громко.

— А вы можете? — отозвалась она с намеком на улыбку на губах.

— Мама! — ахнул старший.

Они быстро притихли.

— Нам уже пришлось арестовать сегодня несколько детей, — сказал я, не обращая внимания на их испуг.

Я пробивал товары в ожидании, пока дёрганая женщина достанет кредитную карту.

Когда я взглянул на следующего покупателя, то сильно удивился; это была миссис Уоррен.

— Вилли, — сказала она вместо приветствия.

Она выглядела взволнованной, нервной. Миссис Уоррен улыбнулась, когда я начал пропускать через сканер кучу ее покупок.

— Как вы? — спросил я.

— Я думала, смогу ли поговорить с тобой, — негромко сказала она. Постоянный писк и клацанье вокруг меня мешало её как следует расслышать.

— Конечно, — произнес я.

— Мой муж ничего не должен знать.

— Окей.

— Он убьет меня, если...

— Сомневаюсь, — сказал я, — но мой рот на замке.

— Это о Ноэ. Я хотела узнать... можно мне с ним увидеться?

— Конечно. Когда?

Она огляделась по сторонам, словно боялась, что кто-нибудь из ее соседей в Нью-Олбани мог приехать в центр Тупело за продуктами и подслушать ее.

— Когда тебе удобно? — спросила она.

— Завтра после работы мы будем в библиотеке. Вы знаете, где она находится?

Она кивнула.

— Мы туда ходим по субботним вечерам, — сказал я. — Пробудем там около трех часов. Вам подойдет?

— Да, — ответила она. — Замечательно. Спасибо, Вилли. Пожалуйста, не говори никому, что видел меня.

Я провел указательным и большим пальцем вдоль своих губ.

"На замке", — молча говорил я.

Она улыбнулась слабой, нерешительной улыбкой, подхватила свои два пакета и поспешила прочь, словно ей было стыдно, что ее могли увидеть за разговором со мной.

Глава 30

Дочь Джексона

На следующий день, после того, как закончил работу, я вырвал Ноя из когтей Кики и мы поехали в публичную библиотеку Тупело — одно из наших любимых мест. Ноу вернул «Железного человека» и другие свои задолженности, а затем незамедлительно направился в отдел комиксов, который находился прямо рядом с DVD-прокатом. Он мог бы провести всё время, разглядывая тот или другой.

В ожидании наступления трех часов, я сел за ближайший стол с разворащенным романом Фолкнера, который, я не был уверен, что стоит покупать, потому что не мог представить, что смогу на самом деле его прочесть. Я и без того был достаточно мрачным, тусклым, повреждённым и подчёркнуто-депрессивным.

Ровно в три появилась миссис Уоррен, на ней были солнцезащитные очки и светлый брючный костюм.

Как и полагается джентльмену, я встал.

— Как вы? — спросил я.

— Хорошо, — ответила она тихо.

Она оглянулась на отдел комиксов, где поглощенный какой-то книгой, на полу сидел Ноэль.

— Вы не против присесть и поговорить? — предложил я.

Она подвинула свой стул так, чтобы сидя могла наблюдать за внуком.

Миссис Уоррен представляла собой пережиток южной аристократии. Без сомнений, она дебютировала на балу загородного клуба, была королевой бала, вышла замуж за капитана футбольной команды, родила идеального ребёнка и теперь пела в хоре, была и остаётся во всех смыслах столпом общества, членом партии «Объединённых дочерей конфедерации», такой же прямой и узкой, как её спина, пока она неподвижно сидела на стуле передо мной, нервно переплетая пальцы. По крайней мере, она представляла из себя всё это до того, как её дочь родила внебрачного метамфетаминового ребёнка от гомосексуала — ребёнка, которого затем бросила, чтобы заняться карьерой осуждённой преступницы и наркоторговки.

Раз уж это было её шоу, я ничего не говорил.

— Вилли, я очень попрошу тебя никогда не говорить об... этом... моему мужу.

— И что же такое... "это"?

Она облизнула губы и звучно сглотнула. Миссис Уоррен так долго молчала, что я начал переживать за неё.

— Мистер Уоррен человек твердых убеждений, — сказала она.

— Да вы шутите, — хохотнул я.

— Если он узнает, что я...

— Вообще-то, у меня нет его номера на быстром наборе.

Казалось, её это убедило. Она долго смотрела на Ноэля, её нежный взгляд упивался им. Её рука поднялась к горлу. Она поджала губы.

— Он подрос, — сказала она.

— В следующем месяце ему исполнится десять.

— Он не должен был выжить, — напомнила она мне.

— Да, не должен.

— Но... он с нами.

— С вами все порядке, миссис Уоррен?

Она повернулась ко мне и медленно покачала головой.

— Что случилось? — спросил я.

— Я не знаю, как тебе это объяснить, Вилли. Не прошло и дня, чтобы я не думала о *нём*. Он мой внук. Мой единственный внук. У меня может их больше не быть. Мой муж...

Мне хотелось поспешить и закончить за неё предложение, и в точности объяснить, кто её муж.

Я хранил молчание.

— Знаю, я, возможно, многое прошу, — сказала она, — но ты позволишь мне... навещать его... время от времени?

— Я вовсе не возражаю. И даже думаю, что Ной будет счастлив познакомиться с вами поближе.

На нее снизошло несоизмеримое облегчение.

— Вы его бабушка, — обратил я внимание. — Я бы хотел, чтобы он узнал вас. Вам его позвать?

— О, нет, — быстро произнесла она. — Пока нет. Не думаю, что я готова. Я не знаю, что ему сказать.

— Он глухой, вы не так уж много можете сказать ему, — произнес я с нажимом.

— Но он может читать по губам, разве нет?

— Всё не так, как рисуют в фильмах, — сказал я. — По мнению некоторых, понимание чтения по губам среди глухих около десяти процентов.

— Только десять процентов могут читать по губам?

— Нет. Читая по губам, они понимают только десять процентов из всего вами сказанного.

— Я думала, цифра будет в разы больше.

— Только тридцать-сорок процентов английских слов можно различить по визуальным подсказкам, так что велик шанс ошибок и недопонимания.

— Ох.

— Язык жестов не такой уж трудный, — сказал я.

— Но я могу так никогда ему и не научиться.

— Раз вы хотите разговаривать с ним, у вас нет выбора.

— Но я не знаю с чего начать.

— Как и я, когда он был маленьkim.

— Тебе, должно быть, было тяжело...

— Было, — сказал я.

— Расскажи мне о нем. Пожалуйста.

— Он удивительный, — сказал я. — Он милый, он забавный, и хотя так не кажется, он сильный. Он маленький боец. Ещё он любвеобильный. Он любит людей, любит находиться среди них, любит заводить друзей, любит разговаривать с друзьями. Ну, я бы сказал, жестикулировать с друзьями. Он очень счастливый и уравновешенный. Очень ласковый. Не думаю, что в его теле есть хоть одна злая кость.

— Кажется, он замечательный малыш.

— Он и есть замечательный малыш. У него свои недостатки и неудачи, конечно же. Как и у всех метамфетаминовых детишек. Он иногда становится очень злым, истерит и бросается вещами. По большей части это раздражение, потому что он не может общаться или чего-то не понимает, или злится сам на себя и начинает себя корить.

— Но почему?

— Дети много над ним издеваются. Они заставляют его чувствовать себя глупым. А иногда он и правда так считает, из-за того, что они продолжают его в этом убеждать.

— Какой ужас.

— Он ни черта не слышит. Знаю, это очевидно, но если вы немного об этом подумаете, то поймёте, что всё не так просто. Он должен стараться угадывать, что происходит. Это может очень раздражать. Приучение к горшку, к примеру — это был полный ад. Я не мог просто сказать ему, чего и почему хочу, и почему он обязан делать это так, как хотел я. Ему потребовалось долгое время, чтобы уловить смысл. Он писался в штаны и прятался, потому что знал, что я разозлюсь, но не понимал почему, и я не мог сказать ему, почему злюсь. Я не мог сказать ему, что произойдёт, если он пойдёт в школу и насрет в штаны, что сделают другие дети, как они будут издеваться

над ним, что это всё ему на пользу. Всё в таком духе. Это может очень выбешивать. Иногда всё это раздражение выливается в большую истерику.

— Полагаю, это и правда раздражает.

— Давным-давно кто-то сказал мне, что бессмысленно говорить, что я его люблю, что я должен показывать ему. Мне потребовалось время, чтобы это уяснить.

— Не понимаю.

— Ну, "люблю" — это просто слово. Оно не содержит много контекста, пока это не покажешь. Если ты его держишь, обнимаешь, целуешь, держишь за руку — это любовь. Всё на физическом уровне. Это то, что он может ассоциировать со словом "любовь". Любовь означает улыбку и поцелуй, и объятие, и всю прочую ерунду. Любовь означает, что кто-то купает тебя или покупает тебе рожок мороженого. Глухие дети очень чувствительны физически, всегда прикасаются к тебе, держатся за тебя, всегда связываются с тобой, и поэтому Ной проверяет меня каждый раз, когда видит. Он не будет счастлив, пока не сможет по-настоящему прикоснуться ко мне, не просто посмотреть или сказать "привет", а на самом деле подойти и дотронуться, будто убеждая себя, что я по-прежнему на месте. Твоё тело карта, и они могут читать эту карту. Может, они и не способны понять, что означает слово "разочарование", но понимают его, когда видят твоё лицо. Так как они тебя не слышат, то должны полагаться на зрение, чтобы понять, о чём ты говоришь.

— Мистер Уоррен, не самый нежный на свете человек, — отозвалась она.

— Из того, чему я стал свидетелем, могу сказать, что его жена тоже.

С печалью, но она признала, что это правда.

— Связываться с глухим не для слабонервных, — сказал я. — Они смотрят на тебя. Они видят тебя.

— Могу себе представить.

— С другой стороны, они живут в своём собственном мире, и не то чтобы вы не приглашены, вы просто не живёте с ними в этом мире тишины. Поэтому всегда есть дистанция, мост, который вы не можете перейти, места, до которых вы не сможете добраться.

— Вроде того, как быть геем, — отметила она, бросая на меня взгляд и предлагая улыбку, чтобы показать, что не хотела проявить неуважение.

— Типа того, — согласился я. — Полагаю, мы оба живём в своих собственных мирах, куда не могут попасть посторонние. Я никогда об этом не задумывался.

— Ты для меня такой же странный, как и он, — сказала она, уже глядя на меня, её взгляд был открыт и вдруг очистился от страха. — Ты не знаешь, как сильно я пыталась понять тебя, Вилли. В конечном итоге, я не понимаю. Меня всегда учили...

Она оборвала свою речь и улыбнулась.

— Полагаю, нет необходимости говорить тебе об этом, — добавила она.

Нет, не было.

— Я выросла в Джексоне, — сказала она, складывая руки на коленях. — В шестидесятых. Во время движения за гражданские права. Я видела всё это. Беспорядки, протесты. Всю эту суматоху в университете Миссисипи, когда поступил Джеймс Мередит*. Убийства. Но знаешь, что я помню?

*Джеймс Говард Мередит (англ. James Howard Meredith, 25 июня 1933) — один из лидеров американского движения за гражданские права чернокожих. Первый студент-афроамериканец в Миссисипском университете

Я приподнял брови.

— Я помню Булворт в Джексоне, потому что там работал мой отец. Я помню, что увидела фотографию в журнале, на которой была одна из тех забастовок на буфетной стойке. И я узнала ту буфетную стойку, потому что часто сидела там, пока ждала, когда папочка закончит с работой и отвезёт меня домой. И в то время было всё для белых, конечно же. Но на этой фотографии они пытались интегрировать стойку, и позади стояла кучка белых, вываливая еду черным на головы, смеясь, издеваясь над ними, а полиция стояла снаружи и ничего не делала — и я помню, как смотрела на ту фотографию весь вечер напролёт. Это шокировало. Это открыло мне глаза на мир, в котором я жила. Это показало мне, каков мир. Конечно, все говорили об этом, о забастовках, об убийствах — обо всём, и я слушала это и никогда не понимала, пока не увидела фотографию. Те чернокожие местные никому не вредили, просто сидели и позволяли людям вываливать еду на их головы. От этого меня тошило. Это было так глупо. И с ними на той стойке сидели белые местные, пытаясь помочь им, и тоже получали на себя отходы, потому что были, как мы их называли, расовыми предателями.

Она замолкла на мгновение, потирая ладони.

— Я росла баптисткой, — сказала она. — После того, как всё утихло, у меня случился кризис веры. Я спрашивала себя, как моя церковь могла поступить так неправильно. Со всем этим. Чернокожие. Рабство. Раса. Мы считали себя лучшими, думали, что Бог хотел для нас рабов, что чернокожие заслуживали быть рабами. Как мы могли так ошибаться, Вилли?

Она выглядела так, словно в действительности хотела получить ответ.

У меня ответа не было.

— Я говорю тебе всё это для того, чтобы объяснить, что когда я смотрю на тебя, я думаю о той фотографии, Вилли, и у меня в сердце возникают те же чувства, то же замешательство и сомнение. Я знаю, что говорит мне моя религия. Я знаю, что говорит общество о таких, как ты. Но ты никак не похож на то, о чём мне рассказывали. Моя дочь сбежала от своих обязательств. Ты остался. Мы предложили тебе способ уйти. Ты отказался. Спустя десять лет, ты здесь, и здесь мой внук, и ты ждёшь у тюрьмы, когда освободят мою дочь. Мою дочь! Предполагалось, что это ты преступник или психически неуравновешенный, или нездоровы, но ты выполнил свой долг, ты вырастил этого трудного ребёнка, а я не сделала ни черта, чтобы помочь, потому что боялась того, что скажет мой муж, или что скажет моя церковь, или что подумают люди. Я просто подумала про себя, как всё это нелепо. Как глупо. Я была не лучше своей дочери, когда ушла от ответственности за свою собственную плоть и кровь из-за того, что так сказала моя церковь. Не уверена, что сильно доверяю церкви в вопросе о том, как правильно поступать с гомосексуальными людьми.

— Вместо чернокожих теперь геи, — подчеркнул я.

— Я действительно ничего о тебе не знаю, Вилли. Я помню тебя длинноволосым мальчишкой, который приходил играть с Кайлой, когда вы оба были маленькими. Я знала твоих родителей. А затем наступило лето, когда ты вернулся из университета Миссисипи, и вы с Кайлой начали снова проводить время вместе. Она всегда была к тебе очень мила и всегда говорила, что ты сладкий мальчик, идеальный джентльмен. Я считала, что ты сможешь вытащить её из той своры, с которой она бегала, но, конечно же, этого не произошло. Её отец заставил её родить ребёнка, думая, что это её притормозит, но она такая же своевольная, как и он. Он был ошеломлён, когда она ушла от тебя и ребёнка. Он чувствовал свою ответственность. Он не мог поверить, что его дочь сделала бы такое.

Она замолчала, улыбнувшись мне.

— Думаю, я пытаюсь сказать, что на самом деле тебя не знаю, Вилли, но хотела бы узнать. Вместо того, чтобы слушать мнение моего мужа по поводу тебя, я подумала, что приду и разберусь сама. Как считаешь, уже слишком поздно для чего-то подобного?

— Никогда не поздно, — сказал я, удивлённый её болезненной откровенностью.
— И я говорил серьёзно. Я бы хотел, чтобы вы были частью жизни Ноя.

Какое-то время мы наблюдали за Ноем в тишине.

— Он выглядит таким хрупким, — тихо проговорила она.

— Он сильнее, чем кажется.

— Но он такой маленький.

— Он еще может вытянуться, — произнес я.

Мы посмотрели на Ноя ещё раз. Он читал комикс, его глаза сканировали страницы, разглядывая слова, но полагаясь на картинки, чтобы уловить суть истории.

— Давайте я его позову? — предложил я.

— Я не знаю, что сказать ему.

— Я переведу. Просто поздоровайтесь. Это не так уж трудно.

Она снова приложила руку к горлу, принимая решение.

Не дожидаясь ответа, я встал и пошел за Ноем.

Я разговариваю с миссис У—о—р—р—е—н. Она твоя бабушка. Хочешь пойти поздороваться?

Он бросил комикс, который рассматривал, и вскочил на ноги, на его лице сияла огромная улыбка, идеально демонстрирующая его плохие зубы.

Взяв за руку, я повел сына к ней.

— Здравствуйте! — взвизгнул Ноид.

— Здравствуй, Ноид, — сказала миссис Уоррен, вставая и неловко взглядываясь в него. Затем присела на корточки, чтобы рассмотреть получше. Она довольно неуверенно положила руки ему на плечи. — Я давно хотела с тобой встретиться, — сказала она, а из её глаза потекла слеза.

Почему она плачет? — встревожено проклинировал он мне.

Она рада видеть тебя.

— Я люблю вас, — провозгласил Ноид.

— Я лю... ва...

Она улыбнулась.

— Я тоже тебя люблю, — сказала она.

Она посмотрела на меня за помощью.

Я показал Ноиду: *Давай научим ее языку жестов, окей?*

Он с улыбкой кивнул.

Глава 31

Что на тебе надето?

Как только мы вернулись домой, Ноид вставил «Корпорацию монстров» в DVD-проигрыватель, а я выудил свой телефон и позвонил Джексону Ледбеттеру.

— Как ты относишься к голому кемпингу? — прямо спросил я.

— В смысле к кемпингу в обнажённом виде?

— Что-то вроде этого.

— Когда-нибудь я попробую всё.

- Хороший мальчик.
- Когда бы ты хотел поехать?
- Обычно мы выезжаем в пятницу днём, едем домой к маме, берём лошадей.
- Лошадей?
- Это такие создания с длинными ногами и большими зубами. На них можно кататься и всё такое.
- Я знаю, кто такие лошади!
- Ты свободен в эти выходные?
- Я освобожусь в пятницу в полдень. Могу забрать свои вещи и встретиться с вами у вас дома. Мне не нужно возвращаться на работу до раннего утра понедельника.
- Мы вернём тебя вовремя.
- Хорошая сделка. Кто "мы"?
- Я и мой пожиратель сыра. Мы любим ходить в походы. И рыбачить тоже, и мы относимся к этому довольно-таки серьёзно, потому что, если ничего не поймаем, не будет никакого ужина.
- Звучит весело.
- Так что на тебе надето?
- В данный момент только аромат моего Поло. Начинаю пораньше голый кемпинг.
- Совершенство достигается практикой, — согласился я. — Ты лежишь на своём новом диване?
- На самом деле, я в своей новой кровати.
- И что ты делаешь в своей новой кровати?
- Я искал порнушку, пустив в ход руки.
- Хороший мальчик! Я так понимаю, коня выпустили из амбара.
- Его определённо выпустили. И это *большой* конь.
- Если погладишь его по шее очень нежно, он успокоится.
- Я не хочу, чтобы он успокаивался.
- О чём ты думаешь, пока гладишь его?
- О тебе, конечно же.
- Что обо мне?
- Прямо сейчас я думаю о твоей заднице. Она была такой гладкой и мягкой. Как попка младенца. Хотел бы я сейчас её поцеловать.
- Правда?
- Конечно. Я бы целовал её и немного лизал; потом раздвинул бы твои ягодицы и загнал бы коня в амбар.
- Ему нравится в амбаре.
- Несомненно, нравится!
- А тебе нравятся мужчины постарше, хах?
- Они уже облезжены. И не так много плачут, когда срываешь их вишенку.
- А у тебя развратный ум, да?
- Ты это начал.
- Если тебе нужно загнать коня в амбар, ты знаешь, где я. Только принеси побольше смазки.
- Пожиратель сыра ложится в кровать в девять?
- Как по нотам.
- Я приду с очень большим тюбиком смазки и очень большим и жаждущим членом.
- Ты спрессуешь моё сено в тюк?
- Ясен хрен.

Глава 32

Ты опоздаешь

Меня разбудил Ной. Он посмотрел на Джексона и улыбнулся от уха до уха, стучая себе по запястью.

— Дерьмо, — произнёс я.

Ты опоздаешь, — сказал он.

Ты не шутишь, — подумал я.

Ной схватил моё банное полотенце оттуда, где оно висело на дверце шкафа, и протянул его мне.

Я сделал кофе, — сообщил он.

Дай мне проснуться, — ответил я.

Я не мог позволить себе снова опоздать, не когда мистер Оуэн изводил мою задницу.

Я сел, натянул простыню, чтобы прикрыть свою наготу, и глупо улыбнулся.

Казалось, Ной не заметил или ему просто было плевать.

Мы с К. сегодня идём в П—а—р—к Б—у—ф—ф—а—л—о с миссис Х. Можно мне немного денег на содовую?

Конечно. Никакой содовой. Сок. Это правило.

Пожалуйста, можно мне содовую?

Ты знаешь правила.

Пожалуйста, папочка? Если ты разрешишь мне купить содовую, я не расскажу бабушке о нём.

Он бросил многозначительный взгляд на Джексона Ледбеттера.

Ты маленький говнюк!

Пожалуйста?

Ладно. Только одну!

Спасибо! К. сказала, что хочет быть моей подружкой.

Что ты ответил?

Я сказал "нет". Я не хочу подружку. Она мой друг, а не подружка. Мы слишком молодые, чтобы жениться, и я не хочу, чтобы она забеременела. Я хочу, чтобы она пошла в школу и стала юристом.

Что она сказала?

Он сказала, что я прав. Вы с Джессем поженитесь?

Я пожал плечами.

Если вы поженитесь, ты всё равно будешь меня любить?

Конечно.

Ты уверен?

Абсолютно.

Ладно. Можешь жениться на нём, если хочешь.

Спасибо.

Почему ты хочешь жениться на парне?

Я задумчиво вздохнул — наш знак для "это долгий разговор".

Ты любишь его?

Я не знаю.

Он милый.

Это да.

Ной нетерпеливо постучал по запястью, снова напоминая мне о времени. Он потянул меня за руку и заставил встать.

Я приложил палец к губам, жестом говоря: "Веди себя тихо", бросая взгляд на Джексона.

Он закатил глаза, подошёл к моему шкафу и начал рыться там в поисках чистой формы. Он мог быть реальным нацистом, когда дело касалось попадания на работу вовремя. Сын определённо унаследовал это не от меня.

Я принял душ, оделся, вернулся в свою комнату и присел на кровать рядом с Джексоном, глядя на него дольше, чем позволяло время. Я осторожно его растормошил.

— Привет, — произнёс я.

— Привет, — отозвался он, глядя на меня.

— Я должен идти на работу и по дороге заброшу Ноя к няне. Он сделал для тебя кофе, кстати говоря. Пойло ужасное, но не говори ему об этом. Главное внимание и всё такое. Запри дверь, когда уйдёшь, ладно?

— Ты уже уходишь?

— Я опаздываю. Но оно того стоило.

— Определённо стоило.

Я целомудренно чмокнул его в щёку.

— Вилли, — сказал он, садясь и потирая свою обнажённую грудь.

— Да?

— Я люблю тебя.

— Не слишком ли рано для этого?

— Может быть, — признал он. — Но это правда. Я на полпути к огромной влюблённости в тебя. Если у тебя насчёт меня всё не серьёзно, то лучше не дёргай меня за ниточки.

Я смотрел на него долгое мгновение, на языке вертелось несколько вещей, которые я хотел бы сказать, глагол "дёргать" обеспечивал бесконечные возможности для двусмысленности.

— Пора положить конец твоим ухаживаниям, — наконец сказал я, выбрав наименее рискованную и обидную из имеющихся альтернатив.

— Так и сделаю, — пообещал он.

— Я бы сделал тебе утренний минет, но я очень, очень опаздываю, и покупателям не нравится, когда в зубах торчат лобковые волосы.

Глава 33

Едем на кемпинг

В пятницу днём за нами в квартиру заехал Джексон. Наши сумки были собраны, и у нас был холодильник, полный пива и сока, ожидающий пакета льда с заправки. В последнюю очередь мы загрузили мою гитару.

— У мамы может взорваться башка, когда она тебя увидит, — сказал я.

— Всё так плохо?

— Будь паинькой. Она считает всех геев преступниками, и не важно, знаем мы что-то об этом или нет. Она терпеть не может, когда ведёшь себя нормально и доказываешь её неправоту.

— Я сделаю всё, что моих силах, — пообещал он.

— И не обращай внимания на деду.

— Кто это?

— Мой дед.

— И?

— Увидишь.

Ты любишь рыбачить? — спросил Ной, глядя на него.

Джексон посмотрел на меня. Слова "рыбачить" в его словаре языка жестов ещё не было. Я показал жест для рыбалки, объяснив ему, что это значит.

Я никогда не рыбачил. Можешь мне показать? — прожестикуировал Джексон.

Конечно! Повеселимся!

Мы вынесли сумки к джипу Джексона, закинув их на заднее сидение. Ной был в восторге от поездки на джипе, который был намного приятнее, чем наш видавший виды универсал. Мы заправились, купили лёд и к четырём часам были в округе Юнион.

— Удачи, — сказал я Джексону, пока он останавливался на длинной подъездной дорожке маминого дома.

— Ты меня пугаешь, — сказал он.

— Насколько это может быть плохо? — спросил я с намёком на улыбку, когда мы вышли.

— Бампл! — воскликнул Ной, когда Бамблби подбежал поприветствовать нас и обнюхать шорты Джексона.

Дед сидел на пороге, харкаясь и сплёвывая.

— Как ты, деда? — спросил я.

— Рассчитываю, что по-прежнему не сдох, — с улыбкой сказал он. — Знаю, вы все никак не дождётесь, когда доберётесь своими грязными лапами до моей банковской ячейки, но я бы попросил вас подождать, пока меня не закопают в землю и не убедятся, что я дохлый и холодный, в своей могиле под двумя метрами грязи. Не то чтобы вы уже не спёрли у меня всё остальное, проклятые воры. Ты по-прежнему гей, Вилли?

— Деда, это мой друг, Джексон Ледбеттер, — сказал я, игнорируя его вопрос.

— Как вы, сэр? — произнёс Джексон, протягивая руку.

— Чёртов янки? — с ухмылкой спросил дед. — Могу сказать это по звуку твоего голоса. Помню, как мы вышвырнули отсюда вас, недоумков янки, с поджатыми хвостами. Нам от этого было толку как от козла молока. Так ты мальчик-гей, хах?

— Простите? — произнёс Джексон.

— Не обращай внимания, — сказал я. — Дед развлекается по-своему.

— Полагаю, раз ты друг Вилли, то тебе нравится получать в задний проход. Я прав? Наклонись и принимай? Ха!

— Деда, ты прекратишь? — раздражённо спросил я.

— Мужику нельзя немного повеселиться? — спросил дед, наклоняясь, чтобы сплюнуть в банку из-под кофе, которую использовал для такой цели. — Я помню, когда слово "гей" означало "счастливый". Теперь это значит, что ты ссышь кипятком по любому поводу, а кучка изнеженных ублюдков-коммунистов постоянно называет АСЗГС* и пытается засудить вонь твоей собственной задней дырки. У тебя СПИД, мальчик?

*АСЗГС — Американский союз защиты гражданских свобод.

— Извините? — произнёс Джексон.

— Я думал, вы, геи, все дохните от СПИДа, — сказал дед. — Мрёте как муhi! Боже, нам остается только надеяться!

— Он серьёзно? — спросил Джексон, глядя на меня.

— Мама дома? — спросил я.

— Шляется где-то. Как там глухой мальчик?

— Не называй его так, деда.

— Он глухой, как столб. Как ты хочешь, чтобы я его называл? Он всё равно меня не слышит, так ведь?

Я закатил глаза.

На порог вышла мама, её губы изогнулись, когда она нахмурилась.

— Здесь мистер Свет-в-окошке, — объявил дед. — И он привёл маленького друга-педика. Он тоже небольшой свет в окошке, если ты понимаешь, о чём я. Они, вероятно, оба помрут от какой-нибудь венерки к Рождеству, так что я бы не привязывался к нему.

— Папа, тише, — сказала мама. — У нас гости.

— Это Джексон, парень, о котором я тебе рассказывал, — сказал я.

— Просто игнорируйте моего отца, — сказала она. — Он тот ещё тип. Где мой внук?

— Я его позову, Марта, — сказал дед, наклоняясь вперёд на своём кресле и с важностью вытягивая лицо вперёд. — Глухой мальчик? Глухой мальчик! — ревел он.

— Ох! Он тебя не слышит, потому что глухой как столб, Марта! Ох, ты только представь!

— Если бы ты не был моим отцом, я бы перекинула тебя через колено! — сказала мама. — Иисус, Мария и Иосиф, с чем мне приходится справляться! Где этот ребёнок?

— Он общается с Бамблби, потому что у него есть мозги, — наблюдаленно сказал дед. — А он далеко пойдёт, этот ребёнок. Твой сын превратит его в декоратора, если не будешь осторожна, Марта. Или, может быть, выберет карьеру типа парикмахера. Он будет выражать мнение педиков для натуралов.

Джексон бросает на меня очередной недоумённый взгляд.

Увидев бабушку, Ной подбежал к ней.

— Привет! — вззвизгнул он.

Мама обняла его.

— Джексон работает в медицинском центре, — сказал я в попытках завязать разговор.

— Вы доктор? — спросила мама, внезапно заинтересовавшись.

— Я медбратья.

— Он нянька! — воскликнул дед. — Ты его слышала, Марта? Он нянька! И признаётся в этом!

— Папа, ты заткнёшься? — спросила она.

— Медсёстры зарабатывают хорошие деньги, — сказал дед. — Если педик хочет быть медсестрой, то пусть будет медсестрой. Ведь не нужна же научная степень, чтобы подтирать кому-то зад.

— Нам следует позволить ему тебя обмыть, — язвительно сказала мама.

— С радостью разрешу ему меня помыть, — сказал дед. — Если там внизу ещё осталось, что мыть, то вперёд. Не думаю, чтобы там что-то работало со времён семидесятых. После того сифилиса меня так накачали пенициллином, что я срал своими собственными кишками. Чего бы я только не отдал ради ещё одного хорошего стояка!

— О Господи, — в неверии прошептал Джексон, качая головой.

— Игнорируй его, — сказал я.

— Последняя медсестра, которая приходила меня проводить, — воровка, — объявил дед. — Чёртова воровка!

— Следи за языком, папа! — сказала мама. — И она не воровка. Она очень милая женщина, раз справляется с твоим упрямством.

— Она забрала мои чёртовы зубы, Марта! — злобно воскликнул он.

— О, это не так! — ответила мама.

— Чего она хочет от моих проклятых зубов? Продать их на eBay? Или, может быть, это был сувенир? Может быть, она крадёт зубы у всех стариков, просто чтобы получить кайф. Что ж, я бы хотел подарить ей кайф.

— Если она украла твои зубы, то почему они сейчас у тебя? — спросила мама.

— Ну, то-то и оно. Она очень умная, эта медсестра. Она крадёт что-то, а затем возвращает. Думаю, она просто прощупывает почву.

— Или, может быть, она их для тебя почистила.

— Я всё равно испугался, Марта. Я не хочу, чтобы люди тягались с моими чёртовыми зубами.

— Пожалуйста, не ругайся, папа, — сказала мама. — Клянусь, я заклею тебе рот скотчем.

Дед рассмеялся.

Джексон довольно нервно захихикал.

— Она называет себя медсестрой, — продолжил дед. — Медсестра! Скорее чёртова нацистка. Она сказала: "У меня для вас есть три слова, мистер Кантрелл. Упражнения, упражнения, упражнения". Я сказал: "У меня есть три слова для тебя, душечка: Чёртов Вейт Вотчес*". Ты огромная, как проклятый дом! Если сядешь мне на колени, то сломаешь каждую кость в моём теле". Ради Христа, что за жирная туша! Ох, ты бы её видел. Когда она стоит у моей кровати, половина её зада в округе Юнион, а половина в округе Ли. Что за чёртов кит! Я сказал: "Дорогая, а тебе действительно не помешает свой собственный почтовый индекс, как считаешь? Власти могли бы нарисовать пунктир на твоей спине и использовать тебя как районный аэропорт! А военно-воздушные силы могли бы нанять тебя в качестве авианосца!"

**Вейт Вотчес* — целый интерактивный комплекс мероприятий на коммерческой основе, направленный на корректировку таких составляющих жизни, как питание, активность, психологическое отношение к себе и кругу общения.

— Я расскажу ей, что ты наговорил, — поклялась мама.

— Я вижу, от кого ты это унаследовал, — наблюдало произнёс Джексон, краснея и глядя на меня.

— Ты тот ещё тип, да, деда? — спросил я.

— Знаешь, что она мне сказала? — спросил дед, находясь уже в своей стихии, завладев вниманием, которого жаждал. — Знаешь, что она сказала? "Не разговаривайте так со мной, мистер Кантрелл". И знаешь, что я ответил? Я ответил: "В своём собственном доме я буду говорить с тобой так, как захочу, спасибо тебе большое. Я не какой-то бедный сукин сын в доме престарелых, воняющий мочой и поедающий желе и яблочное пюре из-за того, что у него нет чёртовых зубов и чёртовых друзей. В своём собственном доме я буду разговаривать так, как захочу, спасибо!"

— И что она на это сказала? — спросил я.

— Она не ответила! — драматично воскликнул дед. — Я поднял глаза, и у неё были сжаты зубы, потому что она нажирала себе вес чёртовыми сладостями с арахисовым маслом. О, я никогда в жизни не видел такого зрелица. Она просто пихала себе всё это в огромное жирное чёртово лицо. Ох, ты бы не захотел, чтобы это увидели твои дети, Вилли, я тебя уверяю. Боже, меня это напугало. Это должно быть

незаконным, так пугать людей. Возможно, у меня никогда в жизни больше не будет стояка.

— Побойся Бога, папа, — в отчаянии сказала мама.

Дед хихикнул в своём сумасшедшем стиле.

— Вы не возражаете, если я воспользуюсь вашей уборной? — спросил Джексон.

Мама велела мне показать ему, где она находится, и мы скрылись в доме.

— Иисусе, — воскликнул Джексон.

— Что? — спросил я.

— Твой дед!

— Он очень забавный, как только ты поймёшь, что он просто пытается тебя завести.

Джексон расстегнул ширилку, чтобы отлить.

Я перегнулся, чтобы посмотреть.

— На что смотришь? — спросил он.

— На то, чего надеюсь увидеть намного больше? — с улыбкой произнёс я.

— Значит, когда ты говорил о голом кемпинге, ты имел в виду... быть обнажённым всё время?

Я видел, что он переживает.

— Правильно. Всё время.

Он не знал, что с этим делать.

— Тебя беспокоит необходимость быть голым? — спросил я.

— Что, если нас кто-нибудь увидит?

— Например, кто? Это частная собственность.

— Какой-нибудь охотник или кто-то ещё.

— Как в "Избавлении"?

— Именно, — сказал он.

— Всяко бывает, — сказал я. — Может, нас там ждут какие-нибудь возбуждённые дятлы. Нужно воспользоваться шансом. Ведь они могут нас изнасиловать.

— Я вырос в городе, — подчеркнул он.

— Всё нормально. Они насилиуют и городских. Ты должен был время от времени ходить в походы.

— В бойскаутах. Я ненавидел это.

— С тобой всё будет в порядке. А теперь отправляй коня в амбар и давай пошевелимся.

— Кстати говоря, помнится, ты говорил, что мы будем кататься на лошадях.

— Так и есть. На деревенских лошадях. Мы называем их квадроциклами.

— Ты ждёшь, что я сяду на квадроцикл?

— Это противоречит твоей религии?

— Я не знаю, как им управлять.

— Что там знать? Жмёшь газ — едешь вперёд. Жмёшь тормоз — останавливаешься. Что ещё?

Его лицо выглядело обеспокоенным.

— Теперь ты в руках папочки Вилли. Прекрати рыдать, городской пижон.

Выходя на улицу, я выгнал из гаража два из трёх квадроциклов. Джексон,казалось, был настроен весьма скептически.

— Их могут водить и маленькие дети, — сказал я. — Будь мужчиной!

Он потренировался вождении во дворе и обнаружил, что это настолько просто, что на это способен даже янки.

Время приближалось к пяти, когда мы, наконец, стартанули. Квадроциклы были загружены сумками и готовы к дороге. Я вёл нас через мамин огромный задний двор к деревьям и холмам, и нас быстро проглотили возвышающиеся сосны, дубы и ели. Мы последовали по тропе вдоль берега реки, направляясь глубже в лес, где было жарче, воздух был густым от влажности, и заросли выходили из—под контроля.

Ной сидел позади меня, держась за мою талию. Он приглядывал за Джексоном, чтобы убедиться, что тот не попал в неприятности и не заблудился.

Мы проехали два из трёх заливов и наконец, выехали на большой склон у реки, где находилось место для кемпинга. Дальний берег был высоким, как маленький обрыв. Ближний берег был чистым и отчасти плоским — идеальное место для того, чтобы разбить палатку и разжечь костёр. Река сильно накатывала на берег и медленно возвращалась в течение.

Я слез с квадроцикла и огляделся вокруг с широкой улыбкой на лице.

Летом мы с Ноем проводили много времени на этом месте. Иногда с нами ездили мои племянники. Иногда Билл. Но обычно мы с Ноем были одни.

Место было уединенным, далёким от цивилизации, мирным, тихим, успокаивающим. Бриз всегда следовал за руслом реки и проносился мимо нас и над нами.

Стоя там, пока мирно текла вода, я чувствовал себя счастливым.

— Пойдём поплаваем, — сказал я, вспотев после короткой поездки. Я снянул с себя одежду и голым побрёл в воду. Ной разделся и с нетерпением последовал за мной.

Мы обернулись посмотреть на Джексона.

Выражение его лица говорило, что он городской мальчик, который никогда не купался нагишом и не собирался начинать сейчас.

— В воде нет крокодилов? — спросил он.

— У нас здесь не водятся крокодилы, — сказал я. — Но вот аллигаторы, это другая история. Есть парочка большезадых особей. Обычно они нас не беспокоят.

— Думаю, я просто посмотрю.

Он говорит, что будет просто смотреть, — прожестикулировал я Ною.

Сын улыбнулся.

Я улыбнулся в ответ.

Мы вернулись на берег и затащили его с нами в воду, улюлюкая, крича и поднимая гвалт.

Глава 34

Кабаны

После купания мы надели шорты и сели на солнце, сохнуть, наслаждаясь ощущением того, как Мать Природа приятно опаляет наши тела. Мы наблюдали за Ноем, который играл на маленькой песчаной отмели у кромки воды. Он ползал на четвереньках, строя замок или крепость, используя гладкие, плоские камни, чтобы выкопать зубцы и всякую всячину. Он уже стал светло-коричневого цвета.

— Можно сказать, что у него задержка роста, — наблюдательно отметил Джексон.

— Немного, — сказал я. — Мне нравится приводить его сюда, позволяя получить немного солнечной и водной терапии. Он проводит весь день, играя в воде или на песке, просто дурачится. Кажется, это ему помогает. На самом деле, это помогает нам обоим.

— Мило, — отозвался он.

Я достал солнцезащитный крем и подошёл к Ною, чтобы нанести толстый слой на его плечи, лицо, грудь и ноги.

Ты *голодный*? — прожестикулировал я.

Он покачал головой, объясняя, что строит небоскрёб, как тот, в котором жил Железный человек.

Я принёс сок и протянул его сыну, а затем наблюдал, как он играет в своём молчаливом мире, соскрабая песок, нагромождая его, роя траншеи, строя стены.

Я поработаю над своим загаром, — сказал я.

Хорошо.

Скажи мне, если проголодаешься.

Хорошо.

Выпей свой сок.

Отстань от меня!

Я пошёл обратно к лагерю и расстелил полотенце.

— Можешь намазать на меня этим? — спросил я Джексона, усевшись перед ним и протягивая солнцезащитный крем.

Его руки на моих плечах казались настолько нежными, что я закрыл глаза.

— Я мог бы провести здесь всю свою жизнь, — сказал я, вдыхая чистый воздух, сладкий аромат деревьев и речной воды.

— Ты не боишься змей и медведей?

— Только когда они кусаются.

— А здесь есть медведи?

— Насколько мне известно — нет. О чём тебе нужно переживать, так это о кабанах.

— Кабанах?

— Они тоже жестокие ублюдки, — сказал я. — Если когда-нибудь увидишь одного, просто держись подальше. Они оторвут тебе чёртову ногу, можешь не сомневаться.

— Серьёзно?

— Такое случилось с моим братом Джерри. Он был здесь, рыбачил и заснул. Пришёл табун кабанов, и ничего не поделаешь.

— Боже, это ужасно!

— Мы нашли части его тела вверху и внизу по реке. Нашли всё, кроме его правой руки.

— Это... это ужасно. Сколько ему было?

— Двенадцать.

— Он был здесь один, и ему было всего двенадцать?

— Мы услышали, как он кричит. К тому времени, как мы с моим братом Билли добрались сюда, не осталось ничего, кроме крови и разбросанных повсюду конечностей. Это было огромное чёртово месиво.

Он умолк, задумчиво скав губы.

— О мой Бог, — в ужасе прошептал Джексон.

Я позволил ему немного обдумать это.

— Ты веришь во всё, что слышишь? — спросил я. — Если так, то на юге ты долго не протянешь.

— Ты это выдумал?

— Так мы и делаем, мальчик янки. Поэтическая вольность и всё такое.

— Ты ублюдок!

— Видел бы ты своё лицо! У меня даже нет брата по имени Джерри.

— Я должен надрать тебе зад.
— Сначала возьми у своей мамочки разрешение на поход.
— Ты точно за *это* поплатишься.
— Обещания, обещания.
— Ты и насчёт кабанов врал?
— Их не так уж много. Придется зайти очень глубоко в лес. Я никогда не видел ни одного здесь поблизости. Если увидишь, держись подальше. Это самый лучший совет. Может они и не оторвут тебе ногу, но кусок точно отхватят. Мой друг Бо как раз закончил купаться голышом, когда из леса вынесся один из этих ублюдков и начисто откусил ему член.
— Просто откусил? Вот так вот?
— Да, — сказал я. — Потом этот ублюдок кабан насадил его на палку и поджарил на костре, пока Бо сбегал домой и попытался объяснить всё мамочке.
— Так ты опять мне врёшь?
— Это южная традиция.
— А в воде есть крокодилы?
— Мне надоело говорить тебе, что поблизости нет никаких крокодилов.
— В чём разница?
— По большей части в произношении, — ответил я.

Глава 35

Рыбалка

Когда солнце начало опускаться, воздух остыл, и тени упали на деревья и воду. Обильно побрызгавшись репеллентом от комаров, мы с Ноем сидели на камнях на дальнем конце изгиба реки, держа удочки в ожидании поклёва, забросив свои лески в глубокую часть залива под маленьким обрывом.

Джексон разбирался с костром, бродил по кемпингу, собирая сухие ветки с упавших деревьев, создавая аккуратную кучу.

По радио передавали частоту "КУДЗУ". Джексон переключил канал, и в нашу сторону поплыли звуки «Би Джиз», объясняющих, что никто не получает "Слишком много рая". Я как раз собирался пожаловаться, когда Ной буркнул и потянул за свою удочку.

— Хах! — просияв, воскликнул он, глядя на меня через плечо.

Я поспешил к нему, показывая жестами "без резких движений", наблюдая за ним; готовый схватить удочку за него, если понадобится.

— Хах! — снова воскликнул он, довольно усмехаясь.

Его леска плыла по воде с одной стороны на другую, пока рыба пыталась ускользнуть.

Без резких движений, — прожестикулировал он.

— Он поймал? — крикнул Джексон, подбегая ближе.

— Крупную шишку, — гордо произнёс я.

— Откуда ты знаешь? — спросил Джексон.

— Видишь, как у него согнулась удочка? Чёртова рыба вырвет её у него из рук, если продолжит так бороться.

— Я очень голоден, — сказал Джексон.

— Ужин на подходе! — счастливо ответил я.

Примерно в трёх метрах от нас раздался всплеск.

Губы Ноя теперь были сжаты от концентрации. Он смотрел на воду, наблюдая за тем, как его леска медленно приближается к берегу. Рыба плескалась и затягивала серьёзную борьбу, но Ной продолжал притягивать её и не давал слабины, чтобы та могла сорваться с крючка и уплыть.

Когда рыба приблизилась к берегу, я схватился за леску и поднял её из воды.

Двухкилограммовый окунь, как пить дать.

— Хах! — довольно взвизгнул Ной.

Я вынес рыбу на берег, в место, откуда она уж точно не смогла бы ускользнуть, и мы осмотрели её со справедливой толикой гордости.

— Я хочу попробовать, — сказал Джексон.

— Возьми мою удочку. Эту рыбу я почищу и пожарю на огне. Если поймаешь ещё одну, будет добавка.

— По рукам, — отозвался Джексон.

Он был большим! — восторженно прожестикулировал ему Ной.

Да, большим, — ответил Джексон. — *Можешь показать мне, как...?*

Ной с готовностью кивнул, насаживая на крючок наживку и показывая ему, как забросить леску в воду.

Я выпотрошил рыбу, очистил её, сполоснул в реке и отнёс обратно в лагерь.

В течение часа были приготовлены и съедены три окуня хороших размеров, и опустилась настоящая темнота.

Вытерпев поп-музыку во время всего ужина, я переключил станцию обратно на "КУДЗУ", своего надёжного спутника, и был вознаграждён песней Джона Денвера "Хвала Богу, я ковбой".

Ну, на ферме жизнь по мне — тишь да гладь

Не много того, с чем не мог бы совладать...

Я поднялся на ноги, начал танцевать и петь во всю глотку. Ной присоединился ко мне, и мы проделали несколько наших стандартных хореографических движений, созданных для того, чтобы впечатлить зрителей. Ной по-настоящему играл на публику, когда дело доходило до показухи и хвастовства. Мы танцевали деревенский хоровод.

Джексон рассмеялся.

— Давай, городской мальчишка, — сказал я, обращаясь к нему. — Не сиди там, как шишка на бревне!

Джексон застенчиво поднялся на ноги. Он пытался танцевать, но музыка была ему незнакома.

— Подожди, — сказал я, опускаясь на корточки, чтобы сменить станцию, и наш лагерь внезапно заполнился звуками "Буги Уги Уги". Теперь, находясь в своей стихии, Джексон продемонстрировал нам несколько круtyх диско-движений. Ной счастливо хлопал в ладоши и тут же начал пытаться подражать ему.

Я улыбнулся, наблюдая за ними, массовик-затейник во мне думал, что из них получилась бы хорошая парочка, которая смогла бы устроить фурор, если бы захотела. Я представлял их в маминой гостиной во время приближающейся вечеринки по случаю дня рождения Ноя. Даже мама не смогла бы задрать нос, глядя на это. Это было просто слишком мило.

Устав от танцев, мы разожгли костёр побольше, что отпугнуло комаров. Сверху со своей необъятностью и таинственностью на нас смотрели звёзды. Полумесяц поднялся и медленно двигался по небу.

Мы с Джексоном разговаривали.

Ной стал сонливым и принёс мне своё одеяло в знак того, что ему пора в кровать. Я помог ему раздеться до трусов, затем усадил к себе на колени, закрутил в одеяло и

держал на руках, пока он не заснул, всё это время болтая с Джексоном обо всём и ни о чём.

Когда Ной уснул, я отнёс его в палатку и уложил, устраивая в спальном мешке. Уходя, я убедился, что палатка надёжно застёгнута.

Вернувшись к костру, я разделся догола и сел перед Джексоном Ледбеттером с совершенно очевидными намерениями.

— Я никогда не занимался любовью под лунным светом, — признался он.

— Никогда? — искренне удивился я.

— Это часть ухаживаний? — спросил он.

— Это лучшая часть ночи. Мошки ушли спать. Луна поднимается. Много ночей я сидел у костра, думая, мечтая...

— Подрачивая.

— И это тоже. Здесь ты по-настоящему один в мире, по-настоящему вдали от всего. Кроме этого, здесь отличное место для секса.

Он медленно снял свою майку, шорты, нижнее бельё. Я смотрел на его тело в свете костра, испытывая вожделение.

— Хочешь поплавать? — спросил я, поднимаясь на ноги.

— В темноте? — его голос звучал испуганно.

— Идём, — сказал я, протягивая руку.

Я повёл его к воде. Мы зашли вместе, держась за руки. Он боялся, так что я обвил рукой его талию, подарив ему подбадривающий поцелуй.

— А как же каймановые черепахи? — спросил он, окидывая взглядом тёмную воду вокруг.

— Они, наверное, пошли в кровать, — произнёс я.

Я погрузился в воду и немного отплыл. Вода была идеальной, смывала дым и жар костра, охлаждая меня, освежая, нежно и легко обтекая конечности, вверх по спине и по груди.

— Идём, — позвал я.

Он стоял в воде почти по пояс и не собирался идти дальше.

Я немного поплавал, вернулся к берегу и сгрёб его в объятия. Он намочил волосы, охлаждаясь. Держа его за руку, я пошёл обратно к костру и сел, притягивая его к себе.

Некоторое время было тихо, и мы отправились в постель.

Глава 36

Купание нагишом

На следующее утро я проснулся первым, тихо выскользнул из палатки и встал в свете раннего утреннего солнца, потягиваясь и невероятно радуясь тому, что жив. Потом, зайдя за дерево, я отлил, теряя вместе с мочой первый стояк дня.

После этого я быстро искупался, затем пошёл к камням на дальнем конце берега и присел, позволяя солнцу высушить меня.

Я наблюдал, как вода лениво течёт мимо, и думал о Родни, одном из моих первых бойфрендов. Однажды я трахал его прямо здесь, сидя на этих камнях, пока на нас светило солнце. Трахал его жёстко и как следует. Затем он трахал меня жёстко и как следует. Мы провели много времени, делая друг другу минут. Я думал, что влюблён, но он продержался недели три и исчез, а я был отчасти рад, потому что мне становилось с ним скучно, и я хотел чего-нибудь ещё. Чего, я не знал. Секс был

забавен, секс был хорош, но этого было недостаточно. «Он не был знойным», — подумал я, вспоминая слово Джексона.

С Джексоном всё происходящее было знойным.

Ной проснулся, прошагал к камням, его кожа была красно-золотистой. Он сел рядом со мной, проверяя, улыбаясь.

Ты хочешь есть? — спросил я.

Он покачал головой.

Хорошо спалось?

Он кивнул.

Хочешь пойти поплавать?

Его лицо засветилось.

Мы забрались в воду и долго плавали.

Когда он устал, я взял его на руки и зашёл в воду глубже. Затем он забрался за меня и держался за мою шею, пока я плыл дальше, по-собачьи, наслаждаясь тренировкой. Затем я развернулся и проплыл по-собачьи весь путь обратно к берегу, где мы сели на песок, пока с наших тел капала вода.

Из палатки появился Джексон, скрылся в деревьях, вернулся и глупо нам улыбнулся.

— Хорошо спал? — спросил я.

— Без задних ног, — признал он.

— Ты знал, что пердишь во сне? — спросил я.

— Не правда! — произнёс он, возмущённый, обиженный и не уверенный, верить ли мне.

Я помахал рукой перед носом, и мои глаза расширились.

— Ты такой лжец! — воскликнул он.

— Спроси Ноя. Он не слышал, но точно чувствовал запах. Нам пришлось проветрить палатку.

— Не правда.

— Ну, смотри сам.

— Ты такой плохой человек, — сказал он. — Но мне нравится, как ты говоришь.

— Это хорошо, потому что я часто так делаю. Ты говоришь, как чопорный британский трансвестит.

— Нет!

— *Hem!* — произнёс я, подражая ему, но вульгарно преувеличивая эффект.

— Я так не говорю!

— *Я так не говорю!*

— Прекрати!

— *Прекрати!*

— Я тебе покажу! — поклялся он.

Он сбросил свои шорты и трусы.

Я встал, смеясь.

— Я надеру тебе зад! — сказал он.

— Ты и какая армия Севера? — спросил я, ускользая в глубокую воду, смеясь.

Ной издал звук гудка.

Джексон прыгнул в воду за мной, с выражением решимости на лице.

— Давай, цыплёнок! — крикнул я.

Я поплыл к глубокому краю. Он отправился следом, потащил меня назад. Началась неразбериха. Он топил меня. Я топил его. Мы буянили. Затем принялись поднимать Ноя и подкидывали его так высоко, как могли. Он брызгался в воде и смеялся от удовольствия. Снова и снова, мы подбрасывали его, Джексон усмехался,

Ной гудел и кричал, а я влюблялся в этих двух мальчишек слишком сильно, чтобы знать, что с этим делать.

Затем я услышал вой квадроцикла.

— Подожди! — воскликнул я, поднимая руки вверх, чтобы создать тишину.

Врррр!

— Вот чёрт, — сказал я, спеша к берегу.

— Что? — крикнул Джексон.

— Это мама. Не дай ей тебя увидеть! У неё будет чёртов инфаркт.

Я как можно быстрее поплыл к берегу, но она приехала к месту лагеря раньше, чем я успел надеть шорты. Она хорошо разглядела моего Вилли и была в ярости.

Ной счастливо закричал:

— Баба!

Он побежал к ней с широкой улыбкой, вместо одежды.

Где твоя одежда? — сердито поинтересовалась она.

Он пожал плечами.

Я поспешил натянуть свои шорты, схватил шорты Ноя и помог ему одеться.

Джексон оставался в воде, присев, чтобы спрятать свою наготу, как Адам в Эдемском саду.

— Чем вы занимаетесь? — требовательно спросила мама, глядя на меня.

— Купаемся нагишом, мама, — сказал я.

— Вилли, у вас рядом ребёнок!

— Не думаю, что его это сильно заботит.

— Что подумают люди?

Я довольно тяжело вздохнул.

Мы вчера вечером поймали три рыбы, — прожестикулировал ей Ной.

Иди поиграй, — жестами показала она, с лицом, полным злости.

Он нахмурился.

— С тобой у меня ум за разум заходит, Вилли, — сказала она, глядя на меня тяжёлым взглядом.

— Это просто купание нагишом, мама.

— Мне плевать, чем ты занимаешься, когда делаешь это один, но не вовлекай в это своего ребёнка. Что с тобой не так? Этот мужчина может быть педофилом! — последнее она сказала очень тихо.

— Я в этом сомневаюсь.

— Я не хочу, чтобы ты подвергал моего внука этому... образу жизни. Я не приму этого. И уж точно не на моей территории. Одному Богу известно, что еще ты демонстрируешь моему внуку.

— Он и раньше видел мой член, мама.

— Для тебя это шутка, Вилли?

— Не уверен, что в этом есть что-то большее.

— У тебя нет никакого стыда?

— Я преодолел его.

— Ты невозможен!

— А ты нервная ханжа. Но спасибо, что заскочила.

— Я знаю, что вы с Билли приезжали сюда купаться нагишом, когда были детьми, — сказала она, в её голосе звучал намёк на то, что в этой истории есть нечто большее.

— И что? — спросил я, хватая наживку.

— Тебе когда-нибудь приходило в голову, что, может быть, из-за этого ты сейчас такой испорченный?

— Я гей потому, что ходил купаться нагишом с Билли, когда нам было по десять лет?

— И ты видел вещи, которые, может быть, тебе не следовало видеть...

— Я видел пенис Билли. Ничего себе! Да, это причина того, почему я гей. Я увидел маленькую пи-пи своего брата, и зажегся огонь.

— Правильно, издевайся надо мной, как делаешь всегда.

— Если это правда, мама, почему Билли тоже не гей? Он видел мою пи-пи. Мы спали в одной комнате, пока росли. Не похоже, что на него это сильно повлияло. Иисусе, мы вместе принимали ванну!

— Некоторые дети могут с этим справляться, — чопорно заявила она. — Некоторые — нет. Для некоторых детей это очень травматично.

Я не хотел этого, но рассмеялся ей в лицо.

— Посмейся, — сказала она. — Ты будешь смеяться всю дорогу до вечного ада. Но будь я проклята, если ты утянешь моего внука с собой.

— Ты сумасшедшая, мама. Видела бы ты, какая ты смешная.

— Я очень серьёзна.

— О, я это знаю. Поэтому и смеюсь.

— Я устала от того, как ты высмеиваешь нашу религию!

— Разве я это делаю?

— Вся твоя жизнь — это глумление над нашей религией, Вилли.

— Мне следует на это надеяться, — серьёзно сказал я. — Нужно жить свою жизнь так, чтобы священник не спал по ночам, вот, о чём я говорю.

— Ты не дослушал до конца, — поклялась она, тыкая пальцем мне в лицо. — Если бы твой отец, упокой Господи его душу, был всё ещё жив...

— Что ж, спасибо Богу за малые благодати.

С её губ с пыхтением сорвался пропитанный злобой воздух, когда она развернулась и зашагала прочь.

Глава 37

История моей жизни

— Надеюсь, это не станет сценой одной из твоих книг, — сказал Джексон, ссылаясь на визит моей матери.

Мы сидели на камнях и рыбачили. Я бренчал на гитаре, пока мы ждали поклёвки. Ной смотрел на воду с крайней серьёзностью, будто мог одним взглядом заставить рыбу клюнуть на его крючок.

— Я могу придумать более интересную историю, — сказал я. — Похотливый отец-одиночка встречает горячего медбрата из далёкой, дикой, голубой страны Янки. Они целуются на берегу реки. Они влюбляются, усыновляют восемь детей и становятся первой парой в штате Миссисипи, которая заключает законный однополый брак. Это могло бы сработать.

— И всё это из-за купания нагишом?

— Мне пришлось бы добавить, что у медбрата добрые глаза. Не с прищуром и насмешкой. Не дерзкие и похотливые. А добрые глаза. Как будто он добрый человек. Ещё у него гладкое, сексуальное тело, словно он часто делает приседания или что-то ещё, для чего писатели слишком заняты. Ещё у него потрясающий член. В общем и

целом, он выглядит так, будто мог бы быть атлетом в какой-то другой жизни, одним из тех греческих парней, которые бегали голыми на первых Олимпийских играх.

— А что бы ты сказал о похотливом отце-одиночке?

— Я бы сказал, что он был немного не в порядке. Одинок и в поисках чего-то, что, кажется, не мог найти. Всё, к чему он прикасается, превращается в дерьмо. Он саркастичный, потому что постоянно злится. Но на самом деле он не знает, на что злится. Ему почти тридцать три, и его это пугает, потому что он чувствует себя неудачником. Всё, что у него есть, — это его ребёнок, но у этого ребёнка много проблем со здоровьем, и иногда он немного устает от заботы о нём, но никогда не признается в этом, так что...

Я замолчал, чувствуя, что сказал слишком много.

— Может быть, медбратья тоже одиноки, — предположил Джексон. — Может быть, он искал кого-то, с кем провести свою жизнь, состариться, кого-то, кого можно уважать и оберегать. Может быть, он чувствует, что никогда не встретит правильного человека. Может быть, он вроде как сдался, но затем однажды встречает красивого мужчину, отца-одиночку... и что-то происходит, а затем они влюбились, заключили однополый брак и жили долго и счастливо.

— Это было бы действительно интересно, — признал я.

— Каковы шансы, что такая история сбудется? — спросил он.

— Ты упустил часть о восьми детях.

— Разве?

— Это самая важная часть. Ты не хочешь детей?

— Я никогда не думал об этом.

— Я всегда хотел больше детей.

— Почему бы тебе не усыновить кого-нибудь?

— Сначала мне нужно выйти замуж, найти хороший дом и устроить карьеру, найти, что ещё я могу предложить. Мне нужен как минимум один горшок, чтобы в него мочиться.

— А если бы у тебя все это было?

— Ну, я всегда хотел дочку, так что пришлось бы начать с этого. Потом, думаю, мы бы усыновили восемь или девять детей, просто в довершение. Один из них, вероятно, оказался бы гомосексуалом, и этого мы бы выбрали любимчиком и отправили бы его или её в колледж. Как только они стали бы подростками, мы бы отправили их в пансион, потому что я не собираюсь иметь дело с таким дерьмом, через которое сам заставил пройти свою мать, когда был подростком. Затем мы бы решили, которого оставить. Я не знаю. Может быть, мы бы оставили их всех, если они будут хорошими. Или, может быть, мы могли бы продать парочку на eBay и возместить некоторые из своих вложений.

— Звучит так, будто ты всё это распланировал.

— В этом моя проблема. То, чего я хочу, никогда не произойдёт. У меня всегда такое чувство, будто я родился не в то время, не в том теле. Я был бы отличной мамашей, знаешь ли. Я бы хотел возиться с детьми, проводить дни, утирая носы и вытирая детскую рвоту, пока мой муж ходит на работу и приносит домой бекон. Я бы великолепно проводил время в шестидесятых со всей этой свободной любовью — я был бы замечательным хиппи. Я бы расхаживал по Сан-Франциско с цветком в заднице и членом наперевес и был бы более чем счастлив жить в коммуне*. Еще маленьkim, я мечтал быть мальчиком-индейцем, кататься на своём пони, стрелять из лука, свободно жить под солнцем. У меня всегда такое чувство, будто я должен быть где-то в другом месте, заниматься чем-то другим, быть кем-то другим.

*Коммуна хиппи — главная форма их самоорганизации, где хиппи могут жить на собственный лад при поддержке общества, и где соседи терпимо относятся к ним. Обычно это незаселённые и пустующие дома в городах, либо усадьбы в лесах вдали от цивилизации.

— Что не так прямо здесь и сейчас?

— Если бы другие люди позволили мне жить своей жизнью, всё было бы не так плохо.

— Почему тебя это волнует?

— Из-за семьи. Не могу убить их добротой. Не могу воспользоваться молотком, хотя бы потому, что от этого будет чертовски большой беспорядок. Уборка — настоящая сука, мне ли не знать. Так что ты просто вроде как застреваешь с ними. В любом случае, это напоминает мне о разнице между северной сказкой и южной сказкой.

— Что это такое? — спросил он.

— Северная сказка начинается со слов: "Жили-были" и всё такое. В южной мы начинаем со слов: "Вы не поверите в это дермо!"

Он рассмеялся.

— Эй, — внезапно произнёс он.

Его удочка дёрнулась.

— У тебя клюёт, — сказал я.

— Хорошее дело!

Глава 38

Отец Гиндербах

В воскресенье утром мы отправились обратно, совершая лишний объезд на квадроциклах через лес, так как Джексон уже решил, что ему нравится кататься, и захотел провести побольше времени на колёсах.

К десяти мы были вымыты, одеты и готовы пойти с мамой к половине одиннадцатого на мессу в церкви Святого Франциска в Нью-Олбани. Джексон никогда не был на мессе, поэтому не знал, чего ожидать. Дед больше не ходил на мессы, открестившись от тех, кого называл "проклятыми безбожными католиками".

Хоть у меня и было много тёплых воспоминаний о церкви Святого Франциска, в целом это была однообразная сцена мучительного заламывания рук и бесконечных нравственных головоломок.

Мы нашли пустую скамью. Мама села с одной стороны, Джексон — с другой.

Мы с Ноем немного постояли на скамейке для коленопреклонения, произнося молитвы, ведя себя набожно. На самом деле я не читал молитвы, просто соблюдал формальности и надеялся, что какой-то Бог, который был там наверху, был добрым и милостивым Богом, а не ужасным старым мудаком, который раньше пугал меня до смерти, а теперь только навевал скуку.

На нас смотрели. Много смотрели.

Моя мама была счастлива, что на Ноя смотрят, и тихо переговаривалась, когда подходили её друзья и знакомые, устраивая суматоху из-за него. Однако то, что она получает взгляды посторонних из-за близости со мной: мужчины с длинными волосами, неподобающим поведением, отсутствием всяческого уважения, а еще и в

компании симпатичного парня, который сидел рядом и явно чувствовал себя не в своей тарелке, ее радовало куда меньше.

То, что я педик, стало обычной новостью, которую должны были узнать все прихожане. Всё остальное дополняли их воображение и возмущение. Глаза, которые смотрели на меня, кажется, желали, чтобы я каким-то образом взял себя в руки, перестал заниматься сексом, быть мальчиком-геем и позорить свою бедную маму и семью. Возможно, я читал в них больше, чем там было. Возможно, нет. Ощущения отрицания не появилось.

Однако, младшие члены церкви Святого Франциска были несколько иного склада ума, и некоторые из них улыбались мне. Некоторые улыбки были весёлыми, ободряющими или просто дружелюбными. Некоторые — выражали любопытство.

Я был счастлив видеть суматоху вокруг Ноя. Мы приходили достаточно часто, чтобы большинство постоянных прихожан узнавали его, замечали, или хотя бы слышали о нём. Не нужно быть гением, чтобы понять, кто он, с задержкой роста, лишним мизинцем, случайным гудением или криком. Ещё у него были синяки под глазами, которые легко можно распознать, будто он не получал достаточно витаминов или мало спал. Когда сын открывал рот и демонстрировал проблемные зубы, второй ряд вдоль нижней челюсти — на все вопросы находились ответы.

— Миссис Оппи сказала мне, что её дочь называет Ноя «Мальчик, который выжил», — прошептала мне мама и неодобрительно нахмурилась.

— Это отсылка к Гарри Поттеру, — объяснил я.

— Всё равно, — ответила она.

Перед мессой новый священник, отец Гиндербах, прошёл к алтарю и по-особенному поприветствовал Ноя. Я ещё не слышал этого священника. Маме он нравился, что могло означать только то, что я возненавижу его. Но он удивил меня, повернувшись к Ною и идеально заговорив на языке глухонемых:

Добро пожаловать, Н—о—й. Мы счастливы, что ты пришёл.

— Хах! — счастливо прогудел Ноя. Он повернулся посмотреть, видел ли это я. Я ободряющее улыбнулся.

— Спасибо, — прожестикулировал он в ответ. — Я люблю Иисуса! — добавил он, используя специальный жест для "Иисуса".

— И он любит тебя, — ответил священник.

— Вы знаете язык жестов?

— Да. У меня глухая сестра.

— У меня нет сестры.

— У тебя много братьев и сестёр в церкви, Н—о—й. Благослови тебя Господь!

— Ты знала, что он умеет жестикулировать? — спросил я.

— Понятия не имела, — ответила мама.

— Он сказал, что у него глухая сестра.

— Думаю, он из Мемфиса. Его прислали сюда пару месяцев назад. Я не знала, что у него есть сестра.

— Он кажется милым, — признал я.

— От тебя это высокая похвала.

— После отца Джорджа, даже Саддам Хусейн покажется милым.

— Будь милым, Вилли. Хоть раз. Пожалуйста!

— Он был придурком, — прошептал я.

— Не ругайся в церкви. Ты меня провоцируешь?

— Это слишком просто. Может, тебе бы не мешало немного поднять настроение. Она поджала губы, заканчивая разговор.

Отец Гиндербах сделал кое-что ещё, что было довольно неожиданно. Когда пришло время проповеди, он на этот день отступил от текста Евангелия и предложил свои мысли о наставлениях Иисуса: "Пусть ко мне подойдут маленькие дети".

Он выделил Ноя как невинное существо, какими хотел видеть нас всех Христос. Он даже жестикулировал во время проповеди, чтобы объяснить Ною конкретные вещи, которых не было в его проповеди.

Это было довольно необычно, и я был оправданно ошеломлён. После многих лет отношения, как к позорному изгою от отца Джорджа, отец Гиндербах действительно отступил от своих канонов, чтобы поприветствовать Ноя в церкви и включить его в проповедь, относясь к нему так, будто он на самом деле был любимым ребёнком Господа и таким же важным, как все остальные дети на скамьях в этот день.

Я едва мог поверить в это.

Ной гордо улыбался. У него никогда не возникало проблем с тем, чтобы быть в центре внимания.

— Иисус разъяснил, что его царство создано из "таких, как эти" детей, и что именно они видят лицо Господа. Мы не должны препятствовать "таким, как эти", не тогда, когда они так важны для царства, — сказал священник.

После проповеди на нас смотрели ещё больше, но уже по-другому. Это были взгляды любопытства, даже принятия, даже счастья от того, что мы здесь. Даже мама сидела немного прямее.

Впервые за долгое-долгое время я чувствовал связь с церковью своего детства. Я на самом деле почувствовал, по крайней мере, на некоторое время, что у нас с Ноем может быть место в этой церкви.

Я пошёл за сыном в очередь для Причастия.

Гиндербах одарил меня любопытным взглядом, протянув облатку*. Из-за того, что я провёл так много времени среди глухих, я намного более чуток к едва заметному взгляду или намёку на смену выражения лица. Как и он, без сомнения. Его глаза явно говорили, что он точно знал, кто я — и по его книге со мной всё было в порядке. Это напомнило мне то, как на меня иногда смотрят священники-геи, которые точно знают, через что я прошёл, и знают, что есть путь через это, который не включает потерю себя или своей веры в искренне любящего Бога.

*Облатка — небольшая круглая лепешка из прессованного пресного теста, употребляется для причащения по католическому обряду.

Общение с прихожанами на улице после мессы собрало большое количество людей, они на самом деле потрудились подойти и поприветствовать Ноя, как живое человеческое существо.

— Что не так с этими людьми? — прошептал я маме.

— Может быть, тебе следует почаше ходить в церковь, — предположила она.

Глава 39

Нанесение удара

Билл, Шелли и их дети приехали в мамин дом на обед, который янки, как Джексон, называют ланчем. Джош и Эли взяли Ноя с собой поиграть с фрисби. Шелли и её дочь Мэри, чья грудь росла довольно быстро, помогали маме завершить все оставшиеся приготовления к трапезе.

Билл стоял и курил на крыльце, плюясь и прихлебывая пиво из холодильника в кузове своего грузовика, в это же время пытаясь завести с нами разговор, пока дед наблюдал, улыбаясь своей тайной улыбкой.

— Значит, ты работаешь в больнице? — произнёс Билл.

— Я медбратья в педиатрии, — сказал Джексон.

— И он признаётся в этом, — вставил дед.

— И ты не отсюда, — отметил Билл, услышав в голосе Джексона акцент северянина.

— Я из Бостона.

— И в этом он тоже признаётся, — недоверчиво произнёс дед.

— Путь из Бостона не близкий, верно? — с подозрением спросил Билл.

— Чем ты занимаешься, Билл? — спросил Джексон.

— Я работаю в "Лайн", — сказал он, будто это было достаточным объяснением.

Для большинства местных так и было.

— Хорошее дело, — ответил Джексон, когда дальше ничего не последовало.

— Вы ходили на кемпинг? — спросил Билл. — Ловили рыбу?

— Разве мы не всегда её ловим? — произнёс я.

— В той реке ублюдок-сом, которого я пытался поймать с четырнадцати лет, — сообщил нам Билл. — Этот сукин сын забирает твой крючок и оставляет тебя с яйцами. Если я когда-нибудь поймаю этого ублюдка, то возьму за яйца его, и он не будет от этого счастлив.

Джексон рассмеялся, затем резко остановился, не уверенный, была это шутка или... что ж, он не был уверен, что это было.

— Значит, ты и мой брат... — произнёс Билл, под его щекой выступал комок жвачки.

— Мы встречаемся, — сказал Джексон.

— Вы так это называете?

— А как это называешь ты?

— Я могу придумать несколько названий, — заявил Билл.

Джексон молчал. Он снова не был уверен, что это значило; не знал, как реагировать.

— Они педики, — сказал дед, просто чтобы убедиться, что всем было понятно.

— Спасибо, деда, — сказал я, глядя на него недобрый взглядом.

Пришла Мэри, чтобы позвать нас на ланч. На ней было симпатичное платье и ленточка в длинных, спадающих по спине волосах.

— Бабушка сказала, чтобы вы перестали пить и затащили свои задницы в дом, — объявила она. — Ты куришь, папа? Боже! Я думала, мама велела тебе бросить.

— Разве я когда-нибудь слушал твою маму? Иди, скажи мальчикам, чтобы шли в дом.

— Привет, — сказала она, глядя в упор на Джексона. — Ты... друг дяди Вилли?

— Да, — ответил Джексон.

— Бабушка говорит, что ты разговариваешь как чёртов янки... — отметила она.

— Мэри, следи за своим языком и иди позови мальчиков, — сказал Билл, перебивая её.

— Я услышала тебя с первого раза, папа!

— Тогда сделай это, чёрт побери! — рявкнул он.

Она подошла к краю крыльца и прокричала:

— Эли! Джош! Есть пора!

Мэри повернулась обратно к нам с милой улыбкой.

— У этой особы те ещё лёгкие, — отозвался дед.

— Пока, — попрощалась она, разворачиваясь и направляясь в дом.

— Она симпатичная, — отозвался Джексон.

— Она симпатичная заноза в моей заднице, — сказал Билл.

Билл выплюнул жвачку, и мы последовали за ним в дом.

Мы расположились за столом: Джексон и я с Ноем между нами на одной стороне, Билл и Шелли — на другой, с Мэри посередине, дед в конце стола, мама во главе, а мальчики втиснулись туда, куда смогли.

— Давайте помолимся, — сказала мама.

— Ты и твои чёртовы молитвы, — произнёс дед.

— Тише, папа, — отозвалась мама.

Мы взялись за руки и прочли молитву.

— Как тебе Тупело, Джексон? — спросила Шелли, пытаясь завести разговор, пока мы передавали по кругу жаркое, пюре, морковку, спаржевую фасоль, жареную окру и рулеты.

— Мне нравится, — сказал Джексон. — Пожалуйста, зовите меня Джек. Но город маленький.

— Тупело маленький? — произнесла Мэри, и её глаза расширились.

— По сравнению с Бостоном, — добавил он.

— Оу, — произнесла она.

— Мэри, дай старшим поговорить, — сказала Шелли.

— Есть, мэм.

— Мама сказала, что вы ходили купаться нагишом, — сказал Билл, резко меняя тему.

— Что в этом плохого? — спросил дед.

— Билли, не за столом, — сказала мама.

— Я хочу высказать своё мнение на этот счёт, — ответил Билл.

Шелли смиренно закатила глаза.

— Не заводи его, — сказала мама.

— Я его не завожу, — сказал Билл, глядя на меня.

Я нацепил свою улыбку а-ля «давай-выкладывай».

— Мне плевать на твой выбор *образа жизни*, Вилли, но не вовлекай в это своего сына, — сказал Билл. — Ты не думаешь, что это своего рода неприемлемо, что вы так обнажаетесь перед ребёнком?

— Почему каждый разговор в этой семье должен быть о моём пенисе? — спросил я, закатывая глаза.

Джексон фыркнул.

— Вилли! — воскликнула мама. — Не используй это слово в этом доме!

— Пенис, — сказал я. — Пенис, пенис, шменис. Кому какое дело, мама?

— Ох, начинается, — сказала Шелли, печально качая головой.

Я встал, расстёгивая штаны.

— Хотите на него посмотреть? — спросил я. — Это сделает вас счастливыми?

Мальчики визжали от смеха.

Дед усмехнулся и хлопнул в свои морщинистые ладони.

— Давай, педик! — радостно крикнул он. — Задай им хорошую взбучку! Не сдавайся без боя!

— Дядя Вилли! — воскликнула Мэри. — Ты такой извращенец.

— Сядь, — сказал Билл.

— Мы ходили купаться нагишом! — сказал я. — В штате Миссисипи не преступление плавать с болтающимся вилли.

— Ты должен освободить своего вилли, Билли, — вставил дед.

От мальчиков послышалось ещё больше смеха.

Билл покраснел от ярости.

— Видишь, о чём я? — произнесла мама, глядя на Билла. — Ты никогда до него не достучишься. Для него это всё шутки. Весь в своего деда.

— Нам обязательно говорить об этом сейчас? — пронзительным голосом спросила Шелли.

— Почему бы вам всем просто не оставить меня в покое? — предложил я, занимая своё место.

— Оставьте его вилли в покое, — сказал дед. — Бог Свидетель, как ему нужен весь возможный покой.

— Ты должен думать о ребёнке, Вилли, — сказал Билл. — Ты не можешь просто делать всё, что хочешь. Неужели ты умрешь, если хоть изредка будешь думать о том, что лучше для Ноя?

— Я мог бы спросить то же самое у вас, ребята, — отметил я.

— Я думаю о том, что для него лучше, — сказал Билл. — Библия довольно ясно даёт понять, что для него лучше.

— Разве? — спросил я.

— Видеть твой образ жизни не часть этого дела.

Я подготовился к очередной доставке из «Баптистленд»*.

* по аналогии с «Диснейлендом»

— Радуйся, Мария, благодати полная, — произнёс дед, — пожалуйста, скажи Билли заткнуть свой рот.

— Я намеревался высказаться, — сказал Билл.

— О, христиане, — сказал дед, тяжело вздохнув. — Всегда нужно высказывать своё чёртово мнение, будто мы уже не слышали его миллион раз. Они считают, что солнце встаёт только для того, чтобы услышать их радостные вопли. Что за кучка безбожных ублюдков.

— Не ругайся перед моими детьми, дед, — резко сказал Билл.

— Папа,тише, — сказала мама.

— Я буду ругаться в любое время, когда, чёрт побери, захочу, Билли Кантрелл, — ответил дед. — Вы, христиане, такие напряжённые. Каждый раз, когда вы садитесь, я задерживаю дыхание, потому что боюсь, что вы засосёте весь чёртов мир своими задницами.

— Папа! — крикнула мама.

— Это правда, Марта. Ты должна знать. В диване дырка там, где ты всегда сидишь. Наверное, в твоей прямой кишке крутится половина гостиной. А у Билли в заднице, наверное, половина Тупело. В следующий раз, когда обнаружится какая-то пропажа, Шелли, просто скажи ему наклониться и загляни в его задницу, потому что, вероятно, всё именно там.

Мама печально покачала головой.

Мальчики рассмеялись, чувствуя, что это смешно, но не совсем уверенные, почему.

— Не перед детьми, деда, — умоляла Шелли.

— Правда им не навредит, — сказал дед. — Или они должны сидеть и слушать только этого вашего безбожного проповедника — баптиста, да?

— Деда, — убедительно начал Билли, — в глазах Бога быть геем так позорно, что хорошим людям говорят не упоминать это в разговоре. "Мужчина на мужчине делая срам"*. И вот Вилли, щеголяет этим перед своим сыном. Берёт своего сына на кемпинг

со своим новым бойфрендом. Погрязает в грехе. Мужчина на мужчине — буквально. Выставляет напоказ свою наготу, будто гордится собой.

*Отсылка к "Посланию к Римлянам", книге Нового Завета. Глава 1, стих 27

— Не думаю, что хуже быть не может, — легко сказал я, очень стараясь не закатить глаза перед лицом этой миссионерской увертюры. Билл никогда не был ярым католиком, но после того, как женился на Шелли и начал тусоваться с баптистами, он стал таким же слабоумным ублюдком, как и остальные.

— Брат Джон говорит, что на нас давят гомосексуальными обязательствами, — решительно продолжал Билл, — заставляют принять грех как что-то нормальное, что-то, что мы должны "праздновать". Я не буду праздновать твой грех, Вилли. И я не собираюсь сидеть и молчать, пока ты обрекаешь моего племянника на ад.

— Я думал, что гомосексуальные обязательства — это найти хорошие шторы, — сказал я.

— Классная шутка, Вилли, — сказал дед, кивая головой.

— И я слышал о том, что ты снова поёшь на акции протеста за права геев? — спросил Билл. — Ты возьмёшь Ноя на ещё одно такое событие? После прошлого раза?

— Да, возьму, — сказал я.

— Вилли! — в шоке воскликнула мама. — Ты не можешь брать ребёнка на такие акции!

— Я уже брал, мама. На самом деле, даже на несколько.

— Вот об этом я и говорю, — сказал Билл. — Ему плевать, чему он подвергает Ноя.

— Это акция протеста за человеческие права, — отметил я.

— Но как ты можешь брать ребёнка на что-то подобное? — спросила Шелли.

— Ему нужно знать правду о мире, в котором он живёт, — ответил я.

— Ткни его в это носом, — пренебрежительно ответил Билл. — И ты еще спрашиваешь, почему не можешь найти приличную работу.

— И почему же это, Билли? — спросил я.

— Потому что никто не захочет нанимать педика, — сказал он. — Если бы ты просто играл по правилам, то у тебя не было бы такой проблемы.

— Что же это за правила, Билл? — спросил Джексон.

— Если ты мой страховой агент, и я узнаю, что ты гей, то найду себе нового страхового агента, — сказал Билл. — Вот, как это работает. Ни одна страховая компания не захочет, чтобы открытый гей продавал их страховку, потому что они потеряют бизнес. То же самое с продавцами подержанных машин, докторами, юристами. Если ты не уважаешь наше общество и наши ценности, мы не будем иметь с тобой дела. Вот, как всё обстоит, и так и останется, потому что это правильно.

— Это... интересно, — тихо произнёс Джексон, будто не мог заставить себя поверить в то, что слышал.

— Это фанатизм, — добавил я.

— Так мы и поступаем, Вилли, — сказал Билл, — и, если ты когда-нибудь захочешь найти приличную работу и сделать карьеру, тебе нужно не отставать от программы. Если ты этого не можешь, по крайней мере, держи свой рот на замке по этому поводу и будь осмотрительным. Не стой на тротуаре, чтобы тебя видел весь мир. Люди не хотят, чтобы это пихали им в глотки.

Джексон искоса взглянул на меня.

— Если ты такой умный и так хорошо справляешься, — продолжал Билл, — то почему живёшь на свалке с крэковыми шлюхами, которые разгуливают по району так, будто он принадлежит им?

— Не думаю, что видел хоть одну крэковую шлюху со времён поздних восьмидесятых, Билли, — сказал я. — Я даже не знаю, продают ли ещё крэк.

— Мне трудно в это поверить, раз Ной крэковый ребёнок, — довольно жестоко сказал он.

— Он не крэковый ребёнок, — сказал я. — Он метамфетоминовый ребёнок. Есть разница.

— Плевать, — отмахнулся он.

— Крэковые дети, — произнёс дед, улыбаясь.

— Мы действительно разговариваем об этом? — не веря в происходящее, спросил Джексон.

Я улыбнулся ему.

— Почему ты живёшь в том плохом районе? — хотел знать Билл.

— Он рядом со школой Ноя и рядом с моей работой.

— Оу, — с преувеличеным акцентом произнёс он. — Твоя *работа*. Верно. "ФудВорлд"! *Наши колбаски не для ручной ласки!*

— Почему ты на меня наезжаешь? — спросил я.

— Вилли, когда ты найдёшь приличную работу? Перестанешь жить в публичном доме? Добьёшься чего-нибудь? Это не так сложно, брат.

— Я отец-одиночка, на случай, если ты забыл.

— И что?

— Я упустил кучу работ потому, что должен заботиться о Ное. Я не могу работать в любую смену, в любые часы, в любые дни, выходные, праздники — а это исключает большинство приличных рабочих мест. Я стараюсь, как могу.

— У нас гости, ребята, — чопорно сказала Мэри.

— О, к чёрту это, — сказал Билл, стреляя взглядом отвращения в Джексона, которому, казалось, было чрезвычайно некомфортно, пока он ковырял своё жаркое.

— Ты же знаешь, какой он, когда у него геморрой, — наблюдательно отметил дед. — Когда он был маленьким мальчиком, нам приходилось привязывать его руки к забору, чтобы он не ковырялся в своей же дырке.

Билл откинулся назад, выпуская изо рта злобное пыхтение.

— Очередная история о Вилли, — продолжал дед. — Нам приходилось привязывать его, потому что он не мог удержать руки подальше от своего вилли. Мальчик сидел у забора, спрессовывая своё сено в тюк на виду у всего мира. Его просто невозможно было остановить. Весь чёртов день этот мальчишка сидел и ласкал свою колбаску.

— Папа, ты не можешь так говорить за столом! — громко и зло воскликнула мама.

— Это правда, Марта, — сказал он. — Разве не ты спрашивала у меня, какого чёрта нам с этим делать? Мальчик ласкал эту колбаску так много, что мы боялись, что она отвалится. Клянусь Богу, шериф Картер однажды остановился на подъездной дорожке и сказал мне что-нибудь с этим сделать, потому что соседей достало смотреть на это, а коровы на других пастбищах боялись его и больше не давали молока.

Джексон посмотрел на меня, как будто чтобы убедиться, было это правдой или нет.

Я беспомощно пожал плечами.

— Ты закончил, деда? — чопорно поинтересовался Билл.

— О, прошу меня простить, — сказал дед. — Мы отошли от темы твоей христианской брехни?

— Почему бы тебе просто не пойти в задницу со своей религией, Билли? — добавил я.

— Почему бы тебе меня не укусить? — парировал Билл.

— Билл! — воскликнула Шелли.

— Меня тошнит от его дерьяма, — горячо ответил Билл. — Пусть кусается, мне плевать.

— Билл! — повторила Шелли.

— Да что с тобой сегодня такое, чёрт возьми? — спросил я.

— Ты, — с ядом в голосе отозвался он.

— И что я сейчас сделал?

— Пригласил гомосека на кемпинг с тобой и Ноем, вот что. Вы купались голыми, и Бог знает, чем ещё там занимались, пока Ной наблюдал. Берёшь Ноя на марш за права геев. Подвергаешь его всему этому дерьюму. Мне бы хотелось, чтобы ты думал о том, что делаешь, как это может выглядеть в глазах других людей. Хотя бы иногда.

— И ты предполагаешь, что мне не плевать.

— Должно быть.

— И почему это?

— Потому что мы живём в реальном мире. Это не какая-то сцена из одного из твоих дурацких романов, Вилли. Это реальный мир. Тебе нравится доводить всё до задницы. Молодец! Но не вовлекай в это своего сына.

— Не припоминаю, чтобы вовлекал в это своего сына.

— Ты выставляешь это напоказ перед ним.

— Почему вы, ребята, так одержимы моим пенисом?

— О чём тут ещё говорить? — спросил дед.

— Ты прекратишь говорить это слово? — требовательно спросила мама.

— Что же, могли бы мы, меняя тему, поговорить тогда о вагине Шелли? — спросил я.

Мальчики разразились новым взрывом хохота при упоминании слова "вагина".

— Это как крутой съезд на шоссе любви, — наблюдательно отметил дед. — Пристегните свои ремни! Мы въезжаем!

— Иисус, Мария и Иосиф! — воскликнула мама. — Я не позволю тебе так разговаривать в этом доме, Вилли Кантрелл! Ты меня окончательно достал! И ты тоже, папа!

— Вагина! — воскликнул я. — Вагина, вагина, вагина! Это медицинский термин, используемый для описания женских гениталий. Вот и всё, мама.

Джексон отодвинул свою тарелку и резко встал.

— Думаю, мне бы хотелось выйти, — тихо сказал он.

Все взгляды устремились к нему.

Воцарилась тишина.

— Теперь посмотри, что ты наделал, — сказала Шелли.

Было не понятно, к кому она обращалась.

— Теперь мальчик-педик расстроен, — сказал дед.

— Не называй его так, — сказала мама. — И это ты виноват, папа. То, как ты говоришь. Это отвратительно.

Шелли тоже встала, взяв свою тарелку.

— Я пойду с тобой, Джек. Можем посидеть в гостиной. Я устала от этого сумасбродства.

— Сядь, — приказала мама.

— Сядь, — сказал Билл, глядя на Шелли жестким взглядом.

— Она права, Билли, — сказала мама. — Всему есть время и место, а сейчас не время и не место.

— Это ты позвонила мне с истерикой из-за того, что они купались нагишом, мама, — отметил Билл, бросая на неё злой взгляд.

Шелли села.

— У нас гости, — сказала мама. — Пожалуйста, мистер Ледбеттер, присаживайтесь. Мы не всегда такие. Иногда нас немного заносит.

Джексон довольно неохотно сел, посмотрел на меня и сстроил гримасу.

Тишина длилась долго, когда мы вернулись к еде.

Но Билл всё ещё был очень зол, и не прошло много времени, прежде чем он положил свою вилку и одарил меня холодным, тяжёлым взглядом.

— Хочешь знать правду? — тихо спросил он.

Когда мы начинали говорить о "правде", начинало разбрызгиваться дермо.

— Я на расстоянии лобкового волоса от того, чтобы нанять юриста и объявить тебя непригодным к роли родителя, — проговорил Билл.

— О, Боже, — сказала Шелли, откидываясь на спинку стула и всплеснув руками.

— Лобковый волос! — воскликнул дед, хлопая рукой по столу. — Ох, Марта, твои мальчишки меня убивают. Я на расстоянии лобкового волоса от того, чтобы обоссать штаны.

— Судя по запаху, это уже произошло, — высказалась Мэри.

Я отложил вилку и ждал, зная, что мы, наконец, дошли до пункта нашего назначения.

— Я говорю об этой свалке, в которой ты живёшь, Вилли, — сказал Билл. — Об этой твоей дермовой работе. Купонах на еду. Жилищной помощи. Ты не хочешь обрезать волосы, чтобы найти реальную работу. Ты подвергаешь Ноя этому своему образу жизни, заполняешь его голову своим ядом, и одному Богу известно, какие люди водятся в твоём доме, кучка хиппи-коммунистов, ублюдков-либералов. Тебе не кажется, что пора начать думать о том, что лучше для Ноя?

— Как будто вас, ребята, заботит, что лучше для Ноя, — сказал я.

— О, верно, — ответил Билл. — Один ты заботишься о бедном маленьком глухом мальчике.

Он позволил этим словам повиснуть в воздухе, в его глазах горела злость.

— Вы, ребята, не сильно утруждаетесь, когда дело доходит до помощи ему, — сказал я. — Вы, ребята, так сильно его любите, что не потрудились выучить язык жестов. А теперь вдруг переживаете о том, что для него лучше. Мне в это верится с трудом.

Тишина воцарилась снова.

О чём вы говорите? — спросил Ной.

Ни о чём, — прожестикулировал я ему в ответ.

— Почему вам, ребята, нужно травить меня? — спросил я. — Вы не думаете, что мне достаточно тяжело заботиться о таком ребёнке, как он? Я не плохой отец. Мы бедные, но быть бедным не преступление.

— Почему бы тебе не написать это на открытке «Холлмарк» и не отправить им? — предложил Билл. — Или ты боишься, что можешь на этом немного заработать?

Наши взгляды скрестились.

— Лобковый волос, — тихо сказал он.

Дед снова рассмеялся.

— Я иду купаться нагишом со своим парнем, и ты решил, что я непригоден к роли отца? — произнёс я. — У тебя есть какое-нибудь доказательство, что я

обращаюсь с ребёнком жестоко, что я пренебрегаю им или какими-либо его нуждами? Думаешь, ты можешь просто пойти встретиться с судьёй и добиться признания меня негодным родителем потому, что я гей? В каком сказочном мире ты живёшь, Билли?

— Несколько судей ходят в церковь Первого Баптиста, Вилли, — отметил он. — Ты не будешь растить этого ребёнка с кучкой тусующихся вокруг педиков.

— И что ты собираешься делать?

— Я тебе покажу, что я буду с этим делать.

— За четыре года Джексон первый мужчина, с которым я встречаюсь. Это не совсем "кучка педиков", Билли. И у меня есть все права на отношения, как у любого другого родителя.

— Если ты хочешь встречаться с женщинами, как нормальный человек, вперёд, но держись подальше от педиков.

— Мне не нравится, когда меня называют педиком, — сказал Джексон.

— Он не это имел в виду, — встремля мама.

— Я ничего не имею против тебя и не хочу быть грубым, — сказал Билл, глядя на Джексона. — Но это юг, и мы здесь привыкли по-своему разбираться с проблемами. Мы не будем сидеть и молчать, пока такие люди, как Вилли, запихивают свою гомосексуальность нам в глотки.

— Бог Свидетель, я не собираюсь запихивать свою гомосексуальность тебе в рот, Билли, — сказал я.

— Классная шутка, Вилли, — с одобрением произнёс дед.

— Ты подвергаешь Ноя позорному, опасному образу жизни, — сказал Билл, начиная злиться. — Хорошо известно, что родители-геи обращаются со своими детьми жестоко, чтобы дети тоже стали геями, как они.

— Что за куча горячего, воняющего дерья! — воскликнул я.

— Вилли Кантрелл! — ахнула мама.

— Я слышал это по радио, — в свою защиту сказал Билл.

— Радио "Американская Семья", верно, — сказал я, ссылаясь на радиопрограммы «Ассоциации Американской Семьи», располагающейся в Тупело. — Они записаны как группа ненавистников из-за их антигейской пропаганды, Билли. Эту пропаганду, позволь мне отметить, опровергали раз за разом, и, на самом деле, она безосновательна. Вот почему мы собираемся снова протестовать против них, и мы будем продолжать протестовать, пока они не прекратят лгать о нас.

— Нельзя выйти в прямой эфир и наговорить кучку лжи, — парировал Билл. — В этом должно что-то быть.

— Я не буду опять говорить с тобой об ублюдках с радио "Американская Семья", — сказал я.

— Библия ясно даёт понять как относиться к гомосексуальности, — сказал Билл.

— Библию тысячу лет назад написала кучка прирождённых козьих пастухов, живущих в пустыне, которые продали своих дочерей за три коровы, — отметил я.

— Для тебя нет ничего святого, Вилли? — спросил он. — Библия — это священное Божье слово!

— Я не буду вылезать из кровати и мочиться ради Библии, Билли, — сказал я. — Я не буду подтирать ее страницами зад и уж точно не собираюсь основывать свою жизнь на книге, наполненной убийствами, насилием, расизмом и тупостью, которой является Библия.

Стало по-настоящему тихо.

Билл медленно встал, немного шатаясь, потому что был полупьян. Он положил руки на стол, чтобы сохранить равновесие.

— Я не могу принять это, — объявил он. — Ты мой брат, Вилли, и я люблю тебя, я поддерживаю тебя, но не могу принять это. Я не приму это и не обязан.

— Принять что? — спросил я.

— Этот твой гомосексуальный образ жизни. Если ты хочешь себя разрушать, пожалуйста. Но я не позволю тебе разрушить и Ноя тоже. Он заслуживает настоящей матери и настоящего отца, счастливой жизни, приличной жизни, в христианском доме с христианскими ценностями. Он не заслуживает такого отца, как ты.

— Правда что ли? — спросил я, вставая, чтобы быть с ним лицом к лицу. — Он не заслуживает отца, который был рядом с ним, когда сбежала его мать? Который проводит каждый день в заботах о нём? У которого нет жизни за пределами того, что входит в заботу о нём?

— С вами двумя всё похоже на чёртову мыльную оперу, — отметил дед.

— Если ты можешь лучше, — продолжал я, игнорируя деда, — может быть, тебе следует попробовать. Может быть, тебе следует самому понять, что это не чёртов пикник. Ты можешь обсосать все сиськи, которые захочешь, но это ни каплю тебе не поможет, когда дело дойдёт до оплаты следующего слухового аппарата или Бог знает еще чего. А что-то есть всегда. Я не припоминаю, чтобы ты когда-нибудь потрудился помочь мне заплатить хоть за что-нибудь из этого дерьяма. Ни разу. Думаю, это потому, что ты любишь его намного больше, чем я, или, может быть, ты думал, что он всё равно не выживет, так зачем заботиться о чёртовых слуховых аппаратах. Не нужно говорить мне о чёртовых христианах. Вы все кучка проклятых лицемеров.

— Мальчики, — вмешалась мама.

— Мне надоело это дерьюмо, — сказал я.

— Ох, сядьте, — сказал дед. — Вы оба. Чёртовы угрюмые ублюдки.

В этот момент меня уже трясло. Я направился в коридор, ведущий в гостиную, намереваясь выйти прямо за дверь.

У меня на пути встал Билл.

— Ты не уйдёшь! — сообщил он мне. — Мы закончим это!

— Почему бы тебе не отсосать мой большой жирный член, Билли? — спросил я.

Его глаза застлала тёмная пелена, и следующее, что я понял, что он замахнулся, и удар пришёлся мне прямо в челюсть. Я упал как мешок сладкой картошки, задев головой край маминой мусорки, и в довесок увидел звёздочки, когда шлёпнулся и, наконец, ударился об пол.

— Билли! — завопила мама.

Мэри кричала.

— Папа! — вскрикнул Ной.

Я попытался встать на четвереньки, чтобы показать ему, что не сдох, ни в коем случае.

— Давай, — сказал я, поднимаясь на ноги.

Билл с раздувающимися ноздрями вылетел из кухни и исчез.

— Иисус, Мария и Иосиф! — воскликнула мама.

— Я доберусь до этого ублюдка, — поклялся я, направляясь за ним.

— Задай ему хорошую взбучку, Вилли! — восторженно крикнул дед.

Я игнорировал возгласы и крики позади себя. Билл был больше и выше меня, но мне было плевать. Я собирался показать этому придурку парочку приемов, даже если это убьёт меня. По меньшей мере, я собирался показать ему, что я такой же мужчина, как и он.

Я вырвался через дверь на крыльцо и увидел, что он тянется в кузов своего грузовика за пивом. Я бросился к нему, дикий, неконтролируемый, полный ярости и лишившийся рассудка. Я стучал кулаками по его спине.

Ему потребовалось секунд десять, чтобы уложить меня на спину на доски крыльца, взгромоздившись мне на грудь, держа мои запястья, чтобы я не мог его ударить. Я метался, пытаясь скинуть его со своей груди, крича, чтобы он свалил.

Он просто глянул на меня так, как когда мы были маленькими, когда мы оба знали, что в драке я ему не ровня.

Наконец, я остановился.

На мои глаза навернулись слёзы. Казалось, с неба на меня рухнула огромная чернота, душа меня бессмысленностью всего этого. Ничего из того что я когда-либо делал, не угодит этим людям.

Он слез с меня и протянул руку — жест который я проигнорировал.

Дверь открылась, и все вышли на крыльцо.

Ной присел на корточки рядом со мной с безумным взглядом.

— Лучше поухаживай за ним, мама, — сказал Билл.

Я вытер свою челюсть. Ладонь была мокрой от крови.

Ной развернулся и устремился к Биллу, набрасываясь на моего брата, стуча по нему своими маленькими, злющими, но бесполезными кулаками.

Билл казался ошеломленным.

— Плохой! — снова и снова кричал Ной. — Плохой! Плохой! Плохой!

Я поднялся на ноги.

Шелли схватила Ноя, удивив его. Он вывернулся из её рук, отскочил, не желая, чтобы она к нему прикасалась. Затем он открыл рот и начал выть, прижимая руки к своей груди, в агонии крича "Аааххххх!", как делал, будучи маленьким.

Это было внезапное, шокирующее проявление страха и горя.

Я притянул его к себе, а он кричал и стонал, и причитал, будто умирает. Я сел на деревянное кресло-качалку на крыльце, усадил его к себе на колени, обнимал его и гладил по спине.

— Тише, малыш, — говорил я. — С папочкой всё хорошо. Папочка в порядке. Шшш.

— Хммммм! — вырывалось из глубины его горла между неистовыми попытками восстановить дыхание.

— Всё в порядке, — сказал я, проводя пальцами по его волосам.

— Билли, какого Сэма Хилла* с тобой не так? — требовательно спросила мама.

*Сэм Хилл — эвфемизм, означающий дьявола и ад.

— Почему Ной плачет? — спросил Эли.

— Мальчики, идите обратно в дом! — приказала Шелли напряжённым, озадаченным тоном.

Ной схватился за волосы своими маленькими кулаками и тянул так, будто хотел выдернуть каждый волосок.

— Вилли, смотри за ним! — воскликнула мама.

— Перестань, — сказал я, хватая его за руки.

Он дёрнул головой вперёд, ударяясь о мою нижнюю челюсть. В моем мозгу отдался свежий импульс боли. Он снова ударился головой, врезаясь в мою ключицу.

Я прижал его к своей груди, чтобы он не мог двигаться.

— Аааххххххх! — хрюпал он с гневным отчаянием.

— Боже! — воскликнул Билл.

— Убрайся! — сказала ему мама. — Ты ещё недостаточно натворил?

— Я забыл о *Шоу Папочки Вилли и Крэкового Малыша*, — сказал он, идя к своему грузовику за пивом.

Я очень тихо пел на ухо Ною. Он пристроил ухо к моему горлу, слушая вибрации.

— Оооxxxx, — тихо стонал он. Он издавал звуки, похожие на рёв осла. Затем сын сказал "ах", что прозвучало как "пах". Это были его личные звуки, его способ выражения горя.

За это время Джексон принёс из своего джипа аптечку и влажную тряпку. Сейчас он молча стоял рядом с креслом-качалкой, вытирая мою разбитую губу, хмурясь на меня.

— На самом деле мы довольно милая семейка, — сказал я, стараясь поднять настроение.

— Рукоприкладство — это милая семейка? — произнёс он с явной злостью в голосе. — Думаю, тебе следует вызвать полицию.

— Ох, я тебя умоляю, — сказал я.

— Они такие, — сказала мама, будто это объясняло, как мы с Билли себя ведём.

— Он зол, и так он поступает, когда злится, — сказал я. — А теперь он подумает над этим, потом мы об этом поговорим и разберёмся, и он больше не будет злиться, так мы и справляемся. Так что просто забудь.

— Ты не должен его оправдывать, — сказал Джексон.

— Я объясняю, а не оправдываю.

Ной успокоился, тихо всхлипывая мне в шею.

— Думаю, он мог расшатать тебе несколько зубов, — сказал Джексон, суетясь надо мной.

— Ты оставил меня в покое? — потребовал я.

— Я никогда не видела Ноя таким, — сказала мама.

— Он просто напуган, — отметил я.

Джексон промакивал тряпкой мою губу.

— По крайней мере, ты познакомился с семьёй, — сказал я.

Глава 40

Не Уолтоны

— Ты не мог бы мне объяснить, какого чёрта это было? — спросил Джексон на пути домой.

— Мы не Уолтоны*, — признался я.

*"Уолтоны" — один из наиболее популярных американских телесериалов семидесятых годов, рассказывает о нескольких поколениях семьи Уолтонов.

— Твой брат — гомофобный кусок дерьяма!

— Помимо всего прочего.

— Это не шутка, Вилли!

— Добро пожаловать на юг.

— Я не могу поверить в то, что он говорил.

— Он был ещё милым, — отметил я. — Обычно всё гораздо хуже.

— Почему?

— Ты когда-нибудь ходил в баптистскую церковь? — спросил я.

— Нет.

— Я ещё не встречал баптистского проповедника, который не был бы глупым болтуном, извергающим самые жестокие заявления, которые только смог придумать, просто чтобы посоревноваться с другими. Всякий раз, когда ты слышишь даже мизерную толику чрезмерного сумасбродства от этих местных, знай, это баптист. Помнишь того проповедника в Северной Каролине, который говорил, что геи и лесбиянки должны сидеть за забором из колючей проволоки, брошенные умирать? Это баптист. Парень со словами "Бог ненавидит геев"? Это баптист. Если ты когда-нибудь послушаешь, как эти ребята начинают ныть о правах штатов, то поймёшь, почему у нас была Гражданская война. Они знают, как всполошить народ.

— Я не могу поверить в то дерньмо, что он наговорил.

— Он набрался этого на радио "Американская Семья".

— Что это такое?

— Это как религиозная версия Раша Лимбо*. У них эфиры по всему югу, миллионы слушателей. Они говорят о том, что геев можно излечить...

**Раш Лимбо — американский консервативный общественный деятель, ведущий самого высокорейтингового разговорного радиошу в стране.*

— Бред собачий!

— Они не позволяют фактам встать на пути. Я недавно слушал их после того, как Верховный суд высказался в пользу однополых браков, и они говорили, что возрастёт преступность, и больше людей будет попадать в тюрьмы, а социальные службы штата будут перегружены, и дети однополых родителей будут страдать и становиться преступниками, когда вырастут — у них нет ни клочка доказательства того, о чём они говорят. Они просто выходят и говорят.

— Это законно?

— Полагаю, что так.

— Как им может сходить это с рук?

— В прошлом году мы, наконец, начали устраивать протесты рядом с их администрацией.

— Где это?

— В Тупело. Недалеко от больницы, в которой ты работаешь. Мы приходим, приносим кучу табличек, спорим с ними, когда они выходят, поём пару песен. Большинство СМИ слишком их боятся, чтобы обеспечить нам прикрытие, так что это не приводит к хорошим результатам. Мэр, наш городской советник, представители штата, сенаторы и конгрессмены — они не хотят, чтобы их видели с нами. Они не хотят рисковать и злить AAC*, потому что те выйдут в эфир и уничтожат их.

*AAC — Ассоциация Американской Семьи.

— Сейчас двадцать первый век, Вилли.

— Может быть, в Бостоне, но не здесь. Пару месяцев назад первого открытого гея, кандидата в мэры маленького городка Миссисипи убили. Недалеко отсюда. Полиция говорит, что не знает, что произошло. Но ты ведь не думаешь, что люди здесь хотят видеть педика мэром? Это всё замяли, и СМИ тоже боятся рыть слишком глубоко, потому что могут потерять рекламодателей. Так здесь всё и работает.

— Невероятно.

— Я просто пытаюсь ответить на твой вопрос, — сказал я. — Когда Билли говорит чепуху, оттуда он её и берёт. На радио, которое слушал утром по дороге на работу. Со слов его пастора, брата Джона. От всех этих дурацких баптистов. Плюс, я

серьёзно его разозлил, сказав, что не буду подтирать зад его драгоценной Библией. Мне не следовало этого говорить, но меня сильно вывела из себя эта хренотень.

- Он всегда жестокий?
- Не всегда. Я приложил особые старания, чтобы разозлить его.
- Это не даёт ему права бить тебя.
- Мне нравится прорываться сквозь дермо и добираться до смысла.
- Как твоя губа?
- Нехило разбита. Конечно, это стандартная реакция баптиста, когда он не может получить того, что хочет.
- Не думаю, что захочу ещё когда-нибудь посещать твой дом.
- Иногда я тоже не хочу.
- И твой дедушка...
- Оставь моего деда в покое.
- Он сумасшедший.
- Мы не скрываем сумасшествие, — сказал я. — Мы выставляем его на крыльцо и развлекаем соседей.

Глава 41

Немного внимания и заботы

— Ауч! — произнёс я.

Джексон виновато улыбнулся, промакивая мою разбитую губу пропитанным спиртом ватным тампоном.

Мы сидели за моим кухонным столом. Потолочный вентилятор немного облегчал духоту и влажность южной ночи. Ной был в кровати, и я не хотел, чтобы эта неделя заканчивалась.

— Я должен идти, — снова сказал Джексон. — Уже почти полночь. Мне нужно быть на работе к восьми.

— Знаю, — сказал я. — Что тебя останавливает?

— С тобой всё будет в порядке?

— Это просто распухшая губа.

— Я чувствую, что должен остаться здесь и позаботиться о тебе. Могу завтра позвонить и сказать, что заболел.

— Я не ребёнок, — сказал я. — Со мной всё будет в порядке. Твои больные детишки нуждаются в тебе больше, чем я.

Он отложил ватный тампон, на его лице появилось выражение несчастья.

— Что? — спросил я.

— Твоя семья действительно доставляет хлопоты, — признался он.

— У них бывают свои моменты, — признал я.

— Они умрут, если окажут больше поддержки?

— Вполне возможно.

— Просто жизнь здесь такая странная. Все эти разговоры о религии, все эти церкви, все эти фанатики...

— Жизнь идет своим чередом, — сказал я.

— Что это значит?

— Ничего не поделаешь.

— Меня это пугает, — тихо сказал он. — Я не привык жить в таком окружении. Я заметил, что мои друзья в больнице никогда не говорят о политике. Я недавно

спрашивал, что они думают о реформе здравоохранения Обамы. Они даже не знают, что это, но уже ненавидят это, и я думаю, что это самая ужасная вещь в мире. В этом так много невежества.

— Мы прилагаем все усилия, чтобы быть глупейшими, жирнейшими и беднейшими, — отметил я.

— Я много читал об этом, — сказал он. — Беднейший штат, наименее образованный, жирнейший, наименее здоровый, всё такое. Я не совсем понимал, что они имеют в виду, но Боже, это правда. Не понимаю, почему люди здесь живут.

— Это наш дом, — сказал я.

— Я не это хотел сказать.

— Я знаю, что ты хотел сказать, — ответил я.

— Тебя это не беспокоит?

— Конечно, беспокоит.

— И?

— Что ты хочешь, чтобы я с этим сделал? Так было сотни лет. Всё меняется с младшим поколением, благодаря Фейсбуку и интернету. И Миссисипи очень изменился, даже с тех пор, как я вырос. Но здесь другое прошлое. Оно будто никогда не исчезает. Мы хотим, чтобы прошлое ушло, но этого не происходит.

— Почему нет?

— Откуда мне знать, чёрт побери? Может быть, люди просто по-настоящему не хотят перемен.

Он медленно покачал головой.

— Всё не так плохо, — сказал я. — Психи из правого крыла самые горластые, но они никого не представляют, никоим образом. Около половины штата голосовало за Обаму на прошедших выборах, не только чернокожие, но и много белых, и латиноамериканцев, и всех остальных. Попробуй продать Митта Ромни* кучке баптистов и посмотри, к чему это приведёт.

*Митт Ромни — американский политик. Был кандидатом в президенты США на выборах 2012 года от Республиканской партии. Действующий епископ Церкви Иисуса Христа Святых последних дней, президент кола.

Он коснулся моей губы, снова проверяя свою работу.

— Если бы не ты, думаю, я бы собрал вещички и уехал обратно в Бостон, — тихо проговорил он.

— Таких людей, как я, много, — сказал я.

— Они не такие симпатичные, как ты.

— Что ж, и правда нет.

— Я хочу поцеловать тебя, — сказал он, проведя носом по моей щеке.

— И это всё?

— Нет, — признался он. — Но я должен идти.

Я проводил его до двери, молча стоял, пока он целовал меня в щёку, а затем наблюдал, как Джек исчезает в ночи.

Глава 42

Веселье с Элвисом

Во вторник вечером мы повезли Джексона в Фэйр-Парк в центре города, чтобы увидеть вновь воздвигнутую статую Элвиса, которой мы весьма гордились.

— Если мы решим, что ты нам действительно нравишься, то возьмем тебя на родину Элвиса Пресли, — сказал я, пока мы платили дань Королю, щурясь от его блестящего металлического великолепия в убывающем солнечном свете.

Большая часть парка принадлежала нам одним, за исключением парочки родителей со своими детьми, которые сидели на качелях. О самом парке мало чего можно было сказать. «Сити Холл» свысока смотрел на свою маленькую коллекцию качелей, едва пробивающиеся деревья и оборудование для игровой площадки. Там были железные скамейки, чтобы посидеть, несколько столиков для пикника и бетонные пешеходные дорожки для прогулок.

— Здесь был Элвис, — с улыбкой сказал Джексон. — В смысле, он правда здесь был. Но я не могу сказать, что когда-либо был его фанатом.

— Прости, что? — сердито произнёс я.

— Ну, ты же знаешь.

Я прожестикулировал Ною:

Он говорит, что ему не нравится Э—л—в—и—с!

— Плохой! — воскликнул Ноу.

Джексон состроил гримасу.

— Нельзя жить в Тупело и не любить Элвиса, — сказал я. — Только если не хочешь повиснуть на дереве магнолии.

— Да?

— Это как поехать в Долливуд* и оскорбить Долли Партон. А этого тебе и здесь делать не следует, потому что фанаты Долли Партон выцарапают твои симпатичные глазки своими накладными ногтями.

*Долливуд — тематический парк, названный в честь американской певицы кантри Долли Партон.

— Да здравствует Король! — воскликнул Джексон, кланяясь перед Элвисом. — Это достаточное проявление "любви"?

— Так-то лучше, — сказал я. — По крайней мере, ты привнёс интереса в игру. Он не единственный знаменитый человек Магнолиевого штата.

— Кто ещё мог родиться в этой адской бездне?

— Как насчёт Опры? — произнёс я. — И Морган Фриман. Ченнинг Татум. Джон Гришэм. Джеймс Эрл Джонс. Бритни Спирс. Чего ты ещё хочешь? Моппеты, ради Бога! Дарт Вейдер! Супер Майк! Маргаритавилль! Лэнс Басс из 'N Sync! Би Би Кинг, ЛиЭнн Раймс, Тэмми Уайнэтт, Соуля Бой...

— Хорошо, хорошо!

— Конечно, они все уехали в Голливуд, и я не думаю, что многие из них когда-либо возвращались, даже чтобы умереть. Кроме, может быть, Моргана Фримана, но он достаточно странный для этого.

— Он ещё не мёртв. Или нет?

— Откуда мне знать? Смысл в том, что если Бритни Спирс смогла выбраться отсюда, то сможет любой. Может быть, придётся побрить голову и переспать с каким-нибудь продюсером, но, эй, билет отсюда есть билет отсюда.

— Бритни Спирс ещё не умерла?

— Только её карьера.

— Стервозно. Мне нравится.

— Бритни Спирс может выйти замуж на пятьдесят три минуты или что там ещё, чёрт побери, и это нормально, но я не могу выйти замуж, потому что разрушу святость брака. Не проси меня ей сочувствовать.

— Что ж, справедливо, — сказал он.

— Как насчёт фотографии, Джексон Ледбеттер? Мы можем сделать стандартный туристический снимок, где ты стоишь за Элвисом и смотришь на его задницу.

— Я тебя умоляю!

— Это просто предложение.

— Сделай хорошую фотографию, и я пошлю её своей маме, — сказал он.

— О Боже! — воскликнул я.

— Разве не так здесь говорят люди, когда издеваются над тобой?

— Так, — сказал я. — Иди туда, а я сделаю несколько милых фотографий тебя и любителя сыра для твоей мамочки.

Джексон и Ноу поиграли на камеру.

— Как насчёт милой фотографии нас с тобой для моей мамочки? — спросил Джексон, глядя на меня призывным взглядом.

Я поманил к себе Ноу и переключил настройки фотоаппарата на автоматический режим, чтобы сын мог навести и щёлкнуть. Он нетерпеливо показал мне большие пальцы, когда я сказал ему быть внимательным к композиции фотографии. Его навыки становились лучше, но у него была привычка отрезать своим объектам головы.

Свободной рукой он показал знак "тише".

Давай!

Мы с Джексоном встали перед Элвисом. Джексон обвил рукой мою талию и прильнул ближе. Я вставил палец себе в рот, что было универсальным знаком для позыва к рвоте.

Глава 43

На что вы смотрите?

К большому удовольствию Ноу, после парка Джексон отвёл нас в «МакДональдс».

— Знаю, я медбрат, — сказал Джексон, — и должен подавать хороший пример, особенно здесь, в стране Повышенного Ожирения, но я хочу «Биг Мак» и точка.

— Аминь, — произнёс я.

В двух столиках от нас сидела пара средних лет с тихим ребёнком в коляске, они не переставали поглядывать на нас и хмуриться.

Джексон, заметив это, посмотрел на меня расстроенным взглядом.

— Не бери в голову, — тихо произнёс я, в то время как Ноу счастливо накинулся на свой «Хэппи Мил».

Не забудь сказать спасибо, — прожестикулировал я Ною.

Спасибо! — прожестикулировал Ноу.

Пожалуйста, — ответил Джексон.

Я и забыл, какой вкусной может быть картошка-фри в «МакДональдсе», когда она с пылу с жару, поэтому с удовольствием ел, в то время как Джексон всё поглядывал на пару через два столика от нас.

Спустя тревожную минуту он спросил:

— Почему они продолжают на нас смотреть?

— Не бери в голову, — повторил я.

Что не так? — спросил Ной.

Ничего, — сказал я. — Как тебе еда?

Лучшая!

Лучше, чем моя еда?

Конечно.

— Мы имеем такое же право есть здесь, как и все остальные! — слишком громко воскликнул Джексон.

— Помни, где ты находишься, — предупреждающее прошептал я.

Что с Джесем? — спросил Ной.

Ничего.

Он выглядит злы.

Он не злы.

Те люди смотрят на нас.

Не обращай внимания.

Ной занялся своим чизбургером, ехидно улыбаясь, пока наслаждался своим не полезным угощением.

— Ты ничего не сделаешь? — прошипел Джексон.

— Нечего тут делать, просто игнорируй их.

Как раз тогда женщина развернула свой стул к нам.

— Прошу прощения, — сказала она с тяжёлой медлительностью. — Мы не могли не заметить, что вы жестикулируете. Я не хочу показаться грубой, но раздумываю, могу ли спросить вас о нашей дочери. Мы думаем, что она может быть глухой.

— Конечно, — ответил я. — Мы можем подсесть к вам, если хотите.

Мы составили наши столики вместе.

— Это Джексон Ледбеттер, — сказал я, начиная со знакомства, — и мой сын Ной. Меня зовут Вилли Кантрелл.

— Я вас видела, — сказала женщина. — Но не знаю, где.

— В "ФудВорлд"?

— Точно! — воскликнула она. — Где мои манеры? Я Стелла Худ, а это мой муж Ллойд Худ. Очень приятно со всеми вами познакомиться.

— Взаимно, — ответил я.

— Вы уверены, что всё в порядке? — спросила она, бросая нервный взгляд на Джексона, который и близко не выглядел так неряшливо, как я.

— Никаких проблем, — сказал я. — Сколько лет вашей дочери?

— Бекки два, — сказала Стелла, вдруг нахмурившись. — Видите, какая она тихая? Она ещё не говорит и, кажется, не слышит ничего, что говорим мы. Кажется, вообще ничего не слышит.

— Она просто еще слишком маленькая для тестов, — сказал я.

— Доктор так и сказал. Он записал нас на приём, чтобы мы встретились кое с кем в Джексоне, но до этого ждать ещё два месяца. Мы просто не знаем, что делать.

— Вы проводили свои тесты? — спросил я.

— Ничего не могли поделать, — признался Ллойд. — Я пытался подходить к ней сзади, где она не могла меня видеть, говорил, щёлкал пальцами. Однажды ударил по сковородке ложкой. Она не обратила никакого внимания. Но когда я подошёл к ней спереди, она сразу же оживилась.

— Я делал то же самое, — признал я. — Ною было примерно столько же, когда я понял, что что-то не так. У него были другие проблемы, так что я был не совсем уверен.

— Какие проблемы? — спросила Стелла.

— Не будь назойливой, — сказал её муж.

— Всё в порядке, — ответил я. — Ной — метамфетаминовый ребёнок. У него были врождённые дефекты и всякое другое, так что я не был уверен, что с ним происходит. Он плакал и сходил с ума так, будто это никого не касается. "Ярость метафметаминового ребёнка" и всё такое. Но я заметил, что он издаёт звуки только тогда, когда несчастен. Когда у него был один из приступов ярости, он просто открывал рот, выл и сходил с ума, будто умирал. Но в остальное время он не говорил ни слова. Он никогда не издавал звуки и не делал никаких "угу-угу ага-ага". А когда ему было около двух лет, я начал понимать, что он меня не слышит. Он отвечал, если видел меня, но иначе, казалось, совсем меня не замечал.

— Прямо как Бекки, — сказала Стелла.

— Вполне может быть, — сказал я.

— Но что нам делать? — спросил Ллойд полным беспокойства голосом. — Что, если она глухая?

— Она справится, — сказал я. — У каждого ребёнка есть особые нужды. Некоторые немного более критические, чем другие, но вы справитесь. И я думаю, вы поступаете совершенно правильно — разговариваете с людьми, ищете столько информации, сколько можете, потому что вам это понадобится. Я бы не относился к ней иначе, чем к любому другому ребёнку.

— Ваш мальчик, кажется, чувствует себя хорошо, — произнёс Ллойд.

— Так и есть, — ответил я.

— Вы его усыновили? — спросил он.

— Нет, — сказал я. — Я его отец.

— А его мать? — спросила Стелла. — Где она?

— Мы больше не вместе, — сказал я.

— Мне жаль, — произнесла она.

— Не стоит, — ответил я.

— Но я думал, вы... вместе, — нерешительно произнёс Ллойд, бросив взгляд на Джексона.

— Мы вместе, — сказал я.

— Значит, у него два отца? — спросил Ллойд.

По тому, как он задал этот вопрос, я мог сказать, что ему любопытно, не более того.

— На данный момент мы встречаемся, — сказал я. — Кто знает, чем все закончится?

— Ваш мальчик относится к этому нормально?

— На самом деле, не думаю, что он придает этому особое значение, — сказал я.

— Я никогда не встречал... — начал Ллойд.

Его голос затих, будто он боялся, что мог сказать слишком много.

— Вы никогда не встречали однополую пару? — продолжил я.

— Ну, нет, — произнёс он со смущённой усмешкой.

— Боюсь, мы такие же скучные, как любая другая пара, — сказал я.

— Просто это странно, — сказал он, — но я считаю, что местные к этому привыкнут. У нас свободная страна, так ведь?

— Думаю, вы начинаете мне нравиться, — сказал Джексон.

— Вы не отсюда, — заметил Ллойд.

— Я вырос в Бостоне.

— Должно быть, для вас здесь всё иначе.

— Так и есть.

— Вам нравится рыбачить?

Джексон признался, что не нравится.

— Вы не любите рыбалку? — возмущённо спросил мужчина.

— О, не упоминайте при нём о рыбалке, — сказала Стелла, закатывая глаза.

— Я отвезу его на водослив, дам удочку, и мы положим этому конец, — улыбнулся Ллойд.

— Мой муж любит рыбачить, — сказала Стелла.

— Чертовски верно, — отозвался Ллойд. — В любом случае, я просто не знаю, что нам делать с нашей дочерью.

— А вы чувствуете, что нужно что-то *сделать*? — спросил я.

— Конечно, — запальчиво произнёс он. — Мы должны с этим разобраться, посмотреть, можно ли сделать операцию или что-то ещё, слуховые аппараты... Я читал о кохлеарных имплантатах...

— Позвольте мне остановить вас на этом, — мягко прервал я. — Не знаю, насколько полезно ребенку показывать это как проблему, которую нужно исправлять.

— Я не понимаю, — сказал Ллойд.

— Если ваша дочь действительно глухая, вы скоро узнаете о Глухой Гордости и обо всех проблемах сообщества глухих. Вы узнаете, как много глухих людей не счастливы от мысли, что у них "проблема", или что они "сломаны", или что нужно что-то "делать". На самом деле, они находят такие мысли довольно оскорбительными.

— Оскорбительными? — произнесла Стелла.

— Ну, да, — сказал я. — Глухие дети, кроме неспособности слышать, могут делать то же самое, что и другие дети. Они учат язык жестов, чтобы общаться. Их жизни такие же полные и значимые, как и у других детей. Если ваша дочь действительно глухая, тогда вы мало что можете с этим поделать. Есть целый слуховой диапазон, да и доктора, конечно, узнают, сколько она может слышать. Слуховые аппараты могут немного помочь, но, в конце концов, вам придётся научиться воспитывать глухого ребёнка. Полагаю, я хочу сказать, что вы ведь не желаете ненамеренно навредить ей, считая её проблемой, кем-то, кто недостаточно хорош, потому что не слышит? Такие мысли создают большое чувство обиды и низкую самооценку. Если бы ваша дочь была слепой, вы бы не тратили много времени на раздумья о том, чтобы вылечить её слепоту. Вы бы научились жить с этим иправляться и выяснили бы, как создать для неё жизнь.

Несколько долгих мгновений они раздумывали над этим в тишине.

— Вы упоминали кохлеарные имплантанты, — добавил я, — которые настораживают некоторых людей, включая меня. Чтобы установить эти имплантанты, докторам придется уничтожить часть внутреннего уха. Они делают это, не зная, помогут имплантанты на самом деле или нет. Дело в том, что как только это сделают, ребёнок больше никогда не сможет ничего услышать сам. Если имплантанты не помогут, что же, вам просто не повезёт, потому что уши будут безвозвратно повреждены. Если все получится, у вашего ребёнка может появиться какой-то слух, но, вероятно, не самый хороший. Так что это рискованно, и нет гарантии, как сильно они помогут и помогут ли вообще.

— Вы этого не рекомендуете? — спросила Стелла.

— Я бы подумал еще раз, прежде чем согласиться пойти по этому пути, — сказал я. — Я был бы осторожен с попытками изменить вашу дочь. Возможно, есть способ сказать это лучше. Я был бы осторожен с попытками "исправить" её и вкладывать

слишком много надежды в какое-то чудесное излечение. Вы поймёте, что я имею в виду, когда продвинетесь дальше и познакомитесь с другими глухими семьями. На глухих детей много давят, чтобы они были такими же, как слышащие дети, но это не так и никогда таковым не будет, и чем скорее вы это примете, тем лучше вам станет. Ни один ребёнок не хочет расти в атмосфере, где все думают, что он проблема, которой нужно решение, или где обращают слишком много внимания на то, что он не может делать, а не на то, что он может. Продвинувшись вперёд, вы поймёте, что я имею в виду.

— Но вы, должно быть, переживаете об этом, — сказал Ллойд.

— Некоторое время да, я переживал. Постоянно боролся, чтобы убедиться, что он такой же, как все остальные. Но он не такой. И спустя некоторое время я обнаружил, что думать в таком русле не полезно. Я устал от того, что мой ребёнок никогда не достигнет уровня своих слышащих друзей, никогда не будет таким же хорошим, как они. Я устал, что люди смотрят на него, будто с ним происходит нечто ужасное и отчаянно неправильное. Это не так. Он не слышит, вот и всё. Мы справляемся. Это не конец света.

— Он очаровательный малыш, — сказала Стелла, улыбаясь ему.

— В Тупело есть несколько хороших программ для глухих детей, — сказал я. — Думаю, у вас, ребята, всё будет просто отлично.

— Это кажется довольно пугающим, — признался Ллойд.

— Это пугает, — сказал я. — Но пугает по-особенному, чудесно. И всё станет не так страшно, как только вы сдвинетесь с места и поймёте, что можете с этим справиться, всё будет в порядке.

Разговор перешёл к ненавязчивой беседе, и не прошло много времени, прежде чем Ллойд вернулся к теме о рыбалке.

Малышка такая же, как я? — спросил Ной, поглядывая на ребёнка в коляске, когда она начала суетиться и проситься на руки.

Они так думают, — сказал я.

Сын улыбнулся.

Глава 44

Крещение гриля

В среду Джексон пригласил нас окунуться в бассейн в его квартирном комплексе и покрестить его новый гриль, все это в указанном порядке. Температура добралась до тридцати пяти градусов и замерла на месте. Воздух был гнетущим и тяжёлым от влажности.

Мы оказались не единственными, кому пришло в голову повеселиться на солнце. Несколько детей играли в мелководной части бассейна, визжа, крича и брызгаясь водой друг на друга, их матери лежали на шезлонгах и наблюдали. Довольно симпатичный парень в белье "Спидо" работал над своим загаром. Джексон, тоже в "Спидо", кивнул ему, когда мы проходили мимо.

Ной был в плавках, которые достались ему от Эли. Я, будучи вечно неправильным человеком, надел обрезанные шорты. Прежде, чем занять себе парочку шезлонгов, мы постояли под душем, споласкиваясь. Мои шорты свободно висели на бёдрах, и я переживал, что они могут сползти, когда я прыгну в воду.

Ной стоял на краю бассейна, наблюдая за детьми на мелководье. У троих мальчишек был мяч, который они перебрасывали туда-сюда.

Я отвёл его к мелководью и опустился в воду, наблюдая, как Ной делает свой первый прыжок-бомбочку, приземляясь в опасной близости от темнокожей девочки, цельный зелёный купальник которой как раз начинал наполняться достоинствами — и, кажется, она это знала.

— Осторожнее, — воскликнула темнокожая девочка с изрядным количеством манер.

Ной, который не видел её, не ответил.

Девочка побрела к своему другу на другой стороне бассейна.

Мы поплыли к глубокому краю, куда нырнул Джексон. Ной забрался мне на спину, пока я плыл по-собачьи. Мы с Джексоном по очереди переправляли его с одной стороны бассейна на другую, а он довольно гудел. Я отнёс его обратно к мелководью, где мальчики начали игру в водное поло без правил или что-то похожее. Когда мяч вылетел и приземлился перед Ноем, он довольно странно ухнул и бросил мяч обратно. Они жестом пригласили его присоединиться, и он счастливо согласился, сказав:

— Привет!

Один из мальчиков посмотрел на меня с вопросом в глазах. Этот мальчик казался старше других.

— Он не слышит, — сказал я.

— Он глухой! — крикнул мальчик своим друзьям.

У меня оборвалось сердце.

— Так что будьте осторожнее, — добавил мальчик. — Идём, — сказал он, махая Ною, словно тот был щенком.

— Я хорошо! — сказал Ной, торопясь присоединиться к ним.

Старший мальчик рассмеялся.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Меня зовут Нои! — сказал Ной.

— Нои, идём, — сказал мальчик, кидая мяч, когда игра началась заново.

Я поплыл туда, где поглубже, выбрался из бассейна и позволил воде накапать на доски. Я сел на шезлонг рядом с Джексоном.

— Кто твой милый друг? — спросил я.

Джексон улыбнулся, когда увидел, что я смотрю в сторону загорающего юноши.

— Это Кенни, — сказал он.

— Интересно.

— Не в моём вкусе, слишком усердно строит из себя королеву.

— Манерный?

— Назовешь его так и не ошибёшься.

— Имеешь что-то против манерных королев?

— Я больше люблю мужчин, похожих на мужчин. Не хочу, чтобы кто-то называл меня подружкой и вёл себя так, будто его жизнь — реалити-шоу. Кстати, забыл упомянуть о растительности на лице.

Кенни перевернулся и открыл вид на свою крепкую пятую точку.

— Знаешь, как понять, что твой сосед по комнате — гей? — спросил я.

— Нет.

— Его член на вкус как дермо.

— Это очень грубая шутка.

Он рассмеялся, несмотря на свои слова.

— Тебе понравилось. Ты смеёшься. Не слишком грубая для Джекстера, а?

— Ты меня раскусил.

— Как уместить трёх парней на одном барном стуле?

— Я не знаю.

— Перевернуть его, глупый.
— Ауч!
— Как назвать дантиста-гея? — спросил я.
— Дай подумать...
— Давай!
— Я думаю...
— Как назвать дантиста-гея? Это легко.
— Я не знаю.
— Зубная фея.
— Как-то вяленько.

Кенни перевернулся, сел и посмотрел в нашу сторону. Затем он поднялся на ноги.

— Вот дермо, он идёт к нам, — прошептал Джексон.

Парень выглядел хорошо, но чопорно и чрезвычайно чисто. Тиара на лбу смотрелась бы на нем весьма буднично.

— Он твой? — протяжно спросил Кенни, глядя через длинный бассейн на Ноя.
— Мой, — сказал я.
— Он такой милый! Вы только переехали?
— Мы в гостях, — ответил я.
— Друзья медсестры Джеки?
— Что-то вроде того.
— Медсестра Джеки, девочка, как ты?
— Обязательно так меня называть? — спросил Джексон.
— Да как скажешь, мисс Шкаф!

Кенни перебросил своё полотенце через плечо и ушёл, виляя бёдрами.

В конце концов, мы ушли от бассейна и пошли в квартиру, где обнаружили, что у Джексона Ледбеттера в ванной есть джакузи, одна из привилегий оплаты больше тысячи долларов в месяц за аренду. Он наполнил её мыльной тёплой водой, и мы сидели там почти час. Ной притворялся, что это маленький бассейн, и счастливо плескался.

Гриль был покрещен, стейки были съедены, в Xbox было сыграно, и с миром всё было в порядке, пока я не пошёл воспользоваться уборной Джексона и не сунул нос в его аптечный шкафчик, где он держал настоящий склад фармацевтических препаратов.

Я понятия не имел, что такое большинство из того, что там было, но пузырьков было много, а это пугало, потому что для лечения сердечной патологии они не предназначались. Я мог это сказать, т.к. ни на одной баночке не было сигнатуры.

Я провёл так много времени в оцепенении, разглядывая баночки, что Джексон не выдержал и зашёл в ванную, чтобы посмотреть, что со мной стало.

— Ты не потрудишься это объяснить? — спросил я, очень стараясь не выглядеть как разочарованный родитель, хотя чувствовал себя именно так.

— Всё не так, как выглядит.

— Это именно так, как выглядит. Поэтому ты приехал в Миссисипи? Кто-то узнал? Или тебя уволили? Не мог больше там работать, поэтому приехал сюда, как чужак?

Он нервно провёл рукой по лицу.

— Я не принимаю наркотики, — сказал я. — Я не тусуюсь с людьми, которые принимают наркотики, и определённо не хочу, чтобы они шатались рядом с моим ребёнком. Всё видел, всё знаю, и теперь мне приходится жить с последствиями этого

каждый день остатка своей жизни. Я думал, тебе это известно, как никому другому. Думаю, мне следует уйти.

— Я могу объяснить.
— Нечего тут объяснять.
— Ты не можешь просто уйти.
— Могу и уйду.
— Ты со мной расстаёшься?

— Да.

— Почему?
— Я только что сказал тебе, почему.

— Из-за этого? — не веря спросил он, махнув рукой на свою заначку.

— Мне нужно идти.

— Не уходи.

Я отвернулся от него.

— Вилли, пожалуйста! Я люблю тебя.

Я не ответил. Я пошёл в гостиную забрать Ноя.

Джексон плёлся за мной, умоляя, всё больше и больше расстраиваясь.

— Ты просто уйдёшь? — недоверчиво спросил он. — Вот так просто? Даже не дашь мне шанс?

Я положил руки на плечи Ноя и прижал его к себе, будто он был наглядной демонстрацией причины моего ухода, я всего лишь покачал головой.

— Вилли, пожалуйста! — воскликнул он.

— Мне жаль, — произнёс я.

Ной был в замешательстве, когда я направил его за дверь.

Глава 45

Ты злишься?

Я прошёл в свою комнату и захлопнул дверь. Я чувствовал себя униженным, преданным, а в глубине души еще и глупым, и бестолковым... и слишком уж доверчивым. Я включил вентилятор, открыл окно, сел на кровать, чувствуя себя жалким, горячим, нервным.

Я расплакался.

Мой первый бойфренд был алкоголиком, как мой отец. Точно таким же, как мой отец. Обычно добрым мужчиной, но когда напивался, начиналось в колхозе утро...

Я пообещал себе, что никогда не свяжусь с очередной зависимостью. Конечно, на следующий год я наткнулся на Кайлу и её безумие, позволив себе втянуться, пофлиртовать с этим самому, попробовать это, сидеть голым рядом с Кайлой, пока мы курили мет и ловили кайф, просиная свои жизни как дураки, которыми мы и были.

Такой образ жизни мне не подходил. Мне не нравилось быть под кайфом, выходить из-под контроля, чувствовать, будто по моему лицу ползают муравьи. Мне не нравилось приходить в себя, чувствуя тошноту и обезвоживание. Мне не нравилось зависеть от какого-то вещества, которое было дорогим и опасным и с лёгкостью могло довести меня до тюрьмы.

Но к тому времени было слишком поздно. Кайла была беременна. Ущерб был причинён.

Я плакал, уткнувшись в свои руки, стараясь быть тихим. Почему, я не знал. Не то чтобы Ной мог меня услышать.

Он пришёл в мою комнату, кусая нижнюю губу.
Я робко потёр глаза, стараясь прекратить плакать.
Он подошёл ко мне, и я притянул сына ближе, поцеловал его волосы и обнял. Я плакал в его грудь так, как он часто плакал в мою.
В конце концов, я отстранился.
Почему ты плачешь? — спросил он.
Я рассстроен.
Ты злишься на меня?
Нет, милый.
Ты злишься на Д—ж—е—к—а?
Да.
Почему?
Я потёр глаза, пытаясь собраться.
Почему? — потребовал он.
Не переживай об этом. Это не твоя проблема. Со мной всё будет в порядке.
Пожалуйста, не плачь.
Прости. Я рассстроен.
Джей больше тебя не любит, папа?
Это тяжело объяснить.
Разве ты его не любишь?
Нет, люблю.
А он тебя не любит?
Мы поругались. Мы больше не будем друг с другом видеться.
Почему?
Потому что не можем.
Почему?
Я не знаю, как объяснить.
Тебе грустно?
Да.
Я всё равно тебя люблю.
Я знаю, что любишь.
Он прильнул ко мне; обвил руками мою шею, будто чтобы сказать: "У тебя всё *ещё есть я. Я всё ещё здесь*".

Глава 46

Хуан приходит снова

Следующим вечером, как раз к ужину, зашёл Хуан. Он не постыдился наброситься на хот-доги и тушёную фасоль. Мы едва могли вытянуть из него хоть слово, пока он утолял свой голод. Это было приятным отвлечением от мрака, который навис над нашей маленькой квартирой. Отсутствие Джексона казалось смертью близкого родственника.

Каждый раз, когда Хуан бросал на меня взгляд своих светло-карих глаз, я чувствовал покалывание в животе. Мне нравилось, как торчали из-под волос его уши, придавая ему шаловливый вид.

Хоть он провёл час за игрой в Xbox с Ноем, пока я убирал на кухне, на уме у него было больше, чем это. После того, как Ноэль пошёл в кровать, его намерения стали очевидны.

Я не так уж сильно сопротивлялся, когда он взял меня за руку и повёл в мою спальню. Он быстро разделся, а затем стоял и смотрел на меня, ожидая, что буду делать я.

Он был таким же симпатичным, как я помнил, его кожа была гладкой, мягкой и тёплой. Я толкнул его спиной на кровать. Мне понадобилось лишь небольшое одобрение, пока я стягивал с себя одежду и раздевался перед ним догола.

Я был возбуждён. Возбуждён, но не влюблён в него. Я не думал, что когда-нибудь смогу в него влюбиться. Не хватало чего-то жизненно важного. Возможно, простоты общения. Совместного опыта. Похожих взглядов на жизнь.

Ничего из этого не имело значения. Я был одинок, возбуждён и зол на Джексона, а Хуан был рядом, сладкий, обнажённый и настоящий, и этого было достаточно.

Мы долго обнимались на моей кровати, держа друг друга, изучая тела друг друга. Он не спешил. Как и я. Я наслаждался ощущением его рук на моей коже, видом его застенчивых улыбок, его страстных, но неопытных поцелуев. Чего ему не хватало в опыте, он восполнял энтузиазмом и сладостью невинности.

Я люблю тебя, — прожестикулировал он, когда всё закончилось.

Не дожидаясь ответа, он свернулся в моих объятиях, закрыл глаза и быстро заснул.

Глава 47

Голосовая почта

После моей смены в "ФудВорлде" в пятницу, я обнаружил два голосовых сообщения на телефоне. Первое от Джексона, который снова просил позвонить, не игнорировать его. Другое было от миссис Уоррен, которая слёзно просила меня перезвонить ей и быстро. Сидя в своём универсале на палящей дневной жаре парковки "ФудВорлда", со включенным на всю мощность кондиционером, я набрал её номер.

— Алло? — тихо произнесла она.

— Миссис Уоррен, это Вилли. Вы просили перезвонить.

— Ох, Вилли, — сказала она.

Затем она замолчала.

— Всё в порядке?

— Кайла мертва, Вилли. У неё случилась передозировка.

— Мне жаль, — как-то на автомате произнёс я.

— Мы думаем, она могла сделать это специально, — добавила она.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы обдумать её слова и то, что они значат, не только для меня, но и для Ноя.

Несколько долгих мгновений она ничего не говорила. Я слышал, как она старается взять под контроль свои эмоции.

— Пожалуйста, приходи на похороны, — в конце концов, сказала она. — Прощание будет в воскресенье днём, в два.

— Как же ваш муж?

— О, да кого это волнует? — спросила она.

Она внезапно повесила трубку, а я сидел и слушал, как напрягается автомобильный кондиционер, чтобы обеспечить намёк на прохладу, но ему не удается.

Что я скажу Ною?

Я поехал домой, припарковал машину, прошёл вниз по улице к дому миссис Хамфрис, где нашёл их всех на переднем крыльце. Миссис Хамфрис и мистер Эдди

сидели в креслах-качалках, Кики и Ной играли в карты на полу, а Тоня, мать Кики и моя лучшая подруга, сидела на перилах.

Привет, мистер К.! — — прожестикурировала Кики, увидев меня.

Привет, К.

— Привет, Вилли, — сказала Тоня.

— Как у вас дела? — спросил я.

— Вилли, что случилось? — сразу же спросила миссис Хамфрис.

Я взглянул на Ноя, который тоже заметил выражение моего лица.

— У кое-чьеи мамы случилась передозировка, — тихо сказал я, ради Ноя намеренно расплывчато.

— О, Господи, — отозвалась миссис Хамфрис.

— Кайла? — спросила Тоня.

Я кивнул.

Теперь Тоня тоже смотрела на Ноя.

— Дайте мне рассказать ему, — сказал я.

— О, Боже, мистер Вилли, — сказала миссис Хамфрис.

— Он сегодня рассказывал мне, что писал Железному человеку, — сказала Тоня.

— Хотел, чтобы тот нашёл его маму. Мне так жаль, Вилли. Мы можем чем-то помочь?

Я покачал головой.

Папа, что случилось? — спросил Ной.

Давай пойдём домой и поедим, — сказал я, хотя ещё было слишком рано для ужина.

— Я пойду с вами, — сказала миссис Хамфрис, вставая с кресла. — Я приготовлю еду, а ты просто сделай то, что должен, мистер Вилли.

— Я в порядке, — сказал я.

— Я тебе покажу *"в порядке"*. Ты не должен быть сейчас один.

— Вилли, почему бы тебе просто не зайти к нам и не поесть? — предложила Тоня. — Он может провести вечер с Кики.

Папа, что случилось?

Эти жесты были резкими, нетерпеливыми, лицо Ноя исказилось от оцепенения и страха.

Я смотрел на него.

— Просто скажи ему, — тихо произнесла Тоня.

Но я не мог. Я вытер глаза и отвёл от сына взгляд. Я подумал о том дне на парковке, когда мы видели её в последний раз, как она отвергла его, оттолкнула, сбежала, какую сильную боль причинила она ему.

Я вдруг очень разозлился, но в то же время меня переполняло чувство безнадёжности.

Я не знаю, почему Ной так сильно любил её, но он любил. Она не давала ему никакого повода для этой любви.

— Хочешь, чтобы я о нём позаботилась? — спросила Тоня, накрывая ладонью мою руку.

Я кивнул.

Тоня усадила Ноя на ступеньки, присев перед ним на корточки.

— У нас плохие новости о твоей маме, Н—о—й, — сказала она, одновременно с этим жестикуируя.

Что-то не так? — спросил он.

Тоня была честной и сказала ему, что да, не так.

Что?

— Твоя мама умерла, Н—о—й. Нам жаль. Мы знаем, что ты очень сильно её любишь.

Он поднял взгляд на меня, словно удостовериться, было ли это правдой.

Мне жаль, милый, — прожестикулировал я.

— Нет! — со злостью воскликнул он. — Нет!

Тоня притянула его ближе в свои объятия, зная, на собственном опыте, о злых, раздражённых глухих детях.

— А ну тише, малыш, — проворковала она ему. — Мы все здесь, и ты в порядке. И мама Тоня здесь, и мама Тоня любит тебя.

Он скулил, стонал, цеплялся за её шею, зарывался лицом в её волосы.

Я сел на ступеньку рядом с ним, и он передвинулся ко мне, прижимаясь к моей груди.

Я сидел с ним долгое время, пока он рыдал.

— С ним всё будет в порядке, — сказала мне Тоня, её голос был полон уверенности. — Он сильнее, чем ты думаешь.

— У него никогда не было шанса узнать её, — сказал я.

— Он знает её в своих мыслях, — сказала она. — А это так же реально.

— Что с ней случилось, Вилли? — спросила миссис Хамфрис.

Я рассказал о телефонном звонке от миссис Уоррен.

Я ничего больше не знал.

— Она ходит в церковь Первого Баптиста, — отметила миссис Хамфрис.

— Да, — сказал я, рассеянно думая о гнусности баптистских похорон.

— Я заберу его домой, — сказал я.

— Позвони, если что-нибудь понадобится, — сказала Тоня.

Я пообещал, что позовню.

Глава 48

Человек, заменяющий мать

Ной сидел на диване в гробовой тишине.

Я позвонил маме и рассказал ей новости.

— Ты можешь выяснить, каким похоронным бюро они будут пользоваться? — спросил я её.

— Ты никуда не пойдёшь! — воскликнула она.

— Меня попросила миссис Уоррен, — сказал я, — и Кайла была матерью Ноя, в конце концов.

— Ох, Вилли, — произнесла она, тяжело вздохнув. — Полагаю, ты прав. Я позовлю и посмотрю, что можно выяснить.

— Ты могла бы пойти со мной, — предположил я. — Мне не особо улыбается встречаться со всеми теми ублюдками в одиночку.

— Я пойду с тобой, — заверила она меня.

— Ты в моей жизни практически как мать, ну, или, по крайней мере, человек, заменяющий мать.

— Зная тебя, я приму это как комплимент и оставлю всё так, — сказала она. — Как Ной?

— Не очень хорошо, — сказал я, бросив на него взгляд.

— Хочешь, чтобы я приехала?

— Нет, — ответил я.

— Почему ты всегда меня отталкиваешь?

— Я не отталкиваю.

— Каждый раз, когда у тебя неприятности, ты отсиживаешься и не позволяешь никому увидеть тебя или помочь. А потом жалуешься и обвиняешь нас в том, что мы тебя не поддерживаем.

— Я так не делаю.

— Делаешь. Я выезжаю.

— Мама, нет.

— Я еду увидеться со своим внуком.

— Мама!

Она повесила трубку.

Я нахмурился.

Она была права насчёт того, что я отсиживаюсь и разбираюсь со всем сам, но у меня были свои причины.

Бабушка едет тебя увидеть, — сказал я Ною.

Почему моя мама меня не любит? — спросил он, его лицо исказили эмоции. — *Я не тупой!*

Ты не тупой, — согласился я.

Почему? — со злостью требовал он жестами.

Она любила тебя, — сказал я, соврав. — *Но она была больна. У неё были проблемы. Она не знала, как быть матерью.*

Но почему?

Не знаю, — признался я.

Поэтому она не приходила меня увидеть?

Я не понимаю.

Она умерла. Поэтому она ко мне не приходила?

Она была больна, — повторил я, не желая отвечать на его вопрос.

Она заболела и умерла?

Да.

Где она сейчас?

Ей пришлось уйти на небеса и поговорить с Иисусом.

Когда люди идут на небеса, это значит, что они ушли и не вернутся.

Я знаю.

Она не вернётся?

Нет.

Почему?

Она не может.

Это из-за меня?

Нет, милый.

Она вернётся, если ей не придётся со мной видеться?

Она уже ушла. Она не может вернуться.

Но...

Его слова затихли на этом моменте. Он не мог найти подходящих знаков, чтобы спросить то, что было у него на уме.

Она злится на меня, потому что я тупой?

Ты не тупой. И она не злится на тебя.

Я не понимаю.

Произошёл несчастный случай, и она умерла. Это не твоя вина. Она не злилась на тебя.

Несколько долгих мгновений он молчал, стараясь обдумать это в голове.

Ты тоже умрешь? — спросил он.

Нет, — сказал я, снова солгав.

Я не понимаю, потому что я тупой.

Не говори так!

Это правда, — настаивал он. — Я тупой! Очень-очень тупой!

Ты маленький мальчик. Ты ещё многоного не понимаешь, но когда-нибудь поймёшь, когда станешь старше и больше. Когда я был маленьким, как ты, умерла моя бабушка, и я тоже не понимал. Твоя бабушка сказала мне, что она отправилась на небеса и говорит с Иисусом.

Иисус позаботился о ней?

Да, — сказал я. — Теперь он позаботится и о твоей маме. Она больше не будет больна. Он убедится, что с ней всё хорошо. Теперь тебе не нужно за неё переживать. Когда-нибудь мы тоже отправимся на небеса и поговорим с Иисусом, и мы снова увидим её, и она будет в порядке.

На его лице отражалась сосредоточенность, пока он думал об этом.

Ладно, — наконец сказал он. — Но я по ней скучаю.

Я знаю.

Она скучает по мне?

Знаю, что скучает, милый.

Я сел на диван и притянул его ближе. Он положил голову на моё плечо и начал тихо плакать. Его слёзы быстро стали растерянными, полными боли, замешательства и обиды.

"Лучше наружу, чем внутрь" — было моим девизом, так что я дал ему поплакать и не вмешивался. Видя, что он испытывает такую боль, я тоже немного поплакал, и вот так нашла нас моя мать спустя сорок минут, когда зашла через переднюю дверь в квартиру и посмотрела на нас обеспокоенным, тревожным взглядом.

Она села в кресло, и Ной подошёл к ней, как маленький мальчик, которым он и был, забрался на колени и потянулся за милостью, зарываясь лицом в её грудь.

— Ты рассказал ему? — спросила она.

— Конечно. Я приготовлю нам что-нибудь на ужин. Когда он успокоится, может быть, ты сможешь его искупать. Он весь день играл с Кики и чуток воняет.

— Тебе следует разрешать ему принимать ванну самому.

— Обычно я так и делаю, — сказал я, — но вместо того, чтобы просто говорить ему, что ты любишь, заботишься о нём, и будешь рядом в этот болезненный, сложный период его жизни, почему бы не показать? Почему бы не показать все нелепости своей любви, а не притворяться, что ты действительно его любишь?

Сарказм в моём голосе был болезненно очевидным.

— Прости, — сказала она. — Я обещала себе, что не буду с тобой ругаться.

— Тогда не ругайся.

— Проблема в том, что ты такой же, как я.

— Сомневаюсь в этом, — ответил я.

— Во многих смыслах мы похожи, — сказала она. — Ты всегда знаешь, чего хочешь, и не знаешь, как уступить. И, конечно же, ты осмотрительный.

Я собирался сказать, что это неправда, но на самом деле так и было. Я был осмотрительным и никогда не уступал.

— Это значит, что ты не знаешь, как уступать? — спросил я.

— Я учусь. А ты?

— Если бы я не научился находить компромиссы и уступать, вы все уже давным-давно сожгли бы меня заживо. Я всё ещё должен быть начеку.

— Так ты себя чувствуешь?

- Ну, да, — сказал я. — Это у меня разбита губа.
- Как она?
- Покупатели продолжают спрашивать, кто меня избил.
- Что ты говоришь?
- Я говорю им, что это сделала моя мама, потому что я сказал, что её жареная курица на вкус как из KFC.
- Она рассмеялась против воли.
- За это я бы тебя ударила, — согласилась она.
- Ной уже затих, засунув в рот большой палец. Мама, заметив это, нахмурилась.
- Не бери в голову, — сказал я. — Он делает так, когда расстроен.
- Но ему почти десять!
- Не бери в голову, мама. Ради Бога!
- Ладно, — сказала она. — Возможно, тебе лучше знать.
- Не думаю, что когда-нибудь слышал, чтобы она такое говорила.
- Кайлу передали в «Мортимер», — тихо добавила она, ссылаясь на похоронное бюро «Мортимер» в Нью-Олбани.
- Ты идёшь со мной?
- Да, — просто сказала она.
- Её отец будет зол.
- И пусть, — ответила она. — Я бы и в носу не поковырялась ради этого мужчины.
- Думаю, Ною пора спать, — сказал я.
- Я передвинул его, чтобы он мог растянуться на диване и уснуть, положив голову на колени моей матери. Его глаза казались особенно тёмными от слёз. Я включил вентилятор.
- Я принесу подушку, — сказал я.
- Я просто посижу здесь с ним, — ответила она, гладя его по волосам. — Как он всё воспринял?
- Очень расстроился.
- Почему?
- Я не знаю.
- Он ведь не знает её.
- Его это не волновало, пока он не пошёл в школу и не понял, что у других детей есть и мамы, и папы. Думаю, эта мысль его беспокоит: сама возможность иметь маму. Он ещё не знает, как об этом говорить.
- Где это слыхано, чтобы мать отказывалась от своего собственного ребёнка?
- Ты отказываешься от меня, — отметил я.
- Неправда! — воскликнула она.
- Ты не принимаешь меня таким, какой я есть. Ты любишь меня потому, что должна, но не потому, что я тебе нравлюсь.
- Ты так думаешь?
- Это правда.
- Я хочу, чтобы ты был счастлив.
- Ты хочешь, чтобы я испытал твою версию счастья или то, что ты считаешь счастьем, или что должно им быть. Для меня твой вид счастья — полный ад. Меня не привлекают женщины. От мысли о сексе с ними меня, если честно, тошнит. Ты продолжаешь говорить, чего от меня хочет Бог, а я продолжаю говорить, что это куча дерьма, потому что так и есть. Это не может быть тем, чего от меня хочет Бог.
- У тебя был секс с Кайлой, — отметила она.
- Да, и я всё время думал о парнях, просто чтобы у меня встал.

— Вилли!

— Это правда.

— Ты преувеличиваешь.

— Нет, не преувеличиваю, мама. Это было стыдно. Я чувствовал себя глупо. Просто это было неправильно, и я знал, что это неправильно. Моя совесть говорила мне, что это плохо, и мы остановились спустя пару месяцев, потому что я просто больше не мог этого делать.

У неё отвисла челюсть.

— Не удивляйся. У меня есть совесть.

— Я часто задаюсь этим вопросом, — сказала она.

— Моя совесть говорит мне, что неправильно заниматься сексом с каждым встречным. И я никогда этого не делал. Ну, по крайней мере, не особо часто. Считаю, что следует влюбиться, прежде чем доставать своего вилли.

— Я буду на это надеяться.

— Говорить с тобой о сексе довольно-таки странно, — сказал я.

— Не делай из этого привычки. У меня уже достаточно седых волос. Как твой друг?

— Джексон?

— Да.

— Откуда мне знать. Я больше с ним не разговариваю.

— Это почему же?

— Он наркоман. Я нашёл в его ванной кучу рецептурных препаратов. На них не было ярлыков, так что, полагаю, он их украл у фармацевта в больнице.

— Это ужасно.

— Ещё одно доказательство того, что у меня есть совесть, — сказал я. — Я бы никогда за миллион лет не позволил кому-то такому ошиваться рядом с Ноем. Но он хорошо целовался. Следует отдать ему за это должное.

— Ты действительно порвал с ним?

— Конечно.

— Но ты так давно ни с кем не встречался.

— Будто тебя это волнует.

— Ну, может и волнует, Вилли. Он кажется достаточно милым парнем.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — спросил я, удивлённый, что она говорит что-то позитивное об одном из моих парней.

— Я не злая ведьма, которую ты из меня делаешь, — чопорно произнесла она. — Я хочу, чтобы ты был счастлив.

— Мне в это сложно поверить.

— Не ругайся со мной, Вилли, — настоятельно попросила она. — Я не выношу, когда ты со мной ругаешься.

— Перестань осуждать и ненавидеть меня, и я перестану с тобой ругаться.

— Я стараюсь, — просто ответила она.

У меня не было слов, так что я ничего не сказал.

— Я говорила с отцом Гиндербахом о тебе и Ноем, — тихо сказала мама. — На самом деле, я ходила на исповедь.

— Зачем?

— Потому что чувствую, что всё это моя вина.

— Что твоя вина?

— Ты, — сказала она. — Нои. Я всегда хотела для тебя лучшего. Для вас обоих, для тебя и Билли, для тебя и Ноя. Но у меня такое чувство, будто мне не удалось, будто я сделала что-то не так и просто не знаю, что именно.

— Это бред собачий, — сказал я.

— Так и сказал отец Гиндербах.

— Правда?

— Правда, — ответила она. — Он сказал, что ты уже взрослый и должен сам делать нравственный выбор, что ты кажешься приятным мужчиной, а Ной кажется действительно милым мальчиком, и что мне пора перестать вставать у тебя на пути, а поддерживать и помогать тебе по мере своих сил.

— Он *это* сказал?

— Он не похож на отца Джорджа, это уж точно.

— И на том спасибо, — сказал я. — Уверен, алтарники всего округа Юнион вздохнут с облегчением.

— Он немного либеральный, — признала мама.

— Может быть, Бог тоже, — предположил я.

— Может быть, — ответила мама.

Глава 49

Тайрон смеётся

Бывают дни, когда я все-таки наслаждаюсь своей работой, когда заботиться о покупателях и убеждаться, что все счастливы — прикольно, когда в воздухе присутствует волнение и энергия, пока мы коллективно пытаемся справиться с равномерными потоками покупателей.

Это был не один из таких дней.

Это была одна из таких суббот, которые тянутся и тянутся, будто моя пятичасовая смена вдруг увеличилась до пяти тысяч часов. Взгляд на циферблат сделал только хуже, подчеркнул, что минуты проползают мимо как букашки в патоке. Это был день, когда у каждого покупателя была проблема, или куча купонов, или жалоба, или предмет, цену которого нужно проверить. Все отчаянно спешили. Трое моих покупателей "забыли" свои карточки и убежали, оставив мою кассу в середине операции без другой возможности прервать покупку, кроме как позвонить дежурному менеджеру. Каждому другому покупателю, кажется, нужно было закончить операцию трудолюбивым выписыванием чека, совершенно не торопясь, будто они делали миру одолжение, оставаясь верными чекам, а не сдавшимся дебетовой карточке, как нормальные люди.

Тяжёлая это работа — проводить бесчисленный поток предметов через сканер, особенно, когда многие эти предметы тяжёлые или громоздкие, как мешки с собачьим кормом, или ящики содовой или пива, или большие жирные арбузы, не говоря уже о безбожных коробках кошачьего наполнителя, который весит чёртову тонну.

Уже после полудня я взглянул на свою очередь и, увидев большой хвост, вздохнул.

Тайрон упаковывал продукты и выглядел таким злым, что я удивился, как ещё никто из покупателей не пожаловался мистеру Оуэну.

Я повернулся к нему и нарисовал на губах улыбку.

Он обнажил зубы.

Я усмехнулся.

Я подумал, что могу умереть раньше, чем наступит два часа.

Без пяти два в моей очереди появился Джексон Ледбеттер с дюжиной красных роз и коробкой шоколадных конфет.

"Вот чёрт", — подумал я, моё сердце ухнуло вниз.

— Привет, — сказал он.

— Как делишки? — машинально спросил я.

— Ты бы знал, если бы отвечал на мои звонки, — легко ответил он.

Я провёл его цветы и конфеты через сканер.

— У тебя всё?

— Они не для меня, они для тебя, — сказал он, открывая бумажник, чтобы найти кредитку.

— Ты не обязан этого делать, — сказал я.

— Я хочу.

— Ты меня не понял, — сказал я. — "Ты не обязан этого делать" равняется южному выражению "перестань меня позорить, ты, чёртов ублюдок".

— Это правда? — с улыбкой спросил он.

Я протянул цветы Тайрону, сам положил конфеты в пакет и протянул их Джексону вместе с чеком.

— Хорошего дня, — сказал я.

— Это для тебя, — сказал он, доставая конфеты из пакета и кладя их на нижний край конвейерной ленты.

— Ты действительно делаешь это со мной, прямо здесь, у меня на работе? — спросил я.

— Ну, ты мне не звонишь.

Тайрон усмехнулся впервые за день. Когда я взглянул на него со злостью, он нарисовал на своих губах улыбку и приподнял брови.

Ублюдок.

— Джек, — тихо произнёс я. — Забери свои цветы. Забери свои конфеты. Забери свои рецептурные препараты, которые ты, вероятно, украл в фармации, где работаешь, и забери свои извинения, свои телефонные звонки, и свои сообщения, и всё остальное, засунь прямо в свою костлявую задницу янки и не беспокой меня, пока я работаю. По южному это значит "отвали".

— Я покончил с таблетками, — сказал он. — Пожалуйста, Вилли. Мне нужна твоя помощь. Я знаю, что ты злишься, но ты можешь хотя бы поговорить со мной?

— Забирай свои вещи и уходи, я подумаю над этим, — предложил я, желая избавиться от него в своей очереди.

— Кто знал, что ты такая стерва? — обиженно спросил он.

— Кто знал, что ты наркоман? — парировал я.

Его лицо омрачилось стыдом.

Тайрон продолжал стоять в конце моей кассы, улыбаясь, как чеширский кот.

— Хотя бы поговори со мной, — сказал он. — Я буду ждать тебя снаружи.

Я смущенно повернулся к следующему покупателю, вдруг понадеявшись, что Джалиса опаздывает, чтобы моя смена продлилась, и Джексону пришлось подождать.

Но нет.

— Привет, милашка, — сказала Джалиса, когда подошла.

— Как делишки? — спросил я.

— Сегодня у меня благословенный день. И будет ещё более благословенным, когда закончится. У тебя всё хорошо?

— Пока жив, — сказал я. — Но всё может измениться.

— А то, — ответила она.

Глава 50

Ещё один шанс?

Джексон встретил меня у двери. Он сидел снаружи на лавочке, которую сотрудники использовали во время своих перерывов. Он поспешил ко мне, на его лице отражалась тревога.

— Не поступай так со мной, — произнёс он.

Он попытался сунуть цветы и конфеты мне в руки, будто они могли что-то изменить. Я оттолкнул их, ясно давая понять, что не хочу этого.

— Что я могу сделать? — спросил он. — Я совершил ошибку. Мне жаль. Помоги мне всё исправить.

Я направился к своей машине, не в настроении для такого разговора.

— Вилли, пожалуйста, — сказал он, плетясь за мной. — Ты делаешь из меня дурака.

— Дурака из тебя делают наркотики, — сказал я, кидая на него взгляд через плечо.

— Знаю, — ответил он. — Это было глупо. Но я брошу. Ты должен доверять мне.

Я повернулся к нему лицом.

— Я не должен тебе доверять. Я не должен ничего делать.

— Я не это имел в виду.

— В этом нет смысла, потому что мне не нравятся наркотики, и мне не нравятся люди, которым нравятся наркотики, и это не изменится. И я не собираюсь тратить свою жизнь на ожидания, пока ты решишь, хочешь реальности или какого-то искусственного мира. Я предпочитаю реальность. Если бы у тебя были хоть какие мозги, ты бы тоже выбрал её.

— Я стараюсь, — несчастно произнёс он.

— Рад за тебя, — сказал я.

— Я отнёс их обратно, — сказал он. — Все таблетки. Я положил их обратно. А остальные смыл в унитаз. Я сказал себе, что не буду делать этого снова и не собираюсь. Но, пожалуйста, Вилли, ты должен помочь мне.

— Почему?

— Я не хочу потерять тебя.

— Переживёшь.

— Как ты можешь быть таким злым?

— Я всё своё детство ждал, пока мой папочка решит, что предпочитает больше виски или меня. В конце концов, победило виски. Это всегда было виски. Такие вы люди. И вы ожидаете, что мы, все остальные, будем вам помогать и справляться с вами, убирать рвоту, вытряхивать пепельницы, прощать, и ждать вас, и так далее и тому подобное. Мой первый парень был таким. Мне потребовался целый год, чтобы понять, что я ждал чего-то, чего не случится никогда. Я не собираюсь снова проходить через это дерьмо, ни ради тебя, ни ради кого-либо ещё. И я определённо не собираюсь вовлекать в это своего ребёнка.

— Я изменюсь.

— Надеюсь на это.

— И всё?

— Да. Всё.

— Я думал, ты любишь меня.

— Я тоже так думал. Всё меняется.

— Неважно, что ты чувствуешь, я люблю тебя, Вилли. Для тебя это ничего не значит?

Я ничего не ответил.

— Мы можем быть хотя бы друзьями? — спросил он.

Я снова пошёл к своей машине, не отвечая. Я не ответил, потому что не был уверен, каков будет мой ответ. Я сильно влюбился в этого мужчину. Он легко смог очаровать меня и заставить делать то, что, как я знал, не приведёт меня ни к чему хорошему.

Я дошёл до своей машины, вставил ключ в дверь, бросил взгляд через плечо, ожидая увидеть, что Джей всё ещё там. Вместо этого я увидел, что он бросил розы и конфеты на землю и уходил прочь, его плечи печально поникли.

Почему-то это было намного хуже, чем все остальное, что он мог сделать.

Глава 51

Похороны бывшего друга

В воскресенье мы опаздывали на службу торжества жизни Кайлы. Я остановился на заправке и подумал купить пачку сигарет, считая, что они каким-то образом помогут мне пережить этот день. Нои сстроил гримасу отвращения, когда увидел, что я собираюсь купить сигареты. Он в пантомиме изображал, что его тошнит по всей машине, просто чтобы убедиться, что его точка зрения мне ясна.

Я вернул машину обратно на дорогу и поехал забирать маму.

Парковка возле похоронного бюро была переполнена автомобилями, как и подобало проводам дочери одного из самых известных граждан города.

— Ты уверен насчёт этого? — спросила мама, пока я парковался в переулке.

— Не совсем, — признался я. — Но нас пригласили.

Я вышел, неловко поправив рубашку и галстук. Я чувствовал себя полным придурком. У меня не было подходящего костюма. Мои туфли были потёртыми и выглядели оправданно запущенными. Улыбаясь подбадривающей улыбкой, я проверил галстук Ноя, убрал волосы с его глаз и ворсинки с плеч.

По крыльцу похоронного бюро слонялась дюжина мужчин, они курили, болтали и общались. Пока я подходил, держа за руку Ноя, на нас смотрели. Не враждебно. И не дружелюбно. Просто смотрели.

Вдоль кустов стояли полицейские машины, а у въезда на парковку расположились помощники, направляя движение прибывающих, готовясь обеспечить эскорт.

Мама шла впереди, пока мы шагали по тротуару к ступенькам в похоронное бюро. Она много лет работала учителем. Без сомнения, некоторые мужчины, которые стояли и наблюдали за ними, были её бывшими студентами.

— Миссис Кантрелл, — поприветствовал её один из них.

Мама не обратила на него никакого внимания.

В похоронном бюро было так многолюдно, будто сюда стеклось всё население Нью-Олбани. Большинство были хорошо одеты, даже дети. Они не были похожи на тех, кто купил себе прикид в «Волмарте» или в «Доллар Стор». Очередь из тел вела к главному залу, где проходило прощание.

На пути туда мама поприветствовала много местных.

Мне стоило отдать ей должное за то, что она вела себя напористо, как женщина, которую ничуть не пугали выстроенные против нас силы. Большинство людей были

баптистами; мы — католиками. Большинство были при деньгах; мама была женщиной со скромным достатком, а я совершенно нищим. Большинство были городскими жителями; мы жили в деревне. Большинство были спасены от участия в жизни трудного ребенка гомосексуалиста, что было куда хуже, чем ребенок наркомана или женоненавистника. По крайней мере, это можно было понять.

На Ноя много смотрели. По толпе прошёл шёпот о том, что пришёл внебрачный ребёнок Кайлы вместе с гомосеком, который его зачал. Я мог видеть это по тому, как на нас смотрели люди, как они замолкали, когда мы подходили. В их глазах была жалость к мальчику, который потерял свою мать, но ох, как же восхитительно то, что внебрачный ребёнок вернулся домой на насест. Наверняка, по этому поводу будет салют.

Нам не мешали, пока мы не добрались до зала, готовясь войти.

— Миссис Кантрелл, — обратился к моей матери пожилой мужчина. На нём вместо обычного галстука был галстук-боло*, ковбойские сапоги и костюм из полиэстера, а пахло от него перечной мяты.

* Галстук-боло — галстук в виде шнурка с орнаментальным зажимом или оригинальным узлом.

— Бо Джимсам, — произнесла она. — Как ты?

— Всё хорошо, — ответил он, проводя рукой по тому, что осталось от его волос.

— Марта, думаешь, сейчас удачный момент? — спросил он, оглядываясь вокруг, словно чтобы указать на присутствие стольких людей.

Уважаемых людей.

— Что ты имеешь в виду, Бо? — спросила она.

— Думаю, Уоррены будут очень расстроены, если...

— Если их внук придет на похороны своей матери?

— Все знают, что они не были близки.

— Разве? — спросила она.

Он неловко сглотнул.

— Об этом говорят, — уверенно прошептал он. — Не принимай это на свой счёт.

Я просто пытаюсь всё сгладить.

— Ну, конечно, — сказала мама, проталкиваясь мимо него и входя в зал.

Кайла была прямо перед нами, в красивом гробу из красного дерева. Перед ней стояла пара, закрывая нам вид. Диваны и стулья были заняты. Люди стояли рядом с растениями в горшках, разговаривали, вспоминали. В одном углу по телевизору крутилось видео о жизни Кайлы, показывая её детские фотографии, снимки с её родителями и друзьями, школьные фотографии. Вдоль левой стены располагался длинный стол с гостевыми книгами, чтобы выразить соболезнования. Каждый свободный уголок заполняли цветы. Мистер и миссис Уоррен сидели на главном диване, окружённые семьёй и друзьями. Они нас не видели.

Понадобилось три секунды, чтобы в зале воцарилась тишина.

Все взгляды обратились к нам.

У меня случился один из тех моментов, когда я искренне желал, чтобы земля разверзлась и захватила нас в свои огненные недра.

Толпа перед Уорренами разошлась, и мистер и миссис Уоррен вдруг осознали наше присутствие. Мистер Уоррен нетвёрдо поднялся на ноги. Зрители уступили ему пространство.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он, глядя на меня с нескрываемым презрением.

Миссис Уоррен стояла за ним, выкручивая руки, её губы двигались так, будто она пыталась отыскать свой голос.

— Ты убил мою дочь! — прокричал мистер Уоррен.

— Гарольд, — успокаивающим тоном произнёс мужчина позади него.

— Мне рот не заткнёшь! — воскликнул он. Он погрозил мне пальцем. — Если бы не ты... Хотел бы я, чтобы она никогда тебя не видела, ты, грязный гомосек!

— Гарольд, — снова сказал мужчина, громче, более настойчиво, голосом того, кто убеждал его не строить из себя дурака.

Гарольд отказывался слушать.

— Я просил у Бога, чтобы она никогда не встречала тебя! — хрипел он, делая нетвёрдый шаг вперёд. — О Боже, моей малышки нет! Как это может со мной происходить?

— Мне жаль, — произнёс я.

— О, тебе жаль? — ответил он, подражая мне. — Гомосеку жаль! Человек, который разрушил мою дочь... ему жаль! Отец Небесный! Если я когда-нибудь увижу тебя на моей территории, Вилли Кантрелл, я всажу тебе между лопаток столько картечи, что вместо шляпы ты будешь носить свою задницу! О, Христос, как ты можешь поступать так со мной?

— Гарольд, — сказала пожилая, внушительная женщина, кладя ладонь на его руку и пытаясь вернуть его обратно на диван. Это была его сестра, матрона с суровым лицом и именем Грейс Мэри.

— Почему ты здесь? — требовательно спросил мистер Уоррен, стряхивая руку сестры и глядя на меня. — Как ты смеешь! Ты ещё недостаточно натворил?

— Я его пригласила, — произнесла позади него миссис Уоррен сбивчивым голосом.

Наступило молчание.

— Что ты сделала? — спросил он, поворачиваясь посмотреть на неё.

— Я его пригласила, — сказала она. Я видел, как она подавляет свою нервозность, как набирается мужества. Затем её черты охватила стальная решимость.

— Ты? — не веря, спросил он.

Она указала дрожащим пальцем на Ноя.

— Этот мальчик — всё, что осталось от нашей дочери, Гарольд. Ты понимаешь это? Он единственный внук, который когда-либо у меня будет, и ты не заберёшь его у меня. Ты станешь наказывать его за то, что сделала твоя дочь. Ты отталкиваешь его потому, что не хочешь встречаться лицом к лицу с правдой. Что ж, с меня хватит.

— Ты прекрасно знаешь, как я к этому отношусь, — сказал он. — Я не хочу видеть этого человека или этого ребёнка... Я не... ты знаешь, что я чувствую!

— О да, знаю, — ответила она, кивая головой. — Но, может быть, пора тебе обратить внимание на то, что чувствую я.

— После того, что этот юноша сделал с нашей дочерью? — произнёс мистер Уоррен, бросив взгляд на меня.

— Кайла уже сидела на наркотиках, — сказала она. — Ты это знаешь, Гарольд. Может уже хватит обвинять всех остальных в том, что сделали ты и я? Ты оттолкнул её, Гарольд. Ты! Она никогда не могла тебе угодить, никогда не делала тебя счастливым и в итоге решила, что ей плевать, и сбежала. От нас, от своего ребёнка, от своей жизни. Это сделал ты, Гарольд! Я не собираюсь стоять здесь, пока ты прогоняешь и моего внука. Можешь идти к чёрту, мне плевать.

Глава 52

Она спит?

Все это время я держал Ноя перед собой, положив руки ему на плечи, прижимая ближе к себе. Он повернулся в моих руках. Я бросил взгляд в сторону и увидел, что пара перед гробом отошла в сторону. Нои вдруг увидел свою мать.

— Ма? — с ужасом воскликнул он в тишине, его взгляд был прикован к гробу и его содержимому.

Дюжины глаз обратились к нему.

Не зная, что ещё делать, я медленно отвёл его к гробу, игнорируя то, как все на нас пялятся, и обнимал сына, пока он стоял и смотрел на неё.

— Хаах! — в замешательстве прогудел он.

Он поднял взгляд на меня, его лицо было полно тревоги.

Она спит? — спросил он.

Я покачал головой.

Но она выглядит так, будто спит!

Она ушла на небеса поговорить с Иисусом.

Нет! Она спит! Она, должно быть, спит!

Нет, — сказал я, медленно качая головой.

Он повернулся к гробу, его тело замерло от страха.

— Ма! — очень громко произнёс он.

Она не отвечала.

— Я лю тя! — провыл он.

Он снова повернулся ко мне, с замешательством в глазах.

Почему она не отвечает мне?

Она не может, милый.

Почему она никогда мне не отвечает?

Она ушла к Иисусу.

Это не честно!

Я знаю.

Он оглянулся на присутствующих, которые пялились на нас. Взгляд Ноя дико метался вокруг, не зная, кто все эти люди. Его лицо, казалось, вдруг осунулось от горя и эмоций. Внезапно заголосив, издавая звуки из глубины горла, он метнулся мимо людей, поспешил к двери и бросился вниз по коридору.

Я побежал за ним, не трудясь звать его по имени.

Он ударил в бок пожилую женщину, которая повисла на руке у внука. Она врезалась в стену, и её внук со злостью посмотрел на меня, когда я проносился мимо. Нои побежал к двери и выбежал на дневной свет.

— Остановите его! — крикнул я, пока люди смотрели на нас и ничего не делали.

Ной бежал по тротуару и сломя голову ринулся на дорогу.

Я побежал за ним через газон, внезапно споткнулся о разбрызгиватель и приземлился лицом прямо на бетонный тротуар. Я почувствовал, как порвалась моя рубашка. По правой стороне моего лица вверх и вниз прошлась боль. Это было неприятно, и меня охватила волна стыда. Будто мне нужна была дополнительная причина, чтобы чувствовать себя неловко.

Я сел, задаваясь вопросами: кто меня увидел, что стало с Ноем?

— Вы в порядке? — спросил помощник шерифа, спеша по тротуару в мою сторону. Он протянул руку и поднял меня на ноги.

— У меня сын сбежал, — сказал я.

— За ним пошел Терри, — заверил меня помощник.

Я поспешил вниз по дороге и нашёл помощника шерифа, который пытался уговорить Ноя вернуться обратно. Тот отказывался сотрудничать. Помощник подал руку, пытаясь утянуть Ноя. Как упрямый мул, Ной прирос ногами к земле и не собирался двигаться.

— Я его держу, — сказал я, взяв сына за руку.

— Он проказник, — сказал мужчина.

— Спасибо.

Ной уткнулся лицом в мою грудь и зарыдал.

Подъехала ещё одна машина с включенной мигалкой, на двери было написано "Шериф округа Юнион". Из машины вышел шериф Джонсон Крук.

Я проводил Ноя к своей машине, вытер ему нос салфетками «Клинекс». Снова поправил его галстук. Я попытался расчесать пальцами его волосы, но сдался. Сын стоял с несчастным видом и плакал.

Почему она не говорит со мной? — требовательно спросил он.

Она не может.

Я не понимаю.

Её нет.

Но она прямо там.

Её нет. Она умерла. Она не может с тобой говорить. Она ни с кем не может говорить.

Ной опустил взгляд и неподвижно смотрел в землю, пытаясь всё обдумать.

Я посмотрел на своё лицо в боковом зеркале со стороны водителя. У меня были царапины на коже. И ещё порван рукав рубашки. Этот вид заставлял меня чувствовать себя белой швалью из трейлерного парка.

С беспокойством на лице подошла мама.

— Я не хочу идти обратно, мама, — сказал я, промакивая своё лицо носовым платком.

— А дети в аду хотят новый «Айфон», — сказала она.

— Меня не хотят там видеть, — ответил я, удивляясь тому, как мне от этого больно. — Я устал, что на меня смотрят.

— С каких пор тебя заботит, что думают люди? — спросила она. — Вилли Кантрелл, из всех людей в мире, я никогда не думала, что услышу это от тебя.

Я пытался взять себя в руки. Я не помнил, чтобы чувствовал себя так неловко, настолько не в своей тарелке, когда на меня смотрят свысока, когда мне так не хватало уверенности в себе.

Я чувствовал себя дураком.

— Я не могу туда вернуться, — сказал я.

Мама взяла меня за руку.

— Я растила тебя так, чтобы ты держал голову высоко, юноша, — прошептала она. — Господь дал тебе хребет, потому что хотел, чтобы ты им пользовался. Так вот пользуйся. И если не сделаешь этого ради себя, то сделай ради своего сына.

Миссис Уоррен прошла вниз по тротуару, ища Ноя.

— Мне так жаль, — сказала она. Женщина прижала пальцы к губам, будто чтобы остановить себя от слёз. — Пожалуйста, возвращайтесь внутрь. Это похороны моей дочери, и мой внук будет на них присутствовать, чёрт побери.

Мама взяла Ноя за руку, и мы пошли за миссис Уоррен, которая вела нас обратно.

Глава 53

Нечего сказать

В тот вечер по пути домой я слушал «КУДЗУ», мой разум наполняли мысли, изображения, впечатления дня.

Это уж точно был не самый лучший день.

Ной сидел на пассажирском сидении, глядя в окно, сложив руки на коленках. Я толкнул его локтем, чтобы дать знать, что смотрю на него. Он меня проигнорировал.

К тому времени, как мы приехали домой, солнце село. Тоня оставила на двери записку, инструктируя, чтобы я позвонил, если что-нибудь понадобится.

Ной пошёл в свою комнату, и я отправился следом. Он не был заинтересован в Xbox или просмотре DVD.

Я плохо себя чувствую, — сказал он, повернувшись ко мне.

Я помог ему раздеться. Он забрался в кровать, а я сел рядом с ним.

Расскажи мне снова историю про маму, — сказал он.

Я вздохнул.

Пожалуйста? — попросил он.

Она была моим другом, когда я был маленьким, как ты, — сказал я. — *Мы вместе ходили в школу.*

Как я и К.?

Да.

Но ты уехал, — сказал он.

Я уехал в колледж.

А она нет?

Нет.

А что потом?

Когда я приехал домой на лето на второй год обучения, мы проводили время вместе. Тогда она забеременела тобой.

А потом?

Она испугалась. Иметь ребёнка не легко.

Но ты помогал ей.

Я много раз водил её к доктору. Я嘗試了 to help her.

Что случилось потом?

Потом родился ты. Ты родился слишком рано. Тебе нужно было подождать ещё один месяц, но ты родился раньше. У тебя было много проблем, потому что ты был слишком маленьким. Твоя мама испугалась и ушла, так что о тебе заботились мы с бабушкой.

Мама любила меня?

Уверен, что любила.

Она была милой?

Она была очень милой.

Ты любил её?

Я嘗試了 to help her.

Но тебе не нравятся девочки?

Нет.

Ты не любишь девочек, потому что ты гей?

Правильно.

Тебе нравятся мальчики?

Да.

Почему?

Я не знаю. Таким меня создал Бог.

Значит, вы с мамой развелись?

Мы не были женаты. Мы некоторое время встречались, вот и всё.

А потом у вас появился я?

А потом у нас появился ты, — ответил я.

Где сейчас мама?

Она ушла на небеса.

Она меня видит?

Да.

Она меня слышит?

Думаю, да.

Она может меня навестить?

Я не знаю. Думаю, ей придётся спросить разрешения у Иисуса.

Она меня услышит, если я помолюсь?

Конечно.

Он сложил руки на груди, закрыл глаза и молчал долгую минуту.

Хорошо, — прожестикулировал он, открыв глаза.

Тебе лучше? — спросил я.

Он пожал плечами.

Я люблю тебя, — сказал я.

Знаю, — ответил он, закрывая глаза.

Я сидел с ним, пока он не заснул.

Глава 54

Тоня приносит еду

Тоня принесла запеканку, которую подготовила её мама.

— Как Ной? — спросила она, ставя запеканку на стол, а затем хорошенко посмотрела на меня. — И что, чёрт побери, случилось с твоим лицом?

— Я упал на тротуар, — признался я.

— Последний раз, когда ты ездил в Нью-Олбани, ты вернулся с разбитой губой. Может быть, вселенная пытается сказать тебе что-то о добрых душах округа Юнион?

— Может быть.

— Ты уверен, что это не Билл снова тебя толкнул?

— Ты знаешь, какой я недотёпа.

Она достала из шкафчика тарелки.

— Сядь и поешь что-нибудь, — сказала она. — Ты ужасно выглядишь.

— Спасибо, — ответил я. — Я всегда могу рассчитывать на свою лучшую подругу, которая заставит меня чувствовать себя лучше.

— Ещё ты можешь рассчитывать на то, что она скажет тебе правду. Ты дерзково выглядишь.

Тоня была резкой, что было одной из черт, которые нравились мне в ней больше всего. Она не терпела чепухи, собачьего бреда и ходьбы вокруг да около. Она говорила так, как есть.

— Ну? — подтолкнула она. — Как всё прошло?

— Полагаю, могло быть хуже. Это был как один из тех снов, где ты сидишь в столовой старшей школы, опускаешь взгляд и вдруг понимаешь, что ты голый, и у тебя огромный стояк, и ты молишься Богу, чтобы никто его не заметил. Но я по-прежнему жив, так что, полагаю, всё было не так уж плохо. Мне могли отрубить голову или что-то ещё. Старик был бы счастлив взмахнуть топором.

— Отец Кайлы?

— Он чуток выставил себя дураком. Кричал и болтал о том, что это я во всём виноват. Его жена послала его к чёрту, что было забавно.

— Это она приходила увидеть Ноя?

— Она сказала ему, что Ной единственный внук, который у них когда-либо будет, и чтобы он перестал отталкивать его и переступил через себя.

— Уверена, ему это не понравилось.

— В конце похорон он подошёл и пожал Ною руку. Думаю, это начало.

— Как Ной со всем этим справился?

— Было немного бредово, но он справился нормально, учитывая обстоятельства. Он в замешательстве, пытается понять, что с ней случилось, и почему она не хотела быть его другом. У него были действительно большие надежды.

— Я знаю.

— В этом он похож на меня, — сказал я. — Слишком доверчивый. Он не понимает, что некоторые люди готовы подложить тебе свинью, и ты тут можешь быть совершенно ни причем.

— Говоря о том, чтобы подложить свинью...

— Да?

— Ты звонил ему?

— Джеку?

— Есть какой-то другой парень, с которым ты встречаешься, о котором я не знаю?

— Я не могу ему позвонить.

— Почему нет?

— Я не собираюсь снова связываться с кем-то таким.

— Ты не думаешь, что должен дать ему шанс?

— Всё не так просто.

— Просто. Он допустил ошибку. Ты пришёл к куче выводов о нём и захлопнул дверь у него перед лицом. Если он действительно любит тебя, то сможет измениться, но ты никогда этого не узнаешь, если не дашь ему шанс.

— Это слишком рискованно.

— Любовь рискованна, Вилли. Мама тебе никогда этого не говорила? Если ты действительно хочешь выйти замуж и осесть, ты должен перестать ждать идеального мужчину, потому что такого понятия нет. И не забывай женское золотое правило: "Если доходит до шин или яиц, головная боль обеспечена".

— Я знаю.

— Я тебе просто напоминаю.

— Говорит женщина, которая тоже ждёт идеального мужчину.

— Я не жду!

— Давай поговорим о твоей личной жизни.

— Ты не заговоришь мне зубы, Вилли Кантрелл. Разговор о тебе и твоём медбратье. Он первый мужчина за очень долгое время, в которого ты по-настоящему влюбился, и это твои слова, не мои. Сколько раз, как ты думаешь, с тобой такое будет?

— У него были рецептурные препараты!

— Вряд ли они на коленке сделаны, детка. Все чем-нибудь занимаются.

— Я не хочу этого в своей жизни.
— Тогда скажи ему об этом и дай ему шанс.
Я тяжело вздохнул.
— Ты любишь его? — надавила она.
— Я не знаю.
— Это значит, что любишь и не хочешь признаваться. Позвони этому парню. Только если, конечно же, тебе не нравится барахтаться в своём несчастье.
— Я просто хочу быть счастлив.
— Это твой способ сказать, что ты ему позовёшь?
— Я подумаю об этом.
Она встала и открыла дверцу холодильника.
— У тебя есть пиво? — спросила она через плечо.
— Мне нравится, когда ты говоришь как буч*, — ответил я. — Когда твоя мама выйдет за мистера Эдди?

* Мужеподобная лесбиянка с короткой стрижкой «под мальчика». Бучи — «активные» лесбиянки, выполняющие доминирующую роль в отношениях. «Активность» не имеет отношения к разделению ролей в постели. Это говорит о маскулинной модели поведения.

— Надеюсь, никогда, — сказала она, поставив на стол две бутылки пива. — Знаешь, какое ты ищешь слово, Вилли?
— М, нет.
— Покер. Это тебя отвлечёт, и мне нужны деньги. Где карты?
— Что заставляет тебя думать, что ты выиграешь?
— Разве не я всегда выигрываю? Нужно сходить в казино на следующих выходных. У меня свободно четыре дня из-за праздника Четвёртого июля. Что думаешь? Если ты возьмёшь проклятый телефон и позовёшь своему бойфренду, мы сможем познакомить его с дикой стороной жизни в Миссисипи.
На самом деле, это было бы весело.
— Прямо сейчас я не могу об этом думать, — сказал я.
— Но ты об этом подумаешь?
Я согласился, что подумаю.
— Ищи карты, чтобы я могла надрать твою тощую белую задницу. И ещё мне нужно рассказать тебе о Брайане.
— Кто такой Брайан?
— Просто адвокат, с которым я познакомилась, вот и всё. Теперь ищи эти чёртовы карты. У меня не вся ночь свободна, сладкий.

Глава 55

Привет, это был я

Было поздно, когда Тоня ушла, и я лёг на кровать в нижнем белье, думая о Джексоне Ледбеттере.

Я набрал его номер. Раздался гудок, и я повесил трубку, внезапно почувствовав себя неуверенно.

Я хотел его. Определённо хотел. Нуждался в нём. Или, по крайней мере, нуждался в чём-то. В сексе. В друге. В отвлечении. В чём-то. В чём угодно.

Мне нужно кого-то любить!

Ну, и это тоже.

Я не скорбел по Кайле. Конечно, мне было грустно. В детстве мы были неразделимы. Но затем выросли, разделились и влились в такие разные жизни. Было бы неправильно говорить, что я её ненавидел, или, что она ненавидела меня. Мы просто переросли друг друга, и чувство дружеской близости прошло.

Я жалел её. Она была идеальным ребёнком идеальных родителей, которые установили невероятно высокие стандарты, которым она не могла соответствовать. Разочарованная, она отвергла их и всё, что они отстаивали. Когда она забеременела, они пытались использовать беременность, чтобы заставить вернуться в смирительную рубашку, которую сшили для неё.

Она пыталась. Я должен отдать ей должное. Она позволила отговорить себя от абортов. Выносила ребёнка. Родила. Но затем на неё накатила реальность, и она обошлась малой кровью, сбежала не оглядываясь.

Я не мог судить её за это, потому что испытывал соблазн сделать то же самое. Если бы она не сбежала, я мог бы с очень хорошей вероятностью сбежать от этой ситуации. Я мог бы как-то убедить себя, что это к лучшему. В конце концов, я был геем. Что ещё они могли от меня ожидать? И я был одним из тех, кто говорил ей сделать аборт. Не то чтобы я хотел, чтобы она его делала. Не то чтобы я думал, что так правильно. Просто было тяжело видеть, какое возможное будущее могло быть у этого ребёнка с такой матерью, как она, и с таким отцом, как я. Я хотел, чтобы она знала, что у неё есть выбор; что она не обязана позволять биологии заставлять её принимать решение, которое она не готова принять.

Спустя десять лет, лёжа на кровати, мне было тяжело представить жизнь без Ноя. На самом деле, невозможно. Я даже не хотел представлять такую жизнь. Я чувствовал себя виноватым за то, что посмел думать об aborte.

Мне было грустно от того, что Кайла упустила это, повернувшись спиной к чему-то, чего не понимала, закрылась от того, что оказалось таким благословением. Хотел бы я разделить это с ней. Хотел бы я, чтобы она почувствовала, каково быть любимой Ноем, любимой кем-то настолько чудесным и добросердечным. Теперь она никогда не познает счастья, которое принесла в мир.

Может быть, именно это наполняло меня такой мрачностью и несчастьем. Теперь, когда она умерла, у неё никогда не будет счастья узнать другую сторону монеты. И у Ноя никогда не будет шанса показать это ей. Его сердце полно любви и такой крепкой решимости. Он мог провести её через все. Мог, как минимум дать ей попробовать, достаточно, чтобы помочь понять, что она не сделала ошибку; что помимо её воли, помимо моей воли, конечный результат был хорош. Очень, очень хорош. Бог извлёк нечто хорошее из её дурости, нечто, о чём мы никогда не мечтали, когда были в самой гуще событий. Бог нашёл способ искупить наш грех. Как всегда говорила миссис Хамфрис, Господь найдёт способ — и Он нашёл.

Я уставился в потолок и думал о небесах наверху, о том "месте", где жил Бог.

Для меня это были странные мысли. Я списывал это на похороны, на необходимость найти смысл в том, что в итоге было бессмысленно, на мою необходимость уместить всё в коробку и засунуть подальше на задворки разума.

Как бы странно это ни было для гея, я был отцом, и мне нравилось быть отцом. Нравилось больше, чем что-либо другое в моей жизни. Я бы вовсе не возражал против того, чтобы завести больше детей. Я был бы не против вступить в однополый брак, построить дом, полный счастья, усыновить, построить семью. Я хотел этого больше, чем чего-либо ещё.

Я был ошеломлён, когда мой телефон начал вибировать, а затем зазвонил.

Мужчина, который мог сделать всё это возможным, перезванивал мне.

"Он всё ещё может сделать это возможным", — подумал я.

Но мой палец колебался. Я был парализован нерешительностью, неуверенностью, страхом.

Звонок отправился на голосовую почту.

Я положил телефон на прикроватную тумбочку, не желая слушать сообщение.

Глава 56

Мистер Оуэн смеётся

На следующее утро преисполненный страха я подходил к кабинету мистера Оуэна. Четвёртое июля приближалось быстро, и этот момент больше нельзя было откладывать. Я обещал Ною, что выбью выходной, и мы проведём его вместе, прежде чем поехать домой к маме на его большую вечеринку.

— Что я могу для тебя сделать, Вилли? — спросил он, поднимая взгляд от своего стола. Взгляд его глаз говорил, что весь мир мог поцеловать его жирный зад, потому что ему плевать.

— Можно мне взять выходной в следующий вторник? — спросил я.

— Можно ли тебе взять выходной четвёртого июля? Вилли, ты меня убиваешь. Серьёзно!

— Это день рождения моего сына.

— Почему ты всегда вмешиваешь своего сына?

— Потому что это его день рождения?

— Ты хуже, чем мать-одиночка.

— Приму это за комплимент. Раз я отец-одиночка, вы недалеки от истины.

— У других есть право старшинства, — сказал он. — Ты это знаешь. Я не могу дать тебе выходной в праздник и просить старших поработать за тебя. Так не получится.

— Вы не понимаете, мистер Оуэн. Это его десятый день рождения.

— И что? У тебя смена всего пять часов. Остаток дня у тебя свободен. Я не могу тебе помочь, Вилли.

Я сел на стул напротив его стола и внимательно на него посмотрел.

— Вы не понимаете, — повторил я. — Это его десятый день рождения. Мы собираемся устроить большую вечеринку, и я буду там, а «ФудВорлд» выживет и без меня.

— Я должен управлять бизнесом, Вилли, — произнёс он терпеливым тоном. — Твои личные проблемы меня не заботят. Если ты хочешь эту работу, тебе придётся удовлетворять требования, как и всем остальным.

— Как насчёт моих требований?

— Я не понимаю, как это относится к делу. Тебе компенсируют твою работу. Если тебе не нравится здесь работать, ты свободно можешь пойти куда-то ещё.

— И вот поэтому вас не приглашают на действительно хорошие вечеринки, — сказал я.

— Если хочешь уйти, Вилли, у меня здесь есть целая стопка заявлений от людей, которые с радостью тебя заменят. Выбор за тобой. Только дай мне знать. Если ты не против, у меня тут работа.

— Позвольте перефразировать, — произнёс я. — Меня не будет здесь в тот день, потому что у меня есть дела поважнее, чем "Ежедневные Распродажи!" и вопросы к людям, приобрели ли они чёртову карточку «ФудВорлда».

— Дело твоё.

— И раз вы платите мне минимально возможную сумму, которая допустима по закону, я не уверен, волнует ли меня финансовый успех «ФудВорлда». Может быть, если бы вы, ребята, заботились о своих работниках, они бы заботились о вашем бизнесе.

— Мы не коммунисты, Вилли, — отметил он.

— К несчастью для вас, — сказал я, вставая на ноги.

— Лучше бы тебе удостовериться, что ты будешь тут, — сказал мне в спину Оуэн, пока я покидал его кабинет.

Глава 57

Люби меня нежно

Освободившись после работы, я поехал в Фэйр-Парк и бродил по округе, чувствуя себя беспокойным и несчастным. Мне нужно было побывать одному, без оттягивающего мои сиськи Ноя. Мне нужно было время подумать.

Пойманый посреди твиста и криков, сжимая микрофон стоял Элвис во всём своём величии, возвышаясь к небу как миниатюрный бог, которым и являлся.

Старый добрый Элвис.

Парк был пустынным, что не удивительно, потому что стояла жара, жара, жара, и здравомыслящие люди не бродили в общественных парках, когда солнце было выше и жарче, чем уровень холестерина Полы Дин*.

* Знаменитая шеф-повар, телеведущая, владелец ресторана, кулинарный писатель.

Я вспомнил, как Джексон и Ной стояли перед Элвисом, делая фотографии, и в моём горле внезапно появился ком.

Будь проклят этот мужчина и его фармацевтические привычки.

Так как я был один, я спел для Элвиса тихим, неуверенным голосом.

"Люби меня нежно, люби меня по-настоящему, исполняя все мои мечты..."

Вероятно, я был не первым, кто пел Элвису; и я определённо не буду последним. В этом была определённая уместность, в конце концов. Я не мог представить саундтрек своей жизни без поющего Элвиса. Было правильно хоть раз вернуть эту услугу.

"Потому что, моя дорогая, я люблю тебя и всегда буду любить..."

Я сел на одну из железных скамеек и уткнулся лицом в свои ладони.

Я пялился в зияющую утробу тридцати пяти лет, находясь не ближе к своим мечтам, чем будучи первокурсником в университете Миссисипи, когда пел песни Элвиса шумным завсегдатаям баров по выходным. Ничего не вышло из моих сборов и улыбок, моих честнейших песен. Ничего не вышло из моих книг, за исключением извиняющихся налоговых отчётов и коллективных зеваний критиков. Мои перспективы на приличную работу были так же хороши, как шансы на то, что Пола Дин перестанет говорить своим зрителям смазывать свои творения сахаром и маслом. У меня не было никакой карьеры, никакого будущего, никаких денег в банке, никакого мужчины, чтобы возвращаться к нему домой, заниматься любовью и быть с ним,

никакого чёртового шанса на то, что я когда-нибудь вступлю в однополый брак и буду жить долго и счастливо.

Я не часто поддаюсь жалости к себе, но в тот день я занялся этим, сидя там, на скамейке, и глядя в никуда. Я не мог не чувствовать, что, может быть, Билл и моя мама были правы, может быть, со мной действительно что-то не так. Может быть, я не заслуживал счастья. Может быть, в магнолиевом штате не было места для таких душ, как моя. Может быть, я действительно родился не в то время, не в том месте, жил жизнью, которая подходила мне практически так же, как бакенбарды Элвиса или детский жирок Милашки Бу-Бу*.

**Милашка Бу-Бу — прозвище Аланы Томпсон, впервые прославившейся на детском конкурсе красоты "Коронованные детки", проводимом американским каналом TLC.*

Я поднял взгляд на Элвиса и вздохнул.

"Если ты смог выбраться отсюда, — подумал я, — то почему не могу я? Или мы поклоняемся тебе именно потому, что ты выбрался, и мы знаем, что сами никогда этого не сделаем?"

Я задержался в Фэйр-Парке намного дольше, чем следовало. Миссис Хэмфрис будет меня ждать. Я неохотно пошёл к своей машине, приехал домой и прошёл вниз по улице, чтобы позвать Ноя, который был в мрачном, несчастном настроении. Его лицо выглядело так, как чувствовал себя я. Когда мы пришли домой, он пошёл в свою комнату и тихо закрыл дверь, а не плюхнулся перед Xbox, как делал обычно.

Я подошёл к его комнате, открыл дверь.

Он сидел на своей кровати и плакал.

Что такое? — спросил я.

Почему мама меня не любила? — спросил он, вытирая глаза, не в силах перестать рыдать.

Я не знаю, — признался я.

Я хороший мальчик, — сказал он.

Да, хороший. Ты очень хороший мальчик.

Я не понимаю, папочка.

Он плакал молча, стыдясь своих слёз, потому что думал, что слишком взрослый, чтобы плакать.

Я стоял в дверном проёме и наблюдал за ним.

— Почему, папочка? — спросил он сдавленным голосом.

Я сел на кровать, обвил его рукой, притягивая ближе.

— Почему? — снова спросил он. *— Я не тупой!*

Я не туп.

Я успокаивающе гладил его рукой по спине.

— Я умею говорить! — злобно воскликнул он.

Я мею грить!

Он вдруг встал и пошёл к своему шкафу. Я нервно наблюдал за ним, но он просто стоял там, спиной ко мне, прильнув к шкафу, его плечи сотрясались от рыданий. Я хотел подойти к нему, обнять его, поцеловать, сказать, что всё будет хорошо, но я ничего не делал, просто сидел. Ему придётся свыкнуться с этой проблемой, и я ничем не мог помочь.

Он плакал несколько минут, застенчиво, не желая, чтобы я видел его. Когда худшее прошло, он повернулся лицом ко мне.

Почему Ж—е—л—е—з—н—ы—й Ч—е—л—о—в—е—к не пришёл мне на помощь? — спросил он. *— Он мог что-нибудь сделать!*

Об этой проблеме ты должен позаботиться сам, — сказал я.

Я ненавижу её! — воскликнул он, его лицо исказилось злостью. — Я рад, что она мёртвая!

Нет, не рад.

Рад!

Тогда почему ты плачешь?

Потому что она была очень злой!

Была, — согласился я.

А я хороший мальчик...

Знаю, что хороший.

Почему я ей не нравился?

Не знаю, — снова ответил я. — Я ей тоже не нравился, и она не хотела иметь ничего общего ни с кем из нас. Но мы не сделали ничего плохого. Прекрати себя винить.

Ты не злишься на неё?

Чуть-чуть.

Он замолчал.

Я встал и пошёл к двери.

Если вы с Джесем поженитесь, — прожестикулировал он, — ты ведь не перестанешь меня любить?

Его лицо исказилось отчаянной искренностью.

Почему ты продолжаешь у меня об этом спрашивать? — спросил я.

Я хочу знать.

Я уже отвечал тебе.

Ты мог соврать.

Я тяжеловато вздохнул. Я устал от этого разговора. У Ноя была глубокая, неизменная неуверенность. Ничего, что я делал, кажется, не помогало.

— Иди сюда, — сказал я, махая сыну рукой.

Он медленно подошёл ко мне.

Я положил руки ему на плечи и смотрел в его глаза долгие-долгие мгновения. Я мог видеть все страхи и неуверенность в его глазах, его нерешительность, его сомнения.

Я отвечу на этот вопрос, — наконец прожестикулировал я, — но я хочу, чтобы ты пообещал мне, что больше никогда не задашь этот вопрос. Ты обещаешь?

Он кивнул.

Ты мой единственный ребёнок, и я никогда не полюблю никого так сильно, как люблю тебя. Я отдаю за тебя свои собственные руки. Никогда не сомневайся в этом. Я был рядом с тобой с того дня, как ты родился, и я всегда буду рядом, и это никогда не изменится. Ты понимаешь?

Он пожал плечами.

Я потряс его, чтобы показать, что его ответ был недостаточно хорош.

Ты меня понимаешь? — потребовал я.

Он отвернулся и поспешил обратно к своему шкафу, не глядя на меня.

Я пошёл за ним, взял его под руку и развернул так, чтобы он смотрел на меня.

— Нет! — в страхе воскликнул он, отстраняясь от меня, морщась, будто боялся, что я его ударю.

Да что с тобой не так? — прожестикулировал я.

Я не могу этого выносить!

Что выносить?

Ты хочешь себе бойфренда, потому что ненавидишь меня!

Я медленно покачал головой.

Это правда, — настаивал он в своей упрямой манере.

Нет, не правда, — ответил я.

Я прекрасно осознавал, что он использовал неправильное слово, как делал часто. Было нелегко объяснить ему все многочисленные нюансы такого слова, как "ненависть". Он не боялся, что я буду ненавидеть его. Он боялся, что я перестану его любить, или, что мы больше не сможем проводить так много времени вместе, или, что каким-то образом что-то изменится, или что, как его мать, я брошу его и сбегу с какой-нибудь новой любовью.

Его руки говорили одно, а глаза — совсем другое. Его глаза говорили, что он ревновал и боялся, и не был уверен, на каком будет месте, если в моей жизни появится мужчина. Они говорили, что он не сможет справиться с мыслью, что наш дом развалит какой-то чужак. Это был просто ещё один отголосок его основной неуверенности в жизни как таковой.

Я одинок, — прожестикулировал я.

Я намеревался добавить целый монолог о том, что, если бы мне было кого любить, я был бы счастлив, что он был бы счастлив, и что мы были бы счастливы все вместе, но замолчал и ничего не сказал. У меня не было ни духа, ни энергии, чтобы бороться с этим дальше.

Ты не должен бояться, — сказал я. — Но если хочешь, вперёд. Я не могу тебя остановить. Я не хочу больше об этом спорить, хорошо? Пойду приготовлю ужин.

Я вышел из его комнаты и прошёл на кухню.

Вместо того, чтобы разбираться с ужином, я сел за стол и уткнулся лицом в свои ладони.

Я услышал шаги, когда сын прошёл на кухню, встал позади меня. Ной прильнул ко мне, обвивая меня руками, кладя голову на заднюю часть моего плеча. Он проверял. Он говорил, что всё ещё здесь, что всё хорошо, что всё будет в порядке.

Глава 58

Оповещение для Джексона

В субботу перед днём рождения Ноя я работал на ленте экспресс-кассы и находился в довольно приподнятом настроении, пока не увидел Джексона Ледбеттера. Вместо того, чтобы пойти к моей ленте, он отправился к кассе номер пять, отводя взгляд, будто не видел меня. Джалиса его рассчитала, провела через сканер его продукты для ланча, стоя спиной ко мне.

Это привело меня в необъяснимую ярость.

Закончив со своим покупателем, я поднял трубку и нажал кнопку "оповещение":

— Джексон Ледбеттер, ваша партия ждёт вас на экспресс-кассе, — произнёс я самым скучающим голосом, каким только смог. — Джексон Ледбеттер, ваша партия...

Он бросил взгляд в мою сторону.

Я приподнял брови.

Расплатившись по чеку, он медленно подошёл ко мне. Он был одет в медицинскую форму. Этот вид всколыхнул во мне много чувств. Похоть, конечно же, и желание, и тоску, но ещё и злость, боль и замешательство. Я хотел поговорить с ним, но не хотел разговаривать. Я хотел просто смотреть на него. Я хотел, чтобы он

каким-то образом понял, как я себя чувствую, просто посмотрев на меня в ответ. Я хотел злиться на него, но ещё хотел, чтобы наша проблема разрешилась.

Он подошёл к стойке с нерешительной улыбкой.

Кроме него, у меня не было покупателей.

— Обязательно было давать кому-то другому тебя рассчитать? — шёпотом спросил я, чувствуя боль и ревность.

— Ты не отвечал на мои звонки.

— И это значит, что я не могу тебя рассчитать?

— Я не думал, что ты этого хочешь.

— Не хочу, — признал я. — Я даже не хочу с тобой разговаривать.

— Тогда зачем пустил для меня оповещение?

— Я так зол, что хочу взять этот телефон и вмять его в твои симпатичные зубы.

— Это немного экстремально.

— Это потому что я люблю тебя, — тихо произнёс я.

Он выглядел смущенным.

— Ты меня напугал, — сказал я.

— Мне жаль.

— Ты очень, очень, очень меня напугал.

— Мне очень, очень, очень жаль.

Мы смотрели друг на друга долгие мгновения.

— Боже, ты меня так злишь, что я мог бы просто отпинать твою проклятую задницу янки обратно в чёртов Бостон, — сказал я.

— Знаю, — несчастно произнёс он. — Прости. Позволь мне попытаться снова. Пожалуйста, Вилли, меня это убивает.

— Я не могу пройти через это снова, связаться с еще одной зависимостью. Если меня тебе недостаточно, тогда ничего не сработает. Я не хочу, чтобы мой маленький мальчик влюбился в тебя, а ты просто отвернулся и разбил ему сердце. Мы не будем делить тебя с кучей наркотиков.

— Вы и не должны, — сказал он. — Я в завязке. Видишь, как у меня трясутся руки? Я ходил на собрания. Я сделаю это, Вилли, но было бы намного легче, если бы ты помогал мне.

Я огляделся вокруг, чтобы убедиться, что мистер Оуэн не преследует меня, скрываясь за полками с конфетами и слушая.

— Я знаю, что ты должен работать, — прошептал он, вспомнив, где мы находимся. — Я могу сегодня зайти?

— Не знаю.

— Просто поговорить.

Я ничего не сказал.

— Пожалуйста?

— Хорошо, — наконец ответил я. — Но лучше тебе надеть бронежилет, потому что если я не пристрелю тебя, то это может сделать Ной.

Он улыбнулся.

Глава 59

Старые приятели

Ной нахмурился, когда вечером того же дня во время ужина замигала лампочка и раздался звонок.

Он поспешил к двери, чтобы впустить Джексона.

Чего ты хочешь? — со злостью спросил он.

Я хочу поговорить с твоим папой, — сказал Джексон.

Ты обидел моего папу.

Мне жаль.

Ты действительно нравишься моему папе.

Я знаю.

Ты был таким злым!

Знаю. Прости.

Ной повернулся посмотреть на меня, его лицо было полно неодобрения.

Будь милым, — прожестикулировал я.

Он проводил Джексона к столу и занял своё место, не предлагая Джексону присесть.

— Привет, — произнёс Джексон, посмотрев на меня.

— И это всё? — спросил я. — "Привет"? Я не получу поцелуй? Что за чёрт?

Он наклонился, чтобы поцеловать меня.

Ной состроил несчастную рожицу.

— Так лучше? — спросил Джексон.

— Думаю, сойдёт, — ответил я, протягивая ему тарелку и кивая на пустой стул.

Он сел и положил себе пасты с фрикадельками.

— Настоящая еда, — восхитился он.

Почему ты не приходил навестить меня? — спросил у него Ной.

Я должен был работать, — неуверенно ответил он.

Я считал тебя своим другом.

Прости, — повторил Джексон.

Ты большой дурак!

Не говори так, — предупредил его я.

Он такой, — настаивал Ной.

— Кем он меня назвал? — спросил Джексон.

— Он сказал, что ты большой дурак, — ответил я.

— Бьёт сразу из обоих орудий, — произнёс Джексон.

— Ты этого заслуживаешь, — отметил я.

Моя мама умерла, — сказал ему Ной.

Что? — не веря, спросил он.

А ты обидел моего папу, — добавил Ной. — *Ты плохой человек, и я ненавижу тебя!*

Прекрати, — прожестикулировал я Ною.

Он такой!

Это не твоё дело.

Моё!

Мы ругались, но помирились. Сейчас всё в порядке. Будь милым.

Он сжал губы, глядя на Джексона недобрым взглядом.

— Что случилось с его мамой?

Я объяснил.

— О Боже, — произнёс Джексон. — Мне так жаль. Не удивительно, что он так на меня злится.

— Он заботливый.

— Интересно, и в кого это он такой?

— Откуда мне знать. Я ведь говорил тебе надеть бронежилет, да?

Джей улыбнулся.

Мне жаль твою маму, — прожестикулировал он Ною.

Она тоже большая дура, — со злостью ответил он. — *Ты, наверное, будешь точно таким же, как она*.

Джек не ответил на это, а просто посмотрел в замешательстве на меня.

— Он сейчас немного расстроен, — отметил я. — С ним всё будет хорошо.

Джексон нервно прикусил губу.

Затем он прожестикулировал Ною:

Я скучал по тебе.

Нет, не скучал.

Скучал. Хочешь поиграть в X. после ужина?

Ной зыркнул на него, пытаясь оставаться злым.

Я не могу пройти монстра на третьем уровне, — наконец признался Ной.

O, это просто, — сказал Джексон.

Ты мне покажешь?

Конечно.

Они вдруг снова стали старыми друзьями.

Позже, когда Ной отправился в кровать, мы пошли в мою комнату, разделись и рухнули в объятия друг друга. Я был рад заметить, что он изголодался по мне точно так же, как я по нему. Казалось, даже больше. Наше занятие любовью было интенсивным, напряжённым.

После этого мы лежали бок о бок, глядя в потолок.

— Я облажался, — прошептал в темноту Джексон. — Я приехал сюда, чтобы завязать. Сбежать от Бостона, от своих друзей, от таких людей, как Мак, который втянул меня во всё это. Я хотел начать заново. Я должен был, иначе у меня не осталось бы карьеры. Я должен был сделать это ради себя. Но я приехал сюда, и это было сложно. Все такие странные. Такие религиозные. Я начал чувствовать себя одиноким и... облажался. Я думал, что смогу это контролировать. А затем встретил тебя. После этого я, честно говоря, сбавил обороты, но не мог избавиться от своих запасов.

Я потянулся вниз, взял его за руку.

— Пожалуйста, скажи мне, что мы можем с этим разобраться, — сказал он, поворачиваясь посмотреть на меня и положив ладонь мне на грудь. Он поглаживал кожу с правой стороны. — Скажи мне, что я должен сделать, чтобы исправиться, Вилли.

— Ты избавился от своих запасов?

— Конечно.

— Кто-нибудь узнал?

— Насколько мне известно, нет.

— Ты ничего не можешь сделать, — признал я. — Я должен научиться доверять тебе. На самом деле у меня нет выбора.

— Почему ты так говоришь?

— Потому что я люблю тебя.

— Правда?

— Ты говоришь так, будто тебя это удивляет.

— Я думал, мы всё ещё на стадии ухаживания.

— Так и есть. Мы просто перешли на ухаживания второго уровня, вот и всё. Это когда ты по-настоящему рискуешь в игре. Очень рискуешь.

Он улыбнулся и наклонился, чтобы поцеловать меня в грудь.

— Я люблю тебя, Вилли Кантрелл. Напомни мне не бесить тебя.

— Я не настолько плохой.

— Ты даже не взял мои цветы и конфеты. Ты был такой стервой.

— Прости.

— Я заслужил это. Ты должен просто позволить мне исправиться.

Его рука скользнула вниз по моему животу.

— Кое-кто скучал по мне, — прошептал он.

Глава 60

Приглашения

На следующий день мы с Ноем сидели за кухонным столом с кучей картона, ножницами и kleem, делая приглашения на его вечеринку. До его дня рождения оставалось меньше недели. Это была ежегодная традиция, так что приглашения не были строгой необходимостью, но ему нравилось их делать.

Не то чтобы мы были в этом хороши. Ной вырезал картинки из журналов и газет и лепил их на картон. Я маркером писал информацию о вечеринке. Ной подписывал их. Приглашение для его бабушки и дедушки завершилось картинкой нового мэра, которую Ной выбрал по причинам, в которые я не смог вникнуть. На приглашении миссис Хамфрис была картинка лошади. Отцу Гиндербаху досталась вырезка Гарфилда.

По кухне «КУДЗУ» любезно играл песню "Может быть, это был Мемфис" Пэм Тиллис.

Зазвонил телефон.

— Я тебе перезваниваю, — сказал Джексон. — Что вы там делаете?

— Мне нравится, когда ты говоришь с южным акцентом.

— Я работаю над этим.

— Мы готовимся к вечеринке по случаю дня рождения Ноя. Как ты относишься к тому, чтобы вырядиться супергероем?

— Я?

Ной был занят, вырезая жирафа из газеты, не обращая внимания, так что я продолжил:

— Кое-кто написал письмо Железному Человеку, желая узнать, могут ли они быть друзьями. На самом деле, думаю, он хотел, чтобы Железный Человек нашёл его мать. Если я возьму в аренду костюм Железного Человека, ты наденешь его, сможешь появиться в нем на вечеринке? И если вдруг Ной спросит о своей матери, ты мог бы сказать ему, что она отправилась на небеса, чтобы поговорить с Иисусом или что-то подобное.

— При нормальных обстоятельствах, нет, я бы и думать не стал, чтобы сделать что-то такое. Но я сделаю это ради Ноя. И ты будешь передо мной в большом долгу.

— Я запасусь смазкой.

— Я скоро освобожусь, — с намёком сказал он.

— Ты знаешь, где я живу.

Кто это был? — спросил Ной, приподнимая брови, когда я повесил трубку.
Джей.
Он придёт на мою вечеринку?
Да.
Сын широко улыбнулся.
Он тоже будет моим папой?
Может быть, когда-нибудь.
Мне делать приглашение для бабушки? — спросил он.
Нет, она хозяйка вечеринки. Не нужно приглашать хозяйку.
Что ты подаришь мне на мой день рождения?
Увидишь.
Папа!
Я тебе не скажу.
Пожалуйста?
Тебе придётся подождать.
Пожалуйста?
Прости.
Пожалуйста?
Я подарю тебе картофелину.
Неправда!
Правда. Ты знаешь, что у нас нет денег.
У нас никогда нет денег!
Если будешь хорошо себя вести, я куплю тебе две картофелины.
Ты картофелина, — сказал он, показывая мне язык.

Глава 61

Неудачное время

В тот вечер, пока я готовил спагетти с фрикадельками, а Джексон и Ной играли в Xbox в гостиной, зазвонил телефон.

Это была миссис Уоррен.

— Здравствуй, Вилли, — сказала она. — Я хотела поблагодарить тебя за то, что ты пришёл на похороны и привёл моего внука.

— Вы не обязаны меня благодарить.

— Даже если так. Это было любезно с твоей стороны. И, думаю, мы с мистером Уорреном перешли кое-какой рубеж. Он спрашивал у меня, что мы могли бы подарить Ною на день рождения, так что я подумала, что могу позвонить тебе и спросить.

— Вы придёте на вечеринку?

Она колебалась.

— Боюсь, мы... ну, это может быть неловко. Не думаю, что нас хорошо примут в вашем доме.

— Не глупите, — сказал я. — Приходите, пожалуйста. Это единственный подарок, который ему нужен. Он очень сильно любил вашу дочь, миссис Уоррен. Не спрашивайте, почему. Но он любил. Теперь её нет, но у него по-прежнему есть бабушка и дедушка, узнать которых у него никогда не было шанса. Он будет очень счастлив, если вы придете.

— Почему? — удивлённо спросила она.

— Потому что он маленький мальчик, — сказал я. — Ему не нужны особенные причины, чтобы любить вас. Вы его бабушка и дедушка. Это всё, что он знает. Пожалуйста, скажите мне, что придёт.

— Я поговорю с мистером Уорреном, — сказала она, перестраховываясь.

— Хорошо.

— Но что ему подарить? Я хочу, чтобы это было что-то, что ему действительно понравится, а не просто какая-то чепуха из «Тойз-Ар-Ас».

— Он большой фанат Железного Человека, — сказал я. — Ещё он любит комиксы, но мы не можем себе их позволить. Ему может понравиться что-то такое. Там много картинок, мало чтения. Ему этого достаточно, чтобы понять суть.

— Именно их он читал в тот день в библиотеке.

— Думаю, он перечитал их все сотню раз.

— Что-нибудь ещё?

— Подойдёт что-то маленькое, миссис Уоррен. Стоило мне подумать об этом, и я вспомнил, что он очень любит нового Супермена. Я недавно искал что-нибудь связанное с Суперменом в «Волмарте». Думаю, я куплю ему костюм. Знаете, плащ и всё такое. Там есть фигурки, которые ему бы понравились. Фильм только вышел, так что его ещё нет на DVD, но Санта, вероятно, прикупит диск к Рождеству.

— Хорошо.

— Так вы придёте?

— Я приду, — сказала она. — И постараюсь привести и мистера Уоррена, но не сильно надейся. Ему нужно время.

— Я понимаю. Праздник начинается в три часа дня.

— Увидимся там, — сказала она.

Я позвал Ноя и Джексона, и мы сели ужинать. Всё шло хорошо, пока в дверях не появился Хуан.

Ной увидел моргающую лампочку, подошёл к двери и широко её открыл.

— Вот чёрт, — воскликнул я.

Джексон приподнял брови.

Я встал, поприветствовал Хуана на языке жестов и повернулся, чтобы представить его Джексону.

Это мой друг Д—ж—е—к, — сказал я ему.

Джексону я сказал:

— Это Хуан.

Привет, — прожестикулировал Джексон.

Губы Хуана исказились в несчастном выражении.

Кто он? — спросил он меня.

Он мой парень, — ответил я.

Испанец выглядел уязвленным.

Ты не говорил мне, что у тебя есть парень, — злобно прожестикулировал он. — *Я думал, ты занимался со мной сексом потому, что я тебе нравлюсь.*

Я не мог сказать, как много из этого понимал Джексон, но суть он уловил достаточно быстро.

Ты голоден? — спросил я, отчаянно пытаясь сменить тему.

Иди к чёрту, — прожестикулировал он, развернулся и промаршировал за дверь в черноту ночи.

— Это было неловко, — произнёс я.

— У тебя был секс с этим парнем? — спросил Джексон.

— Когда-то, — признался я.

— Когда?

— О Боже, — сказал я, понимая, что меня застукали.

— Ты использовал презерватив?

— Он сказал, что проверялся.

— Со сколькими ещё людьми у тебя был секс?

— Он единственный, — сказал я.

— Ты уверен?

— В чём твоя проблема?

— Я не люблю, когда мне изменяют.

— Мы не встречались, когда это произошло. По крайней мере, не во второй раз.

— Сколько раз ты этим с ним занимался?

— Дважды.

Он занервничал.

— Значит, у нас появляются проблемы, и первым делом ты идёшь заниматься с кем-то сексом? — злобно поинтересовался он.

— Всё было не так.

— Ты должен был рассказать мне о нём. Когда я сплю с тобой, я сплю с каждым другим человеком, с которым спал ты. Я имею право знать, Вилли. Я бы никогда не соврал тебе о чём-то подобном. И на юге очень высокий процент заражения СПИД-инфекцией.

Джексон злился всё больше и больше, то ли потому, что был искренне расстроен, то ли нуждался в какой-то фармацевтической помощи, я не мог определить.

— Думаю, мне лучше уйти, — сказал он.

— Хорошо, — тихо ответил я.

Схватив с тумбочки свои ключи, он ушёл, даже не попрощавшись.

Что случилось? — спросил Ной.

Ничего, — прожестикулировал я.

Вы снова ругаетесь?

Не переживай об этом.

Не относись ко мне как к маленькому!

Прости.

И?

И... что?

Он бросит нас, как мама?

Не сходи с ума.

Бросит?

Нет.

Тогда что случилось?

Мы немного поспорили.

Он не попрощался со мной.

Мне жаль.

Это было не вежливо, — сказал он.

Да, было, — согласился я. — *Давай помоем посуду.*

Я обязан помочь?

Я думал, ты уже не маленький.

Не маленький! Мне почти десять!

Давай, стариk. Помоги мне помыть посуду.

Он нахмурился.

Глава 62

Сегодня мой день рождения

Следующим утром меня разбудил Ной.
Сегодня мой день рождения! — объявил он.
С днём рождения, — сказал я.
И ты опаздываешь на работу, — добавил он, стуча по запястью.
— Иди сюда, — сказал я, жестикулируя. Я поцеловал его в щёку, убрал волосы с глаз.

Ты готов к своей именинной вечеринке?
Он счастливо кивнул.
Я пытался взять выходной на работе, но мой босс меня не отпустил.
Всё нормально, папочка.
Я хотел провести целый день с тобой.
Всё нормально. Миссис Х. сделала торт для меня и К. У нас будет вечеринка.
Я буду дома к двум пятнадцати, и мы сразу же поедем к бабушке.
Джей будет на моей вечеринке?
Надеюсь, — признался я, думая, что тот вероятно, не придёт.
Я продолжал смотреть на сына.

Я почувствовал что-то похожее на ком в горле. Когда он родился, доктор сказал, что шансы дожить до десятилетия у Ноя практически отсутствуют, что мои надежды не оправдаются. А теперь, вот он...

Что такое, папочка?
Я никогда не думал, что доживу до этого дня, — сказал я, зная, что он не сможет понять, но мне нужно было это сказать. — *Ты становишься таким взрослым.*
Не таким взрослым, как ты!
Я так горжусь тобой, — сказал я. — *И я очень сильно тебя люблю.*
Меня вознаградили объятием.

Глава 63

Купонные нацисты

В тот день покупатели были безжалостны в своих поисках хот-догов, гамбургеров, булочек, чипсов, содовой, стейков, угля, пива, попкорна, пиццы, бутилированной воды, сигарет, бумажных тарелок, пластмассовых ложек, картофельных салатов и всего остального, что не было приколочено гвоздями. Половина Тупело пришла в этот магазин в мою смену, и казалось, что каждый из них проходил через мою ленту и растягивал время в своё удовольствие. Вы бы подумали, что они закупились заранее, но нет.

— Какой занятой, — отметил мистер Оуэн, прохаживаясь мимо экспресс-кассы, где стоял я.

"Делаю так, чтобы мой труд был достоин той минималки, что ты мне платишь, да, дятел?" — вертелось у меня на кончике языка.

Дела обстояли ещё хуже из-за того факта, что Бекки не пришла, так что у нас не хватало одного кассира. Тайрон тоже пропал без вести. Мистер Оуэн сам был

вынужден открыть кассу и обслуживать покупателей, что было бесспорно странным зрелищем. Без сомнений, это раздражало, так как он не мог просто смотреть на сканер своими знаменитыми поросячими глазками и заставлять продукты сканироваться самостоятельно.

К общему страданию добавлялся тот факт, что четверг был днём двойных купонов, и купонные нацисты набирали силу, пихая в мои руки целые пригоршни купонов каждый раз, когда я поворачивался, будто сегодня был обычный день, а не общественный праздник. Если хотите заставить кассира плакать, протяните ему сотню купонов и салфетку, а затем стойте и притворяйтесь, будто вы не огромная заноза в заднице. Клизма с барием, наверняка, была бы не такой болезненной.

Прошёл час моей смены, а настроение у меня было паршивое.

Через два часа я был готов облизаться жидкостью для розжига и подпалить себя на месте в знак протеста против ада минимальной зарплаты.

Три часа пришло и ушло, а у меня по-прежнему не было перерыва.

Затем я поднял взгляд, и прямо передо мной стоял Джексон Ледбеттер.

— Опять ты, — сказал я.

Я не мог скрыть своей злости.

— У тебя нет работы вроде подтирания детской мочи или чего-то ещё? — спросил я.

— Нет, — ответил он. — Выходной. А у тебя?

— Выкуси, — произнёс я.

Он усмехнулся, когда я начал проводить его продукты через сканер: содовая, дорогой сэндвич с ветчиной и сыром из кулинарии, маленький пакет картофельных чипсов в британском стиле. Всё очень высокомерное.

Мне хотелось плакать. Я так злился на себя, так злился на него, так злился на свою работу.

— Как ты, Вилли Кантрелл? — спросил он.

— Меня сегодня и в хвост, и в грибу, — ответил я.

— Приму это за признание того, что у тебя замечательный день.

— На юге это значит "поцелуй мой белый зад", — шёпотом объяснил я, надеясь, что никто из моих коллег не услышит, что я ругаюсь перед покупателем.

— Очаровательно, — ответил он с широкой улыбкой. — Я пришёл купить тебе ланч. Что только что сделал. Сколько я тебе должен?

— Ты не обязан этого делать.

— Знаю, — сказал он. — Но я хочу.

— Мне не нужны твои подачки.

— Разве это так выглядит? Я думал, что покупаю своему бойфренду ланч, потому что он занят, а сегодня праздник. Какой я глупый.

— Я думал, мы в самом разгаре большой ссоры.

Он протянул мне пакет с продуктами, которые я для него упаковал. Только тогда до меня дошло, что он купил ланч мне, но ничего не купил для себя, а зашёл только чтобы сделать это для меня.

— Наслаждайся, — сказал он. — Забрать тебя в два тридцать?

— Конечно, — ответил я.

После этого он ушёл.

— Он кажется милым, — отметила следующая в очереди дама, попав в поле моего зрения.

Это была женщина средних лет, хорошо одетая, офисный работник из центра города, адвокат, менеджер, учитель, типичный профессионал с мелированной чёлкой.

— Так и есть, — ответил я, почти гордясь собой.

— Хотела бы я, чтобы мой муж время от времени приносил мне ланч, — с улыбкой сказала она.

Я провёл через сканер её суши и воду «Эвиан».

— У вас, ребята, есть дети? — спросила она.

— Есть один, — будто со стороны услышал я свой голос, и мне действительно понравилось, как это прозвучало.

— Я считаю, что это очень мило, — сказала она.

— Я уже говорил ему, что хочу восьмерых или девятерых, — ответил я.

— Боже мой!

— Так мы сможем выбрать себе любимчика, а остальных продать на eBay и вернуть свои деньги.

— Если бы! — воскликнула она. — У меня две дочери-подростка. Если тебе это сойдёт с рук, дай мне знать. Они в том возрасте, когда не совсем похожи на людей.

— Я удивлён, что моя мама по-прежнему разговаривает со мной после того, через что я заставил её пройти.

— Готова поспорить, ты был наказанием.

— Был.

— Хорошего дня, Вилли, — сказала она, забирая сдачу.

Прошло почти четыре часа моей смены, прежде чем мистер Оуэн позволил мне взять пятнадцатиминутный перерыв. Я отнес пакет с продуктами, которые мне купил Джексон, в комнату отдыха и с жадностью проглотил то, что смог, думая, что мне придётся хорошенько от любить этого мужчину, чтобы отблагодарить.

Глава 64

Вечеринка

Мы съели кучу хот-догов, гамбургеров и торта.

Пришли все мои тёти и дяди, а ещё миссис Хэмфрис, Тоня и Кики, моя подруга Жасмин, её спутница Лиза и многие другие. Ещё соседи и друзья моей мамы, даже отец Гиндербах, у которого состоялся интересный, даже своего рода мучительный разговор с дедом о том, почему он больше не ходит на мессу.

Мы хорошо поели.

Деда был в хорошей форме, хотя его замечания были присыпаны таким богохульством, что заставили бы покраснеть и политика.

Пока Ной, одетый в свой плащ Супермена и маску, отвлёкся на феерию открытия подарков, Джексон исчез в доме, чтобы переодеться в костюм Железного Человека. Он ждал, пока я отправлю ему сообщение, что мы готовы к его великолепному появлению.

— У нас сегодня особенный гость, — стоя в окружении детей сказал я, подняв руки вверх.

— Кто это, дядя Вилли? — восторженно спросил Джош.

— Это кое-кто очень особенный, и я хочу, чтобы вы все вели себя хорошо, потому что ему пришлось преодолеть долгую-долгую дорогу по пути сюда.

— Кто это? — с нетерпением прокричали дети.

Краем глаза я увидел, что Джексон выходит из передней двери дома.

— А вот и он! — сказал я. — Теперь ведите себя хорошо, потому что этого парня вы злить не захотите. Кто знает, что он сделает!

— Bay! — счастливо воскликнул Ной, заприметив Железного Человека, шагающего через наш двор.

Дети начали кричать.

Я с удовольствием заметил, что Джексон довольно-таки мило смотрелся в этом костюме Железного Человека.

— Я Железный Человек! — деревянным голосом воскликнул Джексон, очевидно, находясь не в своей стихии. Дети не заметили, да и им было плевать. — Как вы, мальчики и девочки?

Я пошёл поздороваться с ним.

— Позвольте мне официально поприветствовать вас в Доме Кантреллов, мистер Железный Человек, — сказал я.

Маска Джексона полностью скрывала его лицо, так что я не мог оценить его реакцию, что, вероятно, было к лучшему.

— Сегодня десятый день рождения Ноя Кантрелла! — объявил я.

— С днём рождения, Ной! — воскликнул Джексон.

Затем он прожестикулировал: *С днём рождения!*

Ной выглядел поражённым.

Ты знаешь язык жестов?

— Ной хочет знать, знаю ли я язык жестов, — сказал он детям. — Конечно, знаю! Как я помогу людям, если не смогу с ними разговаривать?

Затем, Ною, он прожестикулировал: *Да, знаю! Приятно с тобой познакомиться, Н—о—й!*

Ной подошёл к нему, коснулся его руки, будто чтобы убедиться, что Железный Человек настоящий. Затем он обхватил руками талию Джексона и обнял его.

— Давайте пофотографируемся, а? — громко произнёс Джексон, когда Ной отстранился.

— Кто хочет свою фотографию с Железным Человеком? — спросил я.

Словно кучка туристов, фотографию хотел каждый. Я был счастлив помочь.

— Что ж, мне пора возвращаться в Голливуд, — сказал Джексон.

— Ты живёшь не в Голливуде, — отметил Эли.

— А? — произнёс Джексон.

Упс.

А где жил Железный Человек?

— У меня там встреча с... Бейонсе! — воскликнул Джексон.

Я посмотрел на Ноя.

Ты не хочешь ничего у него спросить? — подсказал ему я.

Лицо Ноя стало серьёзным.

Ты можешь позаботиться о моей маме? — прожестикулировал он Джексону с предельной честностью.

Этого не потребуется, — прожестикулировал Джексон. — *Она уже на небесах, говорит с Иисусом.*

Хорошо, — сказал Ной. — *Ты можешь позаботиться и о моём папе и помочь ему найти хорошую работу?*

Конечно! Было приятно с тобой познакомиться!

Ной снова обнял его, что спровоцировало небольшую кучу малу, пока дети хватались за руки Железного Человека, пытаясь привлечь его внимание.

— Хорошо! — произнёс я. — Железному Человеку нужно ехать в Нью-Йорк, чтобы помочь Бейонсе! Скажем все "до свидания" Железному Человеку!

Дети прокричали свои прощания, пока я уводил Джексона прочь.

Когда мы вернулись, дети ушли играть в надувном замке, который Билл заказал для вечеринки, и который устроился на нашем дворе, как бегемот. В него входило две горки и внутренняя зона для прыжков.

Сидя рядом с Джексоном, я наблюдал, как играют дети, и желал, чтобы пришли мистер и миссис Уоррен. Уже шёл шестой час, а они так и не показались. Ной вряд ли заметил, но я да, и чувствовал по этому поводу небольшую грусть.

Затем на подъездной дорожке появился старый грузовик с миссис Уоррен за рулём. Это казалось странным выбором транспорта.

Когда она вышла, я увидел, что одета она элегантно, из-за чего всё выглядело ещё более нелепо.

Я пошёл поприветствовать её, очень счастливый, что она решила прийти.

— Спасибо, что пришли, — сказал я, беря её за руку и ведя на вечеринку.

— У нас было то еще утрецко, — сказала она. — И мне жаль, что мы так опоздали.

— Мы?

— Подожди минутку и поймёшь, — ответила она с намёком на улыбку.

Когда я представлял её своей семье и друзьям, нас отвлёк рёв квадроцикла.

Я повернулся посмотреть в сторону дороги впереди дома и увидел мистера Уоррена за рулём детского квадроцикла. Он смешно выглядел, взгромоздившись всей своей большой массой за руль полуразмерного квадроцикла. Он свернулся на нашу подъездную дорожку и проехал по газону к надувному замку.

Дети поспешили вылететь из замка, чтобы посмотреть, что происходит, и кто это был.

— Это подарок Ною на день рождения, — сказала миссис Уоррен. — Гарольд попросил своего друга в Тупело открыть его магазин сегодня — Четвёртого июля! — чтобы он мог купить это для Ноя. Надеюсь, ему понравится. Он хотел появиться с апломбом, так что я высадила его в начале дороги.

Мы поторопились туда, где припарковался мистер Уоррен. Сияющий от радости, с маской Супермена в руке перед ним стоял Ной, пока мистер Уоррен пытался использовать жесты, чтобы передать свои намерения. На лице Ноя была неуверенная улыбка, будто он не мог поверить, что эта гигантская игрушка может на самом деле принадлежать ему.

Мистер Уоррен поймал мой взгляд и беспомощно пожал плечами.

— Это подарок на день рождения от твоего дедушки, — прожестикулировал я Ною, озвучивая слова для всех остальных.

Ной бросился к мистеру Уоррену, обхватывая его руками.

Мистер Уоррен робко улыбнулся.

— Я хочу на нём покататься! — проверещал Эли.

Ной отстранился.

— Спасибо! — воскликнул он.

Он повернулся, увидел миссис Уоррен и подошёл обнять её.

— Хочешь на нём покататься? — спросил я у него.

— Я его научу, дядя Вилли, — с готовностью сказал Эли.

Эли забрался верхом, а Ной сел впереди.

— Смотри за ним, — сказал я Эли.

— Это легко, — сказал Эли, поворачивая ключ и заводя квадроцикл.

Они понеслись по траве, а дети бежали следом.

— Спасибо, что пришли, — сказал я в тишине после отъезда детей. — У нас куча еды, если вы проголодались.

Мистер Уоррен пытался взять себя в руки, и казалось, будто он не хочет разговаривать. Казалось, он боролся с эмоциями, которые держал под контролем много-много лет.

— Давайте поедим, — предложила миссис Уоррен.

— Я хотел бы попросить у тебя прощения, — выпалил мистер Уоррен, наконец поднимая глаза, чтобы посмотреть на меня. — Я верю в Евангелие Господа, Евангелие Христа. И я верю, что, когда мы поступаем неправильно, нам нужно просить прощения. Ты простишь глупого старика?

— Конечно, — сказал я.

Билл посмотрел на меня с холодом в глазах. Мистер Уоррен был почётным, уважаемым членом церкви «Первого Баптиста». Какого рожна ему извиняться перед городским педиком? Билл хмурился, отводя взгляд, будто стыдясь за мистера Уоррена.

— У нас ещё есть торт, — сказал я, пытаясь сгладить момент.

— Шелли, следи за детьми, — сказала мама. — Ты же знаешь, что это за мальчишки.

Мы прошли обратно к столу. Все перезнакомились, съели ещё больше еды, достали больше пива из холодильника. «КУДЗУ» качал равномерный поток классики кантри.

Эли научил Ноя, как водить самостоятельно; затем все дети захотели покататься, и мини-квадроцикл начал переходить из рук в руки.

— Вы родители Кайлы, — обратился Джексон к мистеру и миссис Уоррен после того, как мы расположились на стульях.

— Да, — сказала миссис Уоррен.

— Мне было очень жаль услышать о вашей дочери.

— Спасибо, — ответила миссис Уоррен. — А вы для Вилли...

— Бойфренд, — громко произнёс дед, пока Джексон с трудом искал ответ. — Они педики. К этому моменту они израсходовали около пяти банок Криско*. Пигли Вигли в Нью-Олбани пришлось специально заказать целый ящик только для них двоих. Боже, какой они оставили после себя беспорядок! В прошлый раз Марте потребовалось дня полтора, чтобы убрать спальню.

*Криско — американская марка разрыхлителей для теста и растительных масел. Намёк на использование такого масла вместо смазки.

— Дед! — со злостью воскликнула мама.

— Это все знают, Марта, — сказал он. — Так было с тех пор, как он был ростом до колена лягушки-быка, и сейчас ничего не изменилось. Ему нравится попыхтеть! А я скажу, карты ему в руки и вперёд. Господь, благослови педиков!

У всех на лицах появились улыбки.

— Довольно скоро они поженятся, — продолжил деда, — и нам придётся смотреть, как Вилли идёт к алтарю в ковбойский сапогах, с помадой и в свадебном платье. Помоги нам всем Христос! Но хороший святой отец, сидящий здесь, поженит их, так ведь, отец?

Отец Гиндербах широко улыбнулся.

— Пути Господни неисповедимы.

— Не думаю, что тебе нужно об этом переживать, деда, — сказал я.

— Я не переживаю, мальчик, — ответил он. — Так как меня накачивают по девяносто миллиграмм в день, я ни о чём, черт возьми, больше не переживаю. Пока мои кишечки продолжают работать, дьявол, жизнь продолжается.

Миссис Уоррен наблюдала за дедом с опаской. По лёгкой улыбке на её губах я мог сказать, что она знала всё о том, как выставлять напоказ семейные проблемы.

— А вы тот ещё весельчак, да, мистер Кантрелл? — легко произнесла она.

— Передоз кислоты в шестидесятых, — признался он. — Мозги спеклись. С тех пор я плохо себя веду. Спросите у Марты.

— Папа, ты никогда не вёл себя хорошо, — сказала мама.

— Деда, это мистер Уоррен, — сказал я, пытаясь вписать в разговор дедушку Ноя. Он, казалось, совсем не мог расслабиться.

— Ты тот безбожный адвокат, который засудил город из-за того, что Старая Леди Смитсон упала в «Сити Холле» и сломала бедро, так ведь? — спросил дед, демонстрируя удивительную понятливость для кого-то, кто предположительно был на грани маразма.

Мистер Уоррен облизал губы, не зная, как ответить.

— Всё в порядке, — объявил дед. — Пусть лучше Старая Леди Смитсон получит мои налоги, чем эти проклятые любящие коммунистов демократы, и это правда!

Смех, который последовал после этого, прозвучал от тех присутствующих, которые не попали под обстрел подобных шуток.

Когда дети начали возвращаться к столу, Билл вставил в звуковую систему свою «танцевальную кассету». Пэтси Клейн* начала всё песней "Семь одиноких ночей".

**Пэтси Клейн — американская певица, одна из величайших вокалисток в истории музыки кантри.*

— Идём, — сказал я Джексону, чувствуя себя безрассудным, счастливым, смелым.

— Ты уверен? — спросил он, его глаза расширились, пока он оглядывался на присутствующих, что на нас пялились.

— Конечно, — ответил я.

Я взял его за руки, и мы танцевали жалкий, но исполненный благих намерений тостеп*. Слышалось много смеха от наблюдающих за нами гостей, но ровно до того момента, пока к нам не присоединился Ноу, держа нас за руки и подражая нашим движениям. Все замолкли.

* англ. *Two-step*, буквально — «двойной шаг» — американский бытовой танец двухдольного размера, быстрого темпа. Предшественник уанстепа и фокстрота. В начале XX века получил распространение в Европе.

— Они смотрят на нас, — прошептал Джексон.

Я улыбнулся.

Затем внезапно многие поднялись на ноги и присоединились к нам.

Кики увела Ноу, и они танцевали так, как могут танцевать только глухие дети.

К действию присоединились дед и миссис Хэмфрис.

Когда из динамиков донеслась "Милый дом Алабама", происходящее стало еще чуточку безумнее.

Я обнаружил, что танцую в объятьях Джексона, глупо ему улыбаясь.

— Должно быть, для тебя это полный ад, — сказал я. Без сомнений, он привык к более элитным, утончённым видам развлечений.

— Думаю, это замечательно, — ответил он. — Я годами так не веселился.

Появилось нечто другое в глазах, которые смотрели на нас. Впервые там было принятие и, что достаточно странно, равнодушие, будто я наконец достиг того этапа

своей жизни, когда мои особенности стали таким обычным явлением, что больше не стоили того, чтобы их замечали.

"К этому я мог бы привыкнуть", — подумал я.

Глава 65

Фейерверки для Ноя

Вечером, после того, как все гости ушли, мы расселись по своим машинам и караваном поехали в центр Нью-Олбани, чтобы посмотреть на фейерверки, как делали каждый год.

Я уселся на край тротуара, в то время как Ной сел у меня между ног. В конце концов, как я всегда ему говорил, это были "его" фейерверки, запускаемые только в честь его дня рождения. Джексон сидел слева от меня, Билл — справа, его сын Эли сидел у него между ног. По большому счёту мы были тремя отцами, наслаждающимися фейерверками.

— Хорошая получилась вечеринка, — сказал я Биллу. — Спасибо.

— Он того стоит, — сказал Билл, бросая взгляд на Ноя.

— Если бы ты не любил его, то не лез бы вон из кожи, — отметил я.

— Он хороший ребёнок, — сказал он, ловко обходя мою точку зрения, которой я хотел дать ему знать, что понимаю, что в сердце он действительно желал моему ребёнку лучшего, несмотря на всю его высокопарность и религиозную чушь.

— Почему ты меня ненавидишь? — спросил я.

— Я не ненавижу тебя, Вилли, — сказал он, глядя на меня.

— Иногда так не кажется, Билли.

Он ничего не сказал.

Как раз когда я подумал, что отвечать брат не собирается, он прочистил горло.

— Меня это пугает, — тихо произнёс он. — Я не знаю, почему ты пошёл по этому пути. Я не понимаю этого, Вилли. Действительно не понимаю. Зачем тебе выбирать такое?

— Это не выбор, — отметил я.

— Выбор, — сказал он.

— Ты выбирал, чтобы тебе нравились девочки, когда рос?

— Это просто произошло.

— Так, может быть, со мной это тоже просто произошло, но произошло немного иначе?

— Это не просто произошло, — сказал он. — Ты выбрал это, Вилли.

— Но я не выбирал. Я просто решил быть честным.

— Тебя не влечёт к женщинам?

Я покачал головой.

Выражение его лица говорило, что это не может быть правдой.

— А тебя влечёт к мужчинам? — спросил я.

— Конечно, нет.

— Если это выбор, как ты говоришь, почему ты не можешь просто выбрать, чтобы тебя влекло к мужчинам, как меня?

— Не неси чушь.

— Ты несёшь чушь. Всё не так сложно. Большинству парней нравятся девушки, но некоторым из нас нравятся другие парни. Просто такова жизнь. Разве мы обязаны все быть одинаковыми?

— Нет.

— В чём проблема?

— Это мерзко, Вилли.

— Что мерзкого в том, что два человека любят друг друга?

— Не знаю, — признался он. — Просто это так.

— А я знаю, — немного настойчиво произнёс я. — Ты фанатик, Билли. Тебе не нравятся гомосексуальные люди. Это нормально. Но это твоя проблема, не моя. Я не могу ходить и притворяться, что мне нравятся девушки, потому что ты считаешь мерзким мою честность. Если бы ты хоть немного уважал меня, то не просил бы меня этого делать. Ты бы позволил мне быть тем, кто я есть, и переступил бы через себя.

— Я пытаюсь понять, — сказал он. — Тебе придётся дать мне время.

— Я по-прежнему твой младший брат. Всё тот же человек, которым был всегда.

— Мой маленький кусок деръма, — сказал он, но не со злостью.

— А ты мой большой кусок деръма, — с улыбкой добавил я.

Внезапно в воздух полетел первый залп фейерверков, и Ной загудел.

Глава 66

История любви

В воскресенье утром, после вечеринки, Ной прошёл на кухню, пока я сидел за столом в одних боксерах, с открытым ноутбуком, а мои пальцы летали по клавиатуре, потея от жары.

По «КУДЗУ» играла "И вот ты снова здесь" Долли Партон*.

* *Долли Ребекка Партон* (англ. Dolly Rebecca Parton, род. 19 января 1946 года, Севервилл, Теннесси, США) — американская кантри-певица и киноактриса, которая написала более шестисот песен и двадцать пять раз поднималась на верхнюю позицию кантри-чартов журнала «Billboard». У себя на родине признана одной из самых успешных певиц в своём жанре, получив при этом титул «Королева кантри».

Ной подошёл ко мне, проверяя, опираясь рукой на мою спину и прижимаясь лицом к плечу. Затем он отстранился и повернулся ко мне, чтобы я мог его видеть.

Ты снова работаешь? — спросил он.

Я радостно кивнул.

О чём ты пишешь? — спросил он.

Я пишу о маленьком глухом мальчике, — сказал я.

Почему?

Потому что он удивительный, и я хочу, чтобы весь мир знал, какой он умный, и как сильно я его люблю.

Он улыбнулся.

Ты и о Джессе тоже напишешь? — спросил он.

Да.

И о бабушке?

Да.

И о дяде Б.?

Да.

И о К.?

Конечно.

Думаю, тебе следует сделать К. вампиром. Ей бы это понравилось.

Понравилось бы, — согласился я.

Ной подошёл к холодильнику, чтобы взять «Поп-Тарт». Он положил один в тостер, нажал на кнопку и стал терпеливо ждать.

Я не спал с трёх утра. Проснулся с мыслью в голове, которая хотела, чтобы её написали, которая наставила на том, чтобы её написали, и прямо сейчас. Воспоминание, как я впервые увидел Джексона Ледбеттера в очереди, покупающим два ящика Dos Equis, сильно засело у меня в разуме. Это было началом моей истории, началом совершенно новой главы моей жизни, возможно, началом остатка моей жизни.

Или, по крайней мере, так будет в моём новом романе.

Таинственный мужчина покупает пиво для вечеринки по поводу новоселья. Вскользь звучит приглашение. Гей-радар зашкаливает. Что бы это могло значить? Он не знает, что я просто кассир? Это прекрасный принц, не на белом коне, а в медицинской униформе? У моего сына, наконец, появится второй родитель, полноценный дом? И я: я, наконец, найду настоящую любовь, спутника на старость, партнёра, мужа?

Это могло сработать.

Слова текли легко, и я написал больше трёх тысяч слов, когда на кухню зашёл Ной.

Но я раньше не писал таких книг. Я привык к условностям жанра ужасов. Что именно я писал? Роман? Драму? Кусочек жизни? Романтическую комедию? Найдётся ли аудитория для такой книги?

Глядя, как Ной садится, вгрызаясь в свой «Поп-Тарт», я понял, что все это не верно. Это была история любви отца и сына. Остальное было для дополнения. История любви между родителем и ребёнком была универсальной. Не имело значения, что я гей, что он глухой, что мы не вписываемся, что каждый из нас изгой в своём собственном смысле. Бог, судьба, вселенная, удача — нас бросили вместе в эту вещь, которую мы зовём жизнью по причинам, которые мы никогда не сможем понять. Как сказала бы миссис Хэмфрис: «Господь найдёт способ». И Он нашёл.

Мы сегодня идем к дедушке? — спросил Ной.

Я кивнул.

Ненавижу туда ездить.

Мы всегда ездим туда по воскресеньям после твоего дня рождения.

Я знаю.

Мы можем и твоей маме отнести цветы, если хочешь.

Хорошо.

Глава 67

Снова прощения

Скамья в церкви Святого Франциска на утренней мессе была заполнена Кантреллами. Ной, я, мама, Билл, Шелли, дети, и сестра моего папы — тётя Мэри, её муж дядя Роуланд, их дочь Мэри Маргарет, двое её детей. Даже дед, который неловко

выглядел в чистой рубашке и брюках. Джексон сидел рядом со мной, источая слабый аромат одеколона и хорошего воспитания.

Отец Гиндербах перед мессой подошёл поприветствовать Ноя, улыбаясь нам, счастливый, что мы пришли все вместе, даже если такое случалось раз в год. Мама сделала специальный заказ, чтобы мессу произнесли за упокоение души отца, что она делала каждый год, в воскресенье после вечеринки на день рождения Ноя.

После мессы мы поехали на кладбище и плелись вдоль могил, пока не дошли до угла на западной стороне, где традиционно укладывали на покой Кантреллов. Во главе одного участка земли стояло большое двойное надгробие. На камне были выгравированы папины дата рождения и дата смерти. Дата рождения мамы была на противоположной стороне, дата её смерти ещё ожидала своей очереди.

"Любящий муж и отец" было написано под папиной информацией.

Мама опустила на могилу венок, сложила руки на груди и молча помолилась.

— Ты мало говоришь о своём отце, — тихо сказал мне Джексон, пока мы стояли и смотрели.

В моей груди набух знакомый комок боли.

— Он был алкоголиком, — сказал я. — Жестоким человеком. Я ненавидел его характер и иногда думаю, что всё ещё ненавижу. Я стараюсь не ненавидеть. Он был моим отцом, но я не помню, чтобы он когда-нибудь говорил, что любит меня. Сейчас я помню только многое воплей и криков и то, каким облегчением была его смерть.

Джексон обвил рукой мою талию, и мы стояли, неся своего рода дежурство.

— Поэтому ты так стараешься быть хорошим отцом? — спросил он.

Я никогда не думал об этом в таком ключе.

— Или, может быть, поэтому Билл так сильно переживает за Ноя, — добавил он.

— Может быть, — согласился я.

Ной подошёл и встал передо мной. Я обнимал его, положив руку поперёк его груди, пока мы смотрели на могилу.

Дед стоял рядом с мамой, глядя на могилу вместе с ней.

— По крайней мере, безбожный дятел, наконец, заткнулся, — наблюдаленно отметил деда.

— Я знаю, папа, — с грустью сказала мама.

Она повернулась посмотреть на нас, утешаясь нашим присутствием.

— Что же, — произнёс я, глубоко дыша, — с этим разобрались ещё на год.

Мы попрощались с тётей Мэри, дядей Роуландом и их детьми.

Пойдем навестим твою маму, — прожестикулировала мама Ною.

Мы снова расселись по машинам и проехали по городу на кладбище баптистов, где была похоронена Кайла, её могила всё ещё была довольно свежей. Ной нёс цветы, которые мы в то утро купили в «ФудВорлде».

Он не был счастлив. Он положил цветы на могилу своей матери, а затем встал между мной и Джексоном, держа нас за руки.

Билл открыто посмотрел на нас, пока мы стояли с Ноем между нами. Я думал, что брат может разозлиться, но вместо этого он одарил нас слабой улыбкой.

— Мы все должны будем заботиться о нём теперь, когда его матери не стало, — сказал Билл.

— Должны, — сказал я.

— Я знаю, что ты позаботишься, Вилли, — ответил он. — Я знаю, что вы оба позаботитесь о нем.

Наши взгляды встретились на долгое мгновение, прежде чем он отвернулся.

Глава 68

Протест

Пятнадцатого сентября, в день рождения Джексона, я устроил Ноя и свою гитару на заднем сидении «Джипа» Джексона, и мы поехали к зданию администрации Ассоциации Американской Семьи, которое было в паре кварталов от главной западной улицы в Тупело, недалеко от моей работы. Мы припарковались у скейтпарка и спустились по кварталу.

На нас с Ноем были футболки «Гей-Прайд», несмотря на прохладу дня.

У Ассоциации Американской Семьи был комплекс больших зданий, располагающихся по обе стороны улицы. С надлежащим разрешением на протест от департамента полиции, которое нам всегда доставал Джордж, мы могли ходить вверх и вниз по улице, как и по смежным тротуарам, хоть и не могли перекрывать никакое движение, ни автомобильное, ни пешеходное, чтобы перейти от одного здания к другому. Мы должны были продолжать двигаться. Мы не могли "собираться в группы" или "нарушать спокойствие".

— Я никогда не был на таком, — нервно произнёс Джексон.

— Мы тёartyе калачи, — сказал я.

— Ты не боишься?

— А почему я должен?

— Ты не боишься за безопасность Ноя?

— Что они сделают десятилетнему мальчику?

Мы встретились с Джорджем, который доставал плакаты для протеста с заднего сидения своего внедорожника. К нам присоединились Жасмин и её спутница Лиза. Мы развернули плакаты и ждали, пока придут остальные, но, когда наступил час дня, наши ряды дороили только до шестнадцати человек.

— Шестнадцать счастливчиков, — живо произнесла Жасмин.

— С чего-то надо начинать, — добавила Лиза, передавая плакаты.

Наше количество насчитывало три пары лесбиянок, несколько гетеросексуальных сторонников, ещё один гей, кроме меня и Джексона, и трое детей.

— Я позвонил журналистам, — сказал Джордж. — Вдруг приедут, кто знает.

Обычно они не приезжали, но мы ничего не сказали.

Я заметил присутствие полиции в виде двух удобно расположенных патрульных машин, сидящих в них офицеров, глядящих на нас через солнечные очки.

— Ты готов? — спросила меня Жасмин.

— Думаю, начнём с Дилана, — сказал я, чувствуя себя необъяснимо нервным.

Я надел на шею ремень гитары и провел последние приготовления.

— Давайте встанем в линию за Вилли, — громко сказала Жасмин, беря на себя управление. — Помните: протест — мирный. Мы поём песни, дружелюбно себя ведём, держим плакаты. Мы никому не вредим. Мы не собираемся спорить или цепляться к кому-то. У нас есть совершенно законное право здесь находиться.

На дороге между зданиями Ассоциации Американской Семьи почти не было движения. Там находилось всего несколько людей. Но смысл был не в этом. Смысл был в том, чтобы показаться на их пороге и дать понять, что в Тупело, Миссисипи, есть куча гомосексуальных людей и их сторонников, которым не нравилось, что в прямом эфире их называют фашистами, ворами и лжецами, умственно отсталыми, угрозой обществу, культуре и общественному здоровью. Мы человеческие существа, и

мы хотели, чтобы они видели, кого постоянно поливают грязью в эфирах своего радио.

Возможно, это стремление было бессмысленно, но всё равно.

Я начал петь.

— *Как много дорог должен пройти мужчина, прежде чем вы назовёте его мужчиной?*

Остальные тоже начали подпевать, особенно в припевах.

Это был третий прямой протест против ААС, который мы устраивали. Мы устраивали и другие демонстрации, включая одну против "трубопровода от школы до тюрьмы", как это называли в Миссисипи, в ней речь шла о школах настолько резких в своей дисциплине к темнокожим студентам, что многие оказывались в тюрьмах даже из-за весьма незначительных преступлений.

По прошествии примерно пяти минут протesta, подъехало ещё больше машин, и вышло еще больше наших сторонников, будто они жаждали посмотреть, действительно ли мы собираемся это делать. Через тридцать минут нас было около пятидесяти, мы ходили вверх и вниз по улице, и пели, мирно протестуя.

Я был удивлён, увидев внедорожник Билла и Шелли, припаркованный ниже по улице. Они вышли, встав с Джошем и Эли на тротуаре, наблюдая за нами.

Затем приехали операторы с WTVA и WCBI, поспешно устанавливая своё оборудование, чтобы снять происходящее.

Я пустился петь новую энергичную версию песни "Времена меняются". Мы все питались энергией от растущей толпы.

Пока пел, я смотрел на здания ААС и заметил несколько их работников, которые стояли у окон, наблюдая за нами. Некоторые даже вышли на улицу и встали перед зданиями.

Приехали ещё две машины копов, и теперь все офицеры вышли и заняли свои позиции, следя за всеми нами.

Жасмин поторопилась к телевизионным станциям операторов, чтобы дать импровизированное интервью.

Всё это время Джексон твёрдо шагал рядом со мной, держа за руку Ноя и нервно оглядываясь. Ему, очевидно, было неловко здесь протестовать. Казалось, его нервозность росла вместе с ростом числа людей.

*Придите, матери и отцы со всей земли,
Не критикуйте то, чего не понимаете...*

Я пел изо всех сил, спел всю песню три раза, чтобы растянуть. Но я уставал от ходьбы, и когда оператор с WCBI показал, что хочет снять, как я стою смирно, я был рад подчиниться, хоть и не совсем рад, что меня снимают.

Я предложил песню собственного сочинения, которую мы использовали раньше во время маршей.

Когда-нибудь будет свобода, — спел я, что повторили другие, собираясь вокруг, осторожно, чтобы не перекрывать проходы между комплексами зданий.

Когда-нибудь будет радость...

Когда-нибудь мы построим мир...

Которым сможем все наслаждаться..

Когда-нибудь будет счастье...

И мир в наших душах...

Когда-нибудь будет свобода...

В конце этой тяжёлой, тяжёлой дороги.

Это была простая песня в стиле негритянских джазовых напевов*.

* Спиритчизлс – это духовная песня афроамериканских рабов, которая стала одной из составляющих джаза. Главным моментом в формировании спиритчизлов сыграло принятие христианства рабами, привезёнными на Юг США из африканских стран.

Чем больше мы её пели, тем сильнее она становилась. Кто-то начал медленно хлопать, и вскоре это звучало как евангельские псалмы, прямо там, на улице. Пока пел, я видел, как Билл, Шелли и их дети присоединились к толпам, объединяясь с нами.

В это время из одного из зданий ААС вышел мужчина в костюме, с недовольным выражением лица.

Джордж пошёл его встретить, предчувствуя грозящие неприятности.

Я не слышал, что говорили. Мужчина жестикулировал и указывал на меня. Без сомнения, мы что-то перекрывали или не двигались, как было договорено. Когда оператор WTVА направил камеру на Джорджа и мужчину в костюме, я замолчал, как и все остальные.

— Вам нужно продолжать двигаться, — громко сказал мужчина, махая рукой на всех нас. — Вы это знаете. Сейчас вы перекрываете дорогу. Вас слишком много.

Два офицера полиции зашагали в нашу сторону, желая узнать, о чём спор.

— Давайте продолжать двигаться, — крикнул Джордж.

— Мы ничего не перекрываем, — отозвалась Лиза.

— И всё же, — произнёс Джордж.

Мы снова начали маршировать по улице, и я запел "Солнечную сторону улицы", песню Билли Холидей*, которая казалась подходящей обстоятельствам.

* *Билли Холидей, настоящее имя Элеанора Фэйган — американская певица, во многом повлиявшая на развитие джазового вокала своим оригинальным стилем пения.*

Мы столпились на тротуарах, чтобы дать проехать грузовику «Форд». Водитель опустил стекло.

— Ни стыда, ни совести! — со злостью выкрикнул он. — Педики! Вы отправитесь в ад!

— Раньше я ходил в тени и хандрил, — громко пел я, игнорируя его. — Но сейчас я не боюсь. Эта дорога позади!

К тому времени, как наш часовой протест закончился, на улице было около семи десятков людей, больше, чем когда-либо было на любом из наших мероприятий.

Я узнал некоторые лица, но многие остались мне не знакомы. Джордж, Жасмин и Лиза были организаторами, знали всех и теперь просили нас перейти на парковку скейтпарка, так как время нашего разрешения истекло.

— Ты действительно хорошо поёшь, — сказал Джексон, пока мы шли через толпу, ища Билла и Шелли.

— Спасибо, — ответил я.

— Это было потрясающее, — добавил он.

— Уверен, ничего похожего на марши в Бостоне, — сказал я.

— Не приижай себя, — настойчиво произнёс он. — Ты всегда так делаешь, и мне это не нравится. Это действительно потрясающее для центра Тупело, Миссисипи. У вас, ребята, есть яйца, я должен отдать вам должное.

— Это начало, — признал я.

Мы нашли Билла и Шелли у их грузовика.

— Спасибо, что пришли, — сказал я. — Хотя не знал, что вы собирались.

— Мама сказала, что я должен прийти, — сказал Билл, пожимая плечами. — Ты неплохо справился с гитарной партией.

— Спасибо, — ответил я.

— Вы будете в вечерних новостях, — отметила Шелли. Это мысль то ли пугала её, то ли впечатляла, я не мог сказать.

— Почему бы вам не пойти познакомиться с парой крэковых шлюх и другими моими друзьями? — предложил я.

Билл рассмеялся.

— Хорошо, — сказал он.

— Спой ещё одну песню, дядя Вилли, — попросил Эли.

— Может, позже, — ответил я.

Мы провели ещё час на парковке, разговаривая и представляя всем Билла и Шелли.

Вдруг рядом появился репортёр из WTVА с видеокамерой, спрашивая, хочу ли я дать интервью. С интервью всегда разбиралась Жасмин, потому что она была хороша в этом, знала, что сказать, обладала уверенностью, шармом и кучей энергии.

— Я так не думаю, — сказал я, пытаясь вспомнить имя мужчины. Я часто видел его в новостях.

— О, да давай уже, — сказал Джексон.

— Я плох в таких вещах, — сказал я.

— Я всего лишь хочу задать пару вопросов, — сказал репортёр, улыбаясь с надеждой.

В чём дело? — спросил Ной, не понимая разговора.

Я объяснил, что они хотят взять интервью.

— Он ваш племянник? — спросил репортёр.

— Он мой сын, — ответил я.

— И он глухой?

— Да.

Его глаза зажглись как у акулы, почувствовавшей в воде кровь.

— Вы не против, если я спрошу о нём?

— Спрашивайте, — поторопил Джексон.

Я посмотрел на Билла, ища помощи, поддержки, что-нибудь.

— Ты должен это сделать, — отозвался Билл.

Повернувшись к репортёру, он сказал:

— Вилли мой брат, и он отличный отец. Его сыну Ною исполнилось десять лет в этом июле. Он хороший малый.

— А ваше имя? — произнёс репортёр, взявшись со штативом и устанавливая камеру на место.

— Я не пойду на чёртово телевидение, — сказал Билл. — Но вам следует взять интервью у Вилли. Он мой брат, и мы поддерживаем его от начала и до конца.

Я почувствовал, как что-то застряло у меня в горле, когда услышал эти слова от Билла. Я почувствовал, будто ждал всю свою жизнь, чтобы услышать их от него.

— Сделай это, — убеждал шепотом Джексон, наклонившись к моему уху.

Ты хочешь быть на ТВ? — спросил я Ноя.

Он засиял, демонстрируя свои жуткие зубы.

— Или мы оба, или никто, — сказал я репортёру, кладя руки на грудь Ноя и прижимая его ближе, как талисман.

— Отлично, — с широкой улыбкой ответил он, делая последние приготовления камеры, а затем вытащил большой микрофон.

— Начнём с проверки, — сказал он. — Просто назовите своё имя и возраст, имя своего сына и его возраст, чтобы я мог проверить свои показатели.

Он поднёс микрофон к моему лицу.

К этому моменту вокруг собралось много любопытного народа, и я вдруг сильно занервничал. Джексон отошёл в сторону, показывая мне поднятые вверх большие пальцы.

— Меня зовут Вилли Кантрелл, и мне тридцать два, — сказал я. — А это мой сын Ной, ему десять.

Репортёр посмотрел на своё оборудование, сально улыбнулся, а затем встал перед камерой, держа нас троих в кадре.

— Почему вы сегодня здесь? — спросил он, быстро поднося микрофон к моим губам и отводя взгляд в сторону, пока я отвечал.

— Сегодня мы здесь потому, что устали от того, что ААС сравнивают нас с нацистами, ворами и лжецами и всеми подобным. Мы просто люди. Я отец, а это мой сын. Я не хочу, чтобы мой сын стыдился того, кем является его отец. Мы хорошие люди. Мы такие же, как все остальные. Я не хочу, чтобы ААС каждый день говорили людям, что гомосексуальные родители — это плохие родители. Мы не плохие родители. Мы не лучше и не хуже других родителей. Если ААС хочет выходить в прямой эфир каждый день и врать насчёт членов гей-сообщества, что же, у нас есть право бросить им вызов. У нас есть право рассказать о себе правду.

— Ваш сын глухой? Верно?

— Да, — сказал я. Он ждал, что я продолжу. Не зная, что сказать, я заговорил немного бессвязно. — Я отец-одиночка. Я заботился о своём сыне с того дня, как он родился. Мы через многое прошли вместе. Я и мечтать не мог о лучшем сыне. Я очень сильно его люблю, и мне больно слышать, что ААС говорит о гомосексуальных родителях. Если это действительно Ассоциация Американской Семьи, почему они не поддерживают меня и не помогают? Почему они всегда принижают нас? Ненависть — не семейная ценность. Ложь об однополых семьях — это не по-христиански. Кому-то нужно указать им, что они говорят о настоящих людях с настоящими жизнями, и что их слова оскорбительны для таких людей, как я и мой сын.

— Если бы вы могли обратиться к ААС, что бы вы им сказали? — спросил репортёр.

— Я бы сказал им прекратить лгать, — прямо ответил я. — Если бы я сказал что-то из того, что говорят эти люди в своих радиопрограммах, моя мама вымыла бы мне рот с мылом. Она научила меня уважать других людей, не врать о них.

— Вы не думаете, что их репортажи справедливы?

— Они не новостная организация. Ониозвучивают личные мнения, вот и всё. Почему бы им не выйти сюда и не поговорить? Чего они так боятся? Они выходят в эфир каждый день, говорят своим слушателям всякий мусор о гомосексуалистах. Что ж, мы здесь! Почему бы им не выйти и не поговорить с нами и не выяснить, какие мы на самом деле? Они боятся?

Репортёр улыбнулся.

— Какие проблемы у вас были, как у родителя-гэя, воспитывающего глухого ребёнка? — спросил он.

— Когда ты гомосексуальный родитель, каждый день — это вызов, — сказал я, говоря ожесточеннее, чем намеревался. — Люди смотрят и сразу предполагают, что с ребенком жестоко обращаются в семье. Их не волнуют факты. Они относятся к вам как к подделке, будто вы не настоящий родитель, будто у вас даже ребёнок не настоящий. И люди сочувствуют вашему ребёнку. Они сочувствуют. Будто вашему ребёнку было бы намного лучше, если бы вы были натуралом. Будто для ребёнка есть

какая-то разница. А когда у вас ребёнок с особыми потребностями, как Ной, глухой ребёнок, всё намного сложнее.

— Что насчёт его матери?

— Она недавно умерла, — ответил я.

— Мне жаль.

— Я могу спросить, что произошло?

— Я бы не хотел об этом говорить, — сказал я.

— Понимаю. Значит, сейчас вы заботитесь о нём сами?

— Я заботился о нём всю его жизнь. Я всегда был отцом-одиночкой.

— Должно быть, это было сложно.

— И да, и нет. Смысл в том, что мы протестуем против ААС потому, что они говорят, что заботятся о семьях. Ну а как же моя семья? Как же мой сын? Как же я? Как можно говорить, что вы хотите защищать семьи, когда вы побуждаете родителей отрекаться от их гомосексуальных детей, когда вы разрушаете семьи и разделяете их? Единственная причина, по которой мы сегодня здесь, в том, что они называют себя Ассоциацией Американской Семьи и говорят, что они христиане. Что христианского в распространении лжи и побуждении родителей отказываться от своих гомосексуальных детей или стыдом заставляя жить их в тишине и страдать? Я знаю, что все эти пропитанные ненавистью разговоры делают с людьми, потому что я пострадал от этого. Я видел, что это сделало с моими отношениями в моей семье. Когда кто-то из этого города начнет противостоять этим людям и скажет им, что это неправильно? Когда вы, ребята из СМИ, начнёте рассказывать своим зрителям, что ААС в списке групп ненавистников из-за их постоянного антигейского фанатизма? Когда вы, ребята, осмелейте и прекратите быть такими тряпками? Каждый раз, когда у нас происходит одно из этих мероприятий, некоторые из вас идут прямиком туда, к ААС, и спрашивают об их реакции, но вы никогда не спрашиваете реакцию других религиозных лидеров в этом городе. Почему нет? ААС здесь не единственная религиозная группа. Думаю, если вы сходите в Архиерейскую Церковь Всех Святых, то получите совершенно другой ответ, в отличие от того, что даёт вам ААС. Но вы просто продолжаете повторять ту же чепуху от ААС. Почему вы, ребята, не делаете свою работу?

— Мы пытаемся, — сказал репортёр, пожав плечами. — Вы хотели бы добавить что-нибудь ещё?

Я мог сказать многое, но покачал головой. У меня было такое чувство, будто я уже сказал слишком много и, вероятно, пожалею об этом.

Убрав микрофон, репортёр сказал:

— Кстати, моя следующая остановка — церковь Всех Святых. Я иду туда на интервью с их пастором.

— Спасибо, — искренне ответил я.

— Я ценю ваше время. Но забыл спросить, эта песня, которую вы пели... "Когда-нибудь будет свобода". Я никогда раньше не слышал эту песню.

— Это потому что её написал я.

— Правда?

Я кивнул.

— Великолепная песня. Могу я взять вашу контактную информацию? Я хотел бы сделать ещё один сюжет, когда у меня будет больше времени.

Я нацарапал свой мобильный телефон и протянул его репортёру.

Он поторопился взять интервью у других людей.

— Хорошее дело! — воскликнул Джексон, хлопая меня по спине.

— Я, наверное, говорил, как дурак, — сказал я.

— Ты говорил с большим смыслом, — сказал Билл. — И я слышал, что ты сказал о своей собственной семье.

Я нерешительно вздохнул, пытаясь вспомнить, как именно это сформулировал.

— И ты прав, — добавил он. — Мы не облегчали тебе жизнь. Вы, ребята, проголодались?

— Что у тебя на уме? — спросил я.

— Я думал, может быть, мы вчетвером могли бы куда-нибудь сводить детей. Полагаю, это называется «двойное свидание».

— Ты собираешься кого-нибудь бить? — спросил Джексон.

— Нет, — ответил Билл со смущенной улыбкой.

— До тех пор, пока Вилли не болтает о своём пенисе, думаю, это отличная идея, — сказала Шелли.

— Согласен, — с улыбкой добавил Джексон.

— Вообще-то я немного на мели, — тихо сказал я, не желая пропустить веселье, но и не желая врать.

— Ужин с меня, братишка, — сказал Билл.

— Нам нужно быть дома вовремя, чтобы посмотреть новости, — отметил я.

— У нас будет ранний ужин, — пообещал Билл.

Глава 69

Мы всё ещё на стадии ухаживаний?

В первой неделе октября, когда северную часть Миссисипи начал охватывать холод, и деревья буйствовали оранжевым и красным, мы совершили последний туристический поход на мамину территорию. Мы уселись на квадроциклы, и Ной повёл нас в разноцветный лес. Я остановился, чтобы показать Джексону несколько сахарных деревьев, в которые мама вставляла трубки, объясняя, что так она собирала сок и делала из него кленовый сироп, что несколько банок продавала, а другие запасала в кладовке, что это традиция — съесть первую банку с утренними блинчиками на Рождество.

На кемпинге, проверив холодную воду для быстрого заплыва в обнажённом виде, мы решили отказаться от этой идеи и занялись прослушиванием «КУДЗУ» и сбором дров. Ной взял удочку и пластиковый контейнер, полный червей, и сел на камнях на солнце, где было тепло. Я сделал много его фотографий и вернулся обратно в лагерь, чтобы поснимать Джексона.

— Ты подумал об этом? — спросил Джексон, пока мы ждали, когда пожарятся хот-доги.

— Я только об этом и думал, — признался я.

— Так ты переедешь ко мне и будешь моим любовным рабом?

— Это большой шаг, — сказал я.

— Надеюсь, один из многих, — произнёс он.

— Ты серьёзно?

— Я хочу выйти за тебя замуж, Вилли Кантрелл. Хочу быть твоим мужем. Хочу, чтобы мы были семьёй — ты, я и любитель сыра. Не в этом ли смысл всех этих ухаживаний?

— А мы всё ещё на стадии ухаживаний? — с улыбкой спросил я.

— Я ещё недостаточно рискнул в игре?

— Люблю, когда ты говоришь с южным акцентом, — ответил я.

— Ненавижу, когда ты увиливаешь. Я был чист всё лето. И никогда к этому не вернусь. Я люблю свою работу, и в моей жизни всё хорошо, за исключением одной маленькой детали — что я не могу жить с мужчиной, которого люблю. Я хочу просыпаться утром и видеть твоё лицо. Это неправильно?

Я ничего не ответил.

— Что? — надавил он.

— Что, если ничего не выйдет? — тихо спросил я. — Всё, к чему я прикасаюсь, превращается в дермо. К этому времени ты уже должен это знать.

— Ной ведь не дермо?

— Нет.

— И я не дермо...

— Нет.

— Так что... разве это не значит, что иногда ты делаешь что-то правильное?

— Не знаю, — признался я.

— Думаю, тебе просто страшно, — сказал он.

— Может быть, — согласился я.

— Так почему ты боишься?

— Ты когда-нибудь хотел чего-то так сильно, что от одной мысли о потере этого хотелось плакать?

— Да, — сказал он. — Это ты.

— Если ничего не получится, я не знаю, что буду делать.

— Всё получится, — уверенно сказал он.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что знаю. Потому что мы оба этого хотим. Мы больше не дети. Мы взрослые брачного возраста. Так что давай сделаем что-нибудь, связанное с браком.

— Ты слишком уверен для кого-то, кому нужна записка от мамы, чтобы пропустить урок физкультуры.

— Это тебе во мне и нравится, — сказал он.

— Я парень рода "Оставайся рядом со своим мужчиной", — отметил я. — Если мы съедемся, это значит, что тебе придётся надеть мне на палец кольцо и сделать меня достойным уважения. И я не хочу слышать никаких разговоров о "р-а-з-в-о-д-е" и "мы с маленьким Д-ж-о уходим".

— Мы сбежим в Бостон и заключим гей-брак. А потом мы будем мистером и мистером Ледбеттер-Кантрелл.

— Кантрелл-Ледбеттер, — исправил я.

— Мистер и мистер Ледбеттер — идеально допустимая альтернатива, — сказал он, улыбаясь.

— Как и Кантрелл.

— Тебе всегда нужно сказать последнее слово?

— Я южанин. Ты же знаешь, я люблю говорить.

— Позволь мне подкинуть тебе тему для разговора.

Он придинулся ближе и, прежде чем я смог ответить, прижался к моим губам. Он уложил меня на спину, будто собирался поиметь прямо там.

— Что ж, если ты так к этому относишься..., — произнёс я, хватая ртом воздух.

— Так ты переедешь ко мне?

Я пожал плечами.

Он снова поцеловал меня, жёстче, более страстно.

— И? — поторопил он.

Я захихикал.

— Ой, ну ладно, — ответил я.

Это спровоцировало поцелуй, во время которых горели хот-доги.

К нам подошёл Ной, и я застенчиво вытер губы. Он держал у моего лица большеротого окуня приличных размеров, его губы раскрылись в глуповатой улыбке.

Круто, — прожестикулировал я.

Он посмотрел на хот-доги, затем на нас, его разочарование было более чем очевидным.

Прости, — сказал я.

Сын положил рыбу, повернулся к Джексону и прожестикулировал:

Что он сказал?

Он сказал да, — прожестикулировал Джексон.

Я же тебе говорил!

— Вы что, ребята, сговорились у меня за спиной? — требовательно спросил я.

— Конечно, — ответил Джексон.

Я схватил Ноя, затащил его на нас сверху и начал щекотать, пока он гудел и хихикал.

Глава 70

Но действительно ли ты знаешь, что я чувствую?

Я не ходил на исповедь много лет, так много, что мне было сложно сказать отцу Гиндербаху, когда именно был последний раз.

— Думаю, мне было пятнадцать, — сказал я ему. — Это было почти двадцать лет назад.

— И в чём ты хочешь исповедаться? — спросил он.

Мы сидели в исповедальне, в удобных креслах. Холодный ветер кануна Рождества проникал сквозь старые окна. На плечах Гиндербаха был фиолетовый епитрахиль, а во взгляде дружелюбие. Он выделил два часа в конце дня для тех, кто хотел прийти на исповедь в подготовке к Всенощной.

— Не знаю, действительно ли хочу исповедаться, — признался я. — Я люблю Бога и сожалею о своих грехах, но мне не жаль, что я гей. Мне не жаль, потому что моя совесть не винит меня в чём-то неправильном. Я сожалею о своих связях на одну ночь и обо всех ошибках, которые сделал. Я сожалею о том, что принимал наркотики. Я сожалею, что моё увлечение наркотиками могло привести к тому, что у моего сына врождённые дефекты. Я очень сожалею о том, что был плохим человеком. Но я никогда не буду жалеть о том, кто я есть, потому что это единственное, кем я могу быть. Я не знаю, чего ещё ожидает от меня церковь.

— Может быть, этого достаточно, — сказал он.

— Я сейчас в отношениях, — признался я. — Всё идёт хорошо. Мы создаём семью. Я хотел бы, чтобы церковь благословила мою семью и перестала меня осуждать. Я хотел бы ходить в церковь, и чтобы люди не задавались вопросом, почему я хожу на причастие, раз совершаю смертельный грех, будучи гомосексуалистом.

— Ты хочешь признаться в своих грехах и получить отпущение? — по-доброму спросил он.

— Хочу, но собираюсь выйти прямо за эту дверь и сесть рядом со своим бойфрендом. Вы не удержите меня от любви к мужчине, которого я люблю. Если я должен отправиться за это в ад, полагаю, так и будет.

— Я сомневаюсь, что кто-то отправится в ад за любовь к кому-то.

— Сейчас Рождество, — сказал я. — Я хочу снова наладить отношения с церковью, но не вижу, как это возможно. Однако если возможно, я хочу признаться в своих грехах и получить отпущение. В конце концов, я верю в Бога. Я верю в Иисуса. Я верю, что Бог — любящий Бог, и не думаю, что Он злится на меня так, как может злиться священник.

— И я так не думаю, — сказал Гиндербах.

— Моё сердце обвиняет меня в кое-каком проступке, — признался я. — Летом, например, у меня пару раз был случайный секс с глухим мужчиной. Мне не следовало этого делать. Мы никому не причинили боль, но это было не в контексте построенных на любви отношений, и это чувствуется неправильным.

— Ты бы хотел исповедаться в этом?

— Да, — сказал я.

— Если ты исповедуешься в этом и намерен больше этого не делать, Бог может тебя простить. В чём ещё ты хотел бы исповедоваться?

Отец Гиндербах провёл меня через последние двадцать лет моей жизни, и я на нервах признался в очень многих вещах, которые, возможно, не были большими, огромными грехами, но об этих вещах я сожалел, эти вещи, возможно, мне делать не следовало.

Когда в конце этого он дал мне отпущение, я снова почувствовал себя чистым, впервые за много-много лет.

— Вы ведь знаете, что я собираюсь выйти за эту дверь, пойти домой со своим бойфрендом и заняться с ним сексом? — спросил я.

— Если ты любишь его, если ты предан ему, если ты в стабильных, постоянных отношениях с этим мужчиной, если отношения основаны на взаимной любви и уважении, на беспокойстве и заботе, тогда... поступай по собственной совести, Вилли, — сказал он. — Есть вещи за пределами церкви, с которыми Богу тоже нужно разбираться. Моя единственная надежда — что ты оставишь место для Бога в своей жизни, и что ты вернешь любовь, которую Он так свободно подарил всем нам.

Я нерешительно улыбнулся на это заявление.

— Спасибо, — наконец искренне произнес я.

Я вышел к скамье и встал на колени рядом с мамой. Ной пошёл следующим, и я ждал его. У него не было привычки ходить на исповедь потому что мало проповедников знали язык жестов. Даже если бы знали, я бы не позволил ему обнажать душу перед кем угодно. Но отец Гиндербах не был похож на большинство проповедников. Что-то в нём вызывало у меня желание стать человеком получше. Что-то в нём вызывало у меня желание, чтобы Ной знал свою церковь получше.

— Не могу поверить, что ты сходил на исповедь, — сказал Джексон, наклоняясь и шепча мне на ухо, пока я стоял на коленях на скамейке и произносил своё покаяние.

— Это по-католически, — прошептал я в ответ.

Церковь роскошно украсили младшие служки. От алтаря тянулись ряды, поглотившего скамьи молочая. В растущем мраке мерцали рождественские гирлянды. Боковой алтарь справа превратился в вертеп.

Тёмные небеса снаружи дарили лёгкую надежду на снег, редкий, но все же бывающий в округе Юнион, Миссисипи.

Ной весь сиял, когда вышел. Он опустился на колени рядом со мной и сложил руки в молитве, закрывая глаза и довольно плотно сжав губы.

Стоя на коленях рядом с ним, я поднял взгляд на большое распятие, висящее на алтаре. В моей голове проплывали слова "Гуляя по Мемфису"**.

*«Walking in Memphis» — песня американского певца Марка Кона с его альбома 1991 года *Marc Cohn*.

Скажи мне, ты христианин, сынок?
И я сказал, боже, сегодня да!
Я никогда не считал себя христианином, возможно, и никогда им не буду.
Но Иисус хорошо ко мне относился.
И я гулял по Мемфису...
Я парил над улицей Бил*...

*Beale Street — улица в деловой части Мемфиса.

Гуляя по Мемфису...
Но действительно ли ты знаешь, что чувствуешь?

Глава 71

Они желают нам Весёлого Рождества

В тот год в канун Рождества у нас был ужин в мамином доме, потому что мы с Джексоном оба работали на Рождество, а Билл и Шелли всегда ходили в баптистскую церковь рождественским утром. Нам пришлось сжать своё празднество до нескольких часов перед Всенощной.

Джош и Эли надели одинаковые свитера и джинсы. Мэри побывала в салоне красоты со своей мамой и растранирила деньги на причудливую причёску, полную кудряшек и ленточек, из-за чего мальчики без конца её дразнили. Дед сидел в кресле, наблюдая за детьми, пока они открывали свои подарки.

— Кучка жадных засранцев! — объявил дед. — В их возрасте, я получил от Санты только сифилис!

— Неправда! — сказала мама, закатывая глаза.

На «КУДЗУ» играла песня "Самое первое Рождество".

— Смотри, мама! — восторженно произнёс Джош, поднимая диск *Modern Warfare III*.

Ной выхватил игру из его рук и прижал к своей груди, будто чтобы установить принадлежность.

Я покачал головой, глядя на него.

— Мы не убиваем воображаемых людей, — со смешком сказал мне Джексон.

— Отдай назад! — воскликнул Джош.

— Лучше бы это был пятый Айфон, — объявила Мэри, поднимая маленькую коробочку и тряся её.

— Будто мне нужно ещё больше счетов за телефон, — сказал Билл.

— Ох, папа, — устало произнесла она. — Если это не пятый Айфон, я очень разозлюсь.

— Повернешься задницей, и я возьму молоток, — поклялся Билл. Было не ясно, зачем именно он возьмет молоток.

— Это Айфон, да? — восторженно произнесла она, разрывая упаковку.

— Кто хочет эгг-ног*? — спросила мама, внося в гостиную поднос со стаканами и раздавая их. — Джексон? Хочешь?

*Эgg-ног — сладкий напиток на основе сырых куриных яиц и молока. Популярен в США, странах Южной и Центральной Америки, Европе. Является традиционным рождественским напитком.

— Да, мэм, — ответил Джексон.
— Будь осторожен, — предупредил я.
Он сделал большой глоток, затем состроил гримасу.
— Что за чёрт? — спросил он.
— Водка, — сказал я. — Я говорил тебе быть осторожнее.
— Ты не дашь это детям, — сказал Билл. Как баптисту, ему не разрешено было пить, что вовсе его не останавливало, но он провёл границу, не позволяя давать водку детям, благослови его сердце.
— Есть и безалкогольные, — чопорно отозвалась мама.
— Кто-нибудь слышал о водке в вашем эgg-ноге? — в смятении спросил Джексон.
— Нам нравится, — сказал я, делая изящный глоток, чтобы показать ему, как надо.
— От него на яйцах вырастут волосы, — вставил дед.
Джексон сдавленно засмеялся.
— Многие люди этого не знают, но нужно передоить немало кур, чтобы получить эgg-ног, — продолжал дед.
— Я тебя умоляю, — произнёс я.
— Иди поговори с теми курами на улице. Твоя мама тягала их за сиськи весь день, пытаясь сделать для тебя этот эgg-ног. Прояви немного уважения!
— У куриц нет... вымени, — сказал Джексон.
— Когда-нибудь слышал о куриных грудках? — спросил его дед.
Джексон неуверенно улыбнулся.
— Когда мальчики были моложе, — сказал дед, — я говорил им пойти и подоить чёртовых кур, пока у них не взорвались сиськи. А эти дураки шли и пытались.
— Мы такого не делали, — сказал я в свою защиту.
— А вот и делали, — серьёзно сказал дед. — И всё было в порядке, пока вы не переключились на петуха.
— Не обращай на него внимания, — сказал я.
— Скажу тебе, они заставили петуха плясать от злости, — сказал дед. — После этого ему пришлось посетить консультанта. Потом мы отнесли его в правительственные учреждение и выбили чек по нетрудоспособности.
— Папочка! — закричала Мэри, когда увидела, что её подарком на самом деле был пятый Айфон.
— Иисус, Мария и Иосиф! — воскликнула мама. — Это просто телефон, Мэри.
Мэри подняла телефон, будто это была золотая медаль. Затем она встала и продефилировала через гостиную, держа его перед нашими носами, а затем убирая.
— Так почему петуху дали чек по недееспособности? — спросил Джексон деда.
— Ну, в том-то и дело, — сказал дед. — Мальчики не отличили титьку от члена, так что тянули за штуковину парня, пока тот не кончил. Бедняга больше не мог мочиться. Через три дня всё опухло и лопнуло, так что мы не успели взять чек.
Я улыбнулся.
— Но я тебе скажу, — продолжал дед, — что петух голосовал на следующих восьми выборах и всегда выбирал твёрдых демократов. По крайней мере, пока не появился Рональд Рейган, который нарушил строй, проклятый безбожный предатель.

— Курицы не могут голосовать, — отметил Джексон.

— А вот и могут, — сказал дед. — Просто царапнуть тут и там. Разве не так говорят? Ты когда-нибудь слышал о каракулях «как курица лапой», мальчик?

— Я думал, вы сказали, что петух лопнул.

— Ну, мы спасли одну его лапу, и когда пришло время выборов, отнесли на участок его ногу и поставили за него отметку.

Джексон притворился, что сомневается.

— Потом Марта продала эту лапу на гаражной распродаже, — добавил дед.

Мама медленно покачала головой.

— Её купил Бобби Гринвуд, если я правильно помню, — сказал дед. — Думал, что это была счастливая кроличья лапка. Заплатил за неё доллар, просто красота. Затем он пошёл на Вторую мировую, и ему вынес мозги итальянец.

— Обязательно выдумывать столько лжи? — спросила мама.

На лице Ноя была огромная улыбка, когда он подошёл туда, где сидели мы с Джексоном. Он показал нам свой подарок от своих дяди Билли и тёти Шелли: Dance Central III для Xbox.

Теперь мы можем танцевать, — счастливо прожестикулировал ему Джексон.

Почему бы тебе не принести наши подарок для бабушки? — предложил Джексон.

Ной поторопился к ёлке и повозился вокруг, вернувшись с аккуратно упакованным подарком для моей мамы.

— Вот спасибо, — сказала ему мама, садясь и открывая упаковку.

Он стоял перед ней и ждал.

— Что ты ей купил? — прошептал я.

— Увидишь, — ответил Джексон.

Это оказалась милая рамка для фотографий, которая кроме всего прочего была аккуратно завёрнута в подарочную бумагу.

Мама убрала бумагу и обнаружила портрет Джексона, Ноя и меня. Он был взят из серии фотографий, которые мы сделали в фото-будке в торговом центре, когда все вместе втиснулись в ящик и глупо смеялись. Джексон отнёс одну из этих крошечных фотографий в типографию, и там снимок сделали размером двадцать на двадцать пять сантиметров и раскрасили художественным фильтром.

— Это прекрасно, — с улыбкой произнесла мама.

— Мы тоже такую хотим, — сказала Шелли, беря рамку у мамы и глядя на портрет.

— Я сделал несколько лишних, — сказал Джексон. — Буду счастлив подарить одну вам.

— Это так мило, — произнесла Шелли.

— Вы как старая женатая пара, — наблюдалось отметил дед. — Не то чтобы старику не нравились фотографии его внуков. Но нет, обо мне больше никто не думает, разве не так, неблагодарные ублудки.

— Мы принесём одну и тебе, деда, — пообещал я.

— Если хочешь добраться своими жадными ручонками до моего сейфа, когда я умру, лучше принеси, — предупредил он.

— Мы и вам кое-что принесли, мистер Кантрелл, — сказал Джексон, доставая маленькую упаковку и протягивая её деду.

— О, мальчики-педики дарят мне подарок, — восторженно произнёс он.

Мы рассмеялись.

— Наверное, кучка презервативов, — добавил он, открывая подарок. — Если бы здесь была моя подружка-медсестра, я мог бы использовать парочку.

— Папа! — воскликнула мама.

— Она просто молит об этом, она и тот жир сзади, — сказал дед.

— Ты переходишь границы, — сказала мама.

— Есть ёщё порох в пороховницах, — ответил дед, зловеще ей ухмыляясь.

— Обрюхатишь кого-нибудь и можешь воспитывать ребёнка сам, — парировала мама.

Дед усмехнулся.

— Ну, что же это? — спросил он, раскрывая упаковочную бумагу. — Наверное, бомба. Не могу дождаться, когда сдохну, пора бы в путь.

— Прекрати говорить о смерти, — сказал я. — Ты, наверное, всех нас переживёшь.

— И я достаточно суров, чтобы это сделать, — сказал он. — А если нет, что же, ей-Богу, по крайней мере, я хочу, чтобы люди знали, что я был здесь. Если местные не вздохнут с облегчением, когда я умру, я сочту это своим провалом. А теперь, что это, чёрт побери?

Он поднял маленькую, простую коробочку.

— Откройте, — сказал Джексон.

Дед открыл коробку и достал рулон туалетной бумаги. На каждом квадратике была смешная цитата. Они чередовались с фотографиями знаменитостей, писателей и политиков.

— Посмотрите на это! — воскликнул дед. — Теперь я могу смеяться и срать одновременно!

— Я думала, ты всегда так делал, деда, — сказала Мэри. — По крайней мере, запах такой же.

Он усмехнулся ей.

— Мэри Кантрелл! — произнесла Шелли, стыдясь. — Следи за своим языком, иначе я отнесу этот Айфон прямиком обратно в магазин.

— Она будет такой же, как я, — счастливо сказал дед.

— Она не будет такой, как ты, дед, — строго сказала Шелли.

— Разве только потому, что у меня нет пениса, — отозвалась Мэри.

— Мэри Кантрелл! — воскликнула мама, а мы рассмеялись.

— А она егоза! — с гордостью воскликнул дед.

— Я не хочу, чтобы она говорила так в моём доме, — сердито произнесла мама.

— У нас с Ноем есть подарок для вас всех, — объявил Джексон, поднимаясь на ноги и жестикулируя Ною: *Ты готов?*

Ной улыбнулся и встал по центру гостиной. Он указал пальцем в потолок, в драматичной позе Джона Траволты.

Мы замолкли, не зная, чего ожидать.

Джексон включил CD-проигрыватель и нажал кнопку.

Гостиную заполнила диско-версия песни "Мы желаем вам Весёлого Рождества".

Они демонстрировали уморительную хореографию, и я беспомощно хихикал. Они оба так искренне и так естественно играли на публику, что не засмеяться было невозможно. В другой жизни Джексон Ледбеттер мог бы быть поющей под фонограмму дрэг-квин*. Ной подражал его движениям настолько точно, что это было поразительно. Наблюдая за ними, можно и не понять, что Ной не слышал ни звука.

*Дрэг-квин — мужчины-исполнители, которые переодеваются в женскую одежду для выступления в своих шоу.

Посреди песни они прожестикурировали некоторые слова и подбодрили нас прожестикурировать слова им в ответ.

Затем они сделали несколько бальных движений, щедро присыпанных дурачеством.

Они получили заслуженный взрыв аплодисментов, когда закончили.

Мама передала ещё эgg-нога, и водка начала пробираться мне в голову. К тому времени, как мы попали на Всенощную, я с трудом мог пройти по прямой линии.

Глава 72

Визит от Санты

На следующее утро меня разбудил Ной, его глаза говорили, что уже Рождество.

Вставай! — настойчиво прожестикулировал он.

Я лежал в объятиях Джексона Ледбеттера в "главной спальне" в нашей новой квартире, чувствуя его тёплую кожу своей спиной.

Я покачал головой.

Нет, я не хотел вставать.

Пожалуйста? — умолял он.

Я снова покачал головой. Предыдущим вечером я выпил слишком много водки и теперь расплачивался за это.

Я затянул Ноя на кровать и прижал к себе. Он терпел это около минуты. Затем сел и скинулся с нас одеяло.

Джексон вздрогнул и проснулся.

Уже Рождество! — счастливо прожестикулировал Ной. — *Вставай!*

— Который час? — спросил Джексон.

Был едва ли шестой час утра.

— Ты, должно быть, шутишь, — простонал он.

— Ты теперь родитель, — сказал я. — Вставай и выполняй свои обязанности.

Моя голова меня убивает.

Ной ущипнул меня за щёку, стараясь заставить открыть глаза.

Я вылез из кровати и от холода накинул банный халат.

В обединённой гостиной/столовой Джексон поставил очень большую ёлку, совершенно точно задушенную рождественскими украшениями и гирляндами. Под ёлкой было больше двух дюжин подарков, и Ной был вне себя от предвкушения узнать, что там. У него были подарки от Джексона, мамы, Тони и Кики, мистера и миссис Уоррен, а также от меня.

Он был готов лопнуть.

Я уже сделал кофе, — нетерпеливо сказал Ной, когда увидел, что я направляюсь на кухню.

"Благослови его маленькое сердце", — подумал я. Я налил себе и Джексону кофе и отнёс его в гостиную. Мы сели на полу перед ёлкой, пока Ной разрывал упаковки своих подарков. За короткий срок Ной обнаружил набор комиксов, пару «Найков», о которых неоднократно просил, несколько новых маек, свитеров и джинсов, очень дорогую железную дорогу от бабушки и дедушки, фигурку Железного Человека, которую я нашёл в магазине в центре города, и, последнее, но определённо не менее важное, новый Xbox One, за счёт Джексона. Это шло в добавок к различным рождественским подаркам и всему остальному, что включало новый фильм о Супермене.

Санта Клаус в этом году расстарался.

— И есть кое-что ещё, — сказал Джексон, доставая очень маленькую коробочку и протягивая её мне.

— Мы договорились, что не будем ничего друг другу покупать, — отметил я. Я был уже в долгах из-за своей бесполковости, и даже еще не пытался купить что-нибудь действительно милое для мужчины моей жизни.

— Это не рождественский подарок, — сказал он, его глаза блестели.

— Мой день рождения только в феврале, — отметил я.

— Это не именинный подарок.

— Что это?

— Открой и узнаешь.

Это была коробочка для украшений. Это-то я знал. Она была слишком маленькой для чего-то другого. Но что за украшение? И зачем ему покупать мне что-то настолько дорогое, когда он знает, что я не смогу ничего купить в ответ?

Я закусил губу и открыл коробочку.

Это было кольцо.

Простое, но, тем не менее, очень красивое золотое кольцо. Массивное, тяжёлое на вид, явно дорогое.

— Что это такое? — спросил я.

— Я хочу, чтобы ты вышел за меня замуж, Вилли Кантрелл, — сказал он.

— Чего?

Он встал на колени, забрал коробочку из моих рук и протянул мне кольцо.

— Ты выйдешь за меня?

Я нервно рассмеялся, думая, что это просто шутка, но он был очень, очень серьёзен.

— О чём ты? — спросил я.

— Ты выйдешь за меня замуж, Вилли Кантрелл?

— Ты же знаешь, мы никогда не сможем пожениться, — взволнованно произнёс я.

— Мы можем поехать в Бостон и заключить гей-брак в любое время, когда захотим, — отметил он. — Поэтому я спрашиваю еще раз: ты выйдешь за меня? Ты будешь моим мужем остаток моей жизни? Ты позволишь мне быть отцом Но亞?

Должно быть, это водка замедлила мой мозг, или Рождество и наблюдение за тем, как счастлив Но亞, но это застало меня врасплох, это внезапное предложение, эта внезапная серьёзность.

Мы, конечно же, шутили о том, чтобы пожениться. Временами мы даже говорили об этом всерьез. Но до меня никогда не доходило, что мы можем на самом деле пожениться, можем пройти к алтарю в церкви и принести свадебные клятвы. И до меня определённо никогда не доходило, что кто-то такой, как Джексон Ледбеттер, захочет сделать такое со мной, из всех возможных людей, которые так добровольно бросились бы в ноги янки.

— Я не знаю, что сказать, — признался я.

— Нет, знаешь, — ободряюще произнёс он.

— Ты хочешь пожениться? — недоверчиво спросил я. — В смысле, действительно пожениться?

— Я люблю тебя, но иногда ты такой глупый, — с улыбкой сказал он. — Конечно, я хочу пожениться. И если ты скажешь "да", я буду самым счастливым человеком во всём мире, и я всегда такой рядом с тобой и Ноем. Ты увидишь. Ты никогда не пожалеешь о том, что будешь моим мужем. Я тебе обещаю.

— Это совершенно новый уровень ухаживаний, — сказал я.

— Это то, что надо, — сказал Джексон. — Теперь в игре я рисую по полной, так ведь?

— Но я не могу этого сделать, — сказал я, отталкивая кольцо.

— О чём ты?

— Это, должно быть, какая-то шутка, — ответил я.

— Это не шутка. Я люблю тебя. Это так сложно понять?

— Мы не можем пожениться. Это даже незаконно.

— Законно в некоторых штатах, — отметил он. — И когда-нибудь это будет законно и здесь.

Еще немного, и я расплачусь. И это не будут слёзы счастья.

— В чём дело? — спросил Джексон, пододвигаясь и кладя руку мне на колено.

Ной тоже заметил моё несчастье и подобрался ближе, глядя на меня с замешательством.

Что такое, папа?

Я вытер глаза, пытаясь скрыть слёзы, чувствуя себя до одури шокированным.

— Что такое? — надавил Джексон.

Я убил настроение момента. Убил насмерть.

— Знаю, я выхожу и борюсь за права геев, — сказал я, — но я борюсь за младшие поколения. За детей. Я борюсь там не за себя. Я никогда не ждал никаких прав, не в моей жизни.

— Какого чёрта? — произнёс Джексон.

— Я знал, что ты не поймёшь.

— Я пытаюсь, — сказал он. — Но не улавливаю.

— Здесь, на юге, ничего не меняется, — сказал я. — Ты этого не понимаешь?

Ничего никогда не меняется. Для таких людей, как ты, в Бостоне или в Лос-Анджелесе, или в Нью-Йорке нормально говорить о гей-браке, о равноправии и обо всём остальном, но здесь этого никогда не произойдёт. Не с нами. Не с такими людьми, как я.

— Это куча дерьяма, — довольно раздраженно произнёс Джексон.

— Просто это так, — сказал я. — Мы ещё даже не закончили чёртову Гражданскую войну. К тому времени, как мы доберёмся до однополых браков, мы оба уже будем давно мертвы и забыты, а люди будут жить на планете Юпитер.

Джексон сел на корточки с озадаченным выражением лица.

— Мы можем поехать в Бостон, — тихо сказал он. — Это всего несколько часов на самолёте. Не большое дело.

— Ты не понимаешь, — сказал я. — Я хочу пожениться в своей собственной церкви, при своём собственном священнике, в своём собственном обществе, со своей семьёй. Со своими друзьями. Здесь. В месте, где я вырос. В своём доме. Я не хочу ехать в какую-то страну, чтобы пожениться. Это как поехать в Лас-Вегас. Для меня это не будет по-настоящему.

— Ушам своим не верю, — сказал Джексон.

— До тех пор, пока хоть один человек раб, — произнёс я, цитируя старую поговорку, — мы все рабы. До тех пор, пока хоть один человек не свободен, никто из нас не свободен. Конечно, я могу поехать в Бостон, но здесь так много таких людей, как я, которые этого не могут. У них нет денег. Это было бы несправедливо. Это было бы неправильно.

— Bay, — тихо произнёс Джексон.

— Не слушай меня, — сказал я, чувствуя себя глупо, будто сказал слишком много, будто говорил задницей.

Джексон вертел в руках коробочку от кольца, потупив взгляд.

Что случилось? — спросил Ной.

Ничего, — сказал я.

Джей тоже будет моим папой?

Я улыбнулся, но не ответил.

— Я не знаю, что с этим делать, — наконец признался Джексон. — Я думал, ты будешь счастлив.

— Я счастлив, — отметил я.

— Ты действительно настолько увлечён политикой, что не выйдешь замуж, пока это не будет законно здесь?

— Не знаю, — признал я. — Мне придётся подумать об этом. Сейчас это не кажется правильным, но, может быть, я веду себя глупо.

Казалось, в его парусах снова заиграл ветер.

— Хорошо, — сказал он. — Давай обручимся. И когда однополые браки станут законными в штате Миссисипи, тогда мы заключим однополый брак в штате Миссисипи. И я подожду ради тебя. Сколько бы времени это ни потребовало. До тех пор мы будем просто обручены, и весь мир будет знать, что мы ждём, когда нас догонит история. Так или иначе, Вилли Кантрелл, я хочу оставаться с тобой до конца своей жизни. Так что ты скажешь?

Он снова протянул кольцо.

Ной ярко улыбнулся, наблюдая за этим.

Я колебался долгое время. Как бы это ни было нелепо, я никогда не представлял, что Джексон Ледбеттер или кто-либо ещё когда-нибудь сделает мне предложение. Я надеялся. Я мечтал. Но никогда не позволял себе верить, что это может на самом деле произойти. Возможно, это был защитный механизм, чтобы избежать боли разрушенных надежд. Но вот оно. И теперь, когда Джексон спросил, теперь, когда он стоял на коленях с кольцом в руке и смотрел на меня, я не знал, что сказать.

Что такое, папа? — спросил Ной.

Не знаю, — признался я.

Ты не хочешь, чтобы Джей был моим папой?

Я опустил глаза.

Он придинулся ближе, отказываясь быть отвергнутым.

Скажи "да", папа, — настаивал Ной. — *Скажи "да", и тогда мы будем настоящей семьёй.*

— Ну? — поторопил Джексон.

Я повернулся, чтобы посмотреть на него; зрелище было убедительным. Глядя на Джексона Ледбеттера, я знал, что сделаю практически всё, что он попросит, и, вероятно, намного больше. Каким-то образом я знал, что в этом мире не много мужчин, которые могут сделать так, чтобы с моего бисквита закапало масло. Я никогда больше не найду кого-то, похожего на него.

— Тебе нужно спросить разрешения у моего сына, — сказал я.

Он повернулся к Ною:

Я хочу пожениться с твоим отцом. Ты не против?

Ты любишь его так же сильно, как я? — спросил Ной.

Ты знаешь, что да. Я люблю его очень сильно. И тебя я тоже люблю. Я хочу, чтобы мы были семьёй.

Ной улыбнулся от уха до уха.

Так у меня есть твоё разрешение? — спросил Джексон.

Тебе нельзя быть дураком, — предупредил Ной.

Не буду, — заверил его Джексон. — *Так... что ты скажешь?*

Ной кивнул.

— Хорошее дело! — воскликнул Джексон.
Они повернулись ко мне, и Джексон снова протянул кольцо.
— Так что ты скажешь, Вилли Кантрелл? — спросил Джексон.
— Я не знаю, — сказал я. — Что мне с этого?
— Что тебе с этого? — возмущённо спросил Джексон.
— Ты хочешь, чтобы я вышел замуж за проклятого янки, от которого пахнет одеколоном, продающимся в «Белкс»? — спросил я. — Серьёзно, я имею право ждать чего-то большего.
— Не называй меня Ширли*, — сказал Джексон. — Ты выйдешь замуж за этого проклятого янки и будешь счастлив.

*Отсылка к сцене из популярной комедии восьмидесятых — "Аэроплан".

— Ты потрясёшь моё сахарное дерево? — поинтересовался я.
— И даже больше. И если ты не наденешь это кольцо на свой палец, я надеру твой конфедеративный зад до самых лопаток.
— Тогда я смогу использовать свои ягодицы как уши Микки Мауса, — отметил я.
— Брось, Вилли, — произнёс Джексон. — Ты выйдешь за меня?
— Я не могу позволить себе купить для тебя такое кольцо, — сказал я.
— Поэтому я купил еще одно, — сказал он, доставая и показывая ещё одну коробочку.
— Ты знаешь, я не верю в Р—А—З—В—О—Д, — сказал я.
— Прекрати увиливать, Вилли, — ответил он. — Ты станешь или не станешь моим мужем?
— Кажись, стану, мистер Ледбеттер, — сказал я. — Действительно стану.
— Да! — воскликнул Джексон, надевая кольцо мне на палец и целуя меня прямо в губы, так сильно и так страстно, что Ной закрыл глаза руками и захихикал.
После этого, когда Джексон и Ной занялись установкой нового Xbox и испытанием своих новых игр, я сидел на диване с нелепой улыбкой на лице, которая никак не исчезала, и наблюдал за двумя своими мужчинами.
"Может быть, и на юге вещи меняются", — подумал я. Или, может быть, все, что мы могли сделать — это измениться сами и надеяться, что юг, в конце концов, нас догонит.
Я взял телефон и позвонил маме.
— Ты ни за что не угадаешь, — произнёс я.

КОНЕЦ 1 КНИГИ